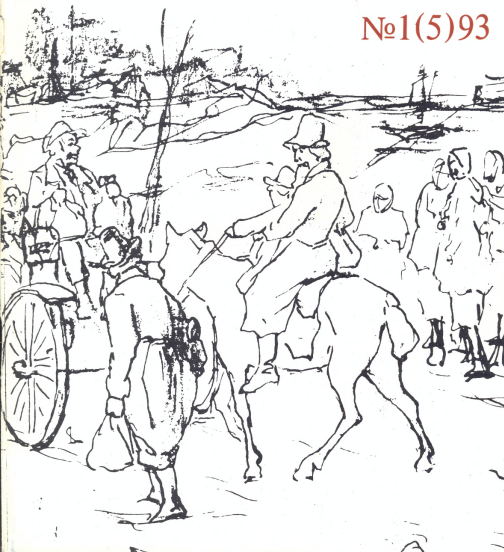

ISSN 0869-1088

СТРАННИК

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ПОЛИТИКА

№1(5)93

СТРАННИК

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ПОЛИТИКА

Издается товариществом «Странник»
при участии СП «Нептун Пасифик»

1(5)·93

СТРАННИК 1(5) /93

<i>Прямое слово</i>	
Сергей Яковлев. МЕРТВЫЙ РАСЧЕТ	2
<i>Встреча с поэтом</i>	
Вера Евдокимова. ДОМ	9
<i>Диковинный мир</i>	
Михаил Бестужев. ПЛАВАНИЕ ПО АМУРУ В 1857 ГОДУ. Из путевого дневника	12
<i>Знакомство</i>	
Николай Мантров. ДРОГНУВШИЙ МОСТ. Драма в одном действии	36
<i>Разговор в пути</i>	
Сергей Гандлевский. Я И МОЕ ПОКОЛЕНИЕ. Беседует с поэтом Сергей Шаповал	42
<i>Записная книжка</i>	
Василий Розанов. ПЕРЕД САХАРНОЙ. ЛЮБОВЬ СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ОТЕЧЕСТВА	48
<i>На пепелище</i>	
Владимир Линденберг (Челищев). КРАСНЫЙ ДОМ, ИЛИ КЛЕТКА ИДИОТОВ (1917 — 1918)	56
<i>Проклятые вопросы</i>	
Павел Негретов. СТАНУТ ЛИ МОСКОВИТЫ СНОВА РУССКИМИ?	66
<i>Следы минувшего</i>	
ДЕЛО КОЛОГРИВСКОГО ИСПРАВНИКА	72
<i>Из старых газет</i>	
СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О МАТЕРИ И ДЕТЯХ	78
<i>Маргиналии</i>	
Сергей Белов. СОВРЕМЕННОКИ О ДОСТОЕВСКОМ. Неизданные и неизвестные воспоминания	80
<i>Письма из России</i>	
ПИСЬМА ФЁДОРА	86
<i>Эхо</i>	
«ПРОШУ РАССЧИТАТЬСЯ ЖУРНАЛОМ!»	91
<i>Tête-à-tête</i>	
Людмила Бусуек. ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ О КОТЕ, ЧУРЛЕ, ПРАЗДНИКАХ И ГРУСТНЫХ МЫСЛЯХ	92

На первой и четвертой страницах обложки рисунок Василия Перова.

В оформлении номера использованы фотоработы Владимира Филонова

Учредитель
и главный редактор
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ

Редакционная коллегия:
ГАЛИНА БЕЛАЯ
АНДРЕЙ БИТОВ
ЛЮДМИЛА БУСУЕК
АЛЕКСАНДР ДОБРОХОТОВ
ВИКТОР ЕРОФЕЕВ
ВЛАДИМИР КАНТОР
СЕРГЕЙ ЛАРИН
ИНАР МОЧАЛОВ
ВИКТОР ПОВАЛЯЕВ
АНАТОЛИЙ СТРЕЛЯНЫЙ
ЛЕВ ТИМОФЕЕВ
ДАВИД ФЕЛЬДМАН
ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВ
ГРИГОРИЙ ХАНИН
ПЕТР ЧЕРКАСОВ
БОРИС ЧЕРНЫХ
МАРИЭТТА ЧУДАКОВА
ГЕОРГИЙ ЮДИН

Главный художник
ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

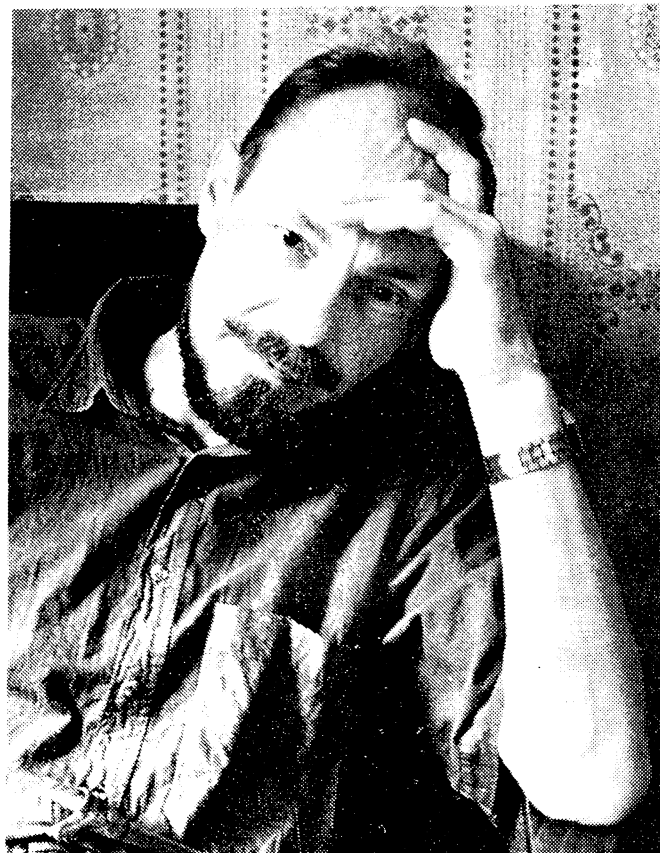
© «Странник», 1993

Адрес редакции:
121019, Москва, а/я 60
Тел. 241-45-52, 582-24-37

Цена договорная

Сдано в набор 28.09.92.
Набрано и сверстано
на предприятии «Акмел».
Формат 60×84/8.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 11,6.
Уч.-изд. л. 12,25.

Отпечатано в Мытищинской типографии
Зак. 6089 Тир. 6000

РАСЧЕТ

МЕРТВЫЙ

Сергей ЯКОВЛЕВ

— А что же такое эта живая жизнь, по-вашему?..

— Тоже не знаю, князь; знаю только, что это должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая.

Ф. М. Достоевский. «Подросток».

Моя тетка умерла и оставила после себя дом.

Когда-то в нем жила крестьянская семья: дедушка и бабушка, четыре их дочери и четверо сыновей. Много с тех пор воды утекло, почти все тогдашние обитатели дома отошли в иной мир, а сам он стоит. Правда, покосился на один бок, крыльцо провалилось, крыша течет. Но голые бревенчатые стены изнутри светлы, будто недавно

срублены; капельки прозрачной смолы на них блещут, упругий мох торчит из пазов...

Большая семья радовалась новоселью. По тогдашним меркам дом считался просторным, хотя в нем всего-то горница да кухня, чуть ли не половину которой занимает большая русская печь. Еще, конечно, чулан, да сеновал (где можно было ночевать летом), да темный пыльный чердак, на кото-

— *прямое слово* —

ром до недавних дней стоял, ужасая непосвященных, загадя купленный теткой для себя пустой соновый гроб.

Если идти от дома к амбару по широкой деревенской улице, то по левую руку будет другой дом, с заколоченными крест-накрест окнами, а возле него — огороженный пустырь с кое-где торчащими из крапивы и лопухов сухими деревьями. Дом этот построил мой дядя, солдат первой мировой войны, когда уже вернулся с фронта и женился. Я еще помню роскошный фруктовый сад, который дядя старательно возделывал на месте нынешнего пустыря. Помню и самого дядю: это был приземистый и крепкий, лукавый старик с седой окладистой бородой, до конца жизни сохранивший солдатскую хватку (любил для потехи бороться с молодыми на лугу и никогда не выходил из схватки побежденным). Жил вдвоем со своей сухощавой старухой на маленькую пенсию, садовничал, держал козу. О властях отзывался скептически («Они все коммунисты, сволочи!»), не упускал случая покритиковать местных начальников в районной газете или даже пожаловаться на них письменно в Центральный Комитет. Интересно, что критиковал мой дядя нелюбимых им коммунистов как раз с позиций ортодоксального коммунизма, то есть за отступление от социальной справедливости, за корысть и мздоимство, за бесхозяйственность...

Дядя умер в шестьдесят пятом, а вскоре за ним в могилу последовала и жена. Детей у них не было, сад зарос лопухами, а в дом заглядывают только приезжие воры — посмотреть, не осталось ли там икон или старинных книг.

В амбаре семья хранила годовой запас хлеба и семенное зерно. Амбарам в деревне уделялось особое внимание, это были добротные и прочные строения; во многих сохранились распилы и заплатки в бревенчатых стенах — по преданиям, цыгане долгими зимними ночами буравили стены и воровали зерно. (Кто знает, цыгане ли?..) В этом амбаре с тридцатых годов не лежало ни зернышка. Теперь он стоит без крыши, с прогнившими насквозь бревнами, но — символично! — можно еще полюбоваться крепкой дверью из толстых досок на красивых кованых петлях, с врезанным в нее антикварным замком...

Когда-то мой знакомый, побывав в Соединенных Штатах, с изумлением рассказывал, что там, отправляясь на прогулку в лес, фермер обязательно прицепит к машине передвижной туалет — чтобы не загрязнять природу. «А у нас в деревне испражняются под каждым кустом, в лучшем случае в коровьем хлеву! Нет, нам никогда не найти общего языка с Западом».

Я так не думаю.

За границей жуют соленые конфеты (по-английски salt sweet) — не для того ли, чтобы постыдное благополучие западных жителей не столь выпирало на их цветущих лицах? Как сообщают нам античные авторы, подобными ухищрениями в древности пользовались неверные жены: румяные и счастливые после своих измен, они, чтобы одурочить мужа, жевали перед его приходом лук или чеснок. Соленые конфеты куда крепче и противнее чеснока, и употреблять их с нашими лицами, нашими желудками и непреходящим трагическим вкусом во рту (насчет этого вкуса есть немало остроумных русских пословиц) просто опасно. Что же касается иностранцев, им соленые конфеты прида-

ют разве чуть больше озабоченности, но никак не кислое выражение.

Во вот побывал я недавно в Швеции и увидел: живется там нелегко.

Представляю, какие чувства может вызвать у моих соотечественников такое заявление. Во-первых, совсем еще недавно эту мысль вбивали нам в головы изо дня в день, а мы либо не знали, как на самом деле живут люди за границей, либо просто не смели возразить. Во-вторых, примерно то же мы слышим и сегодня — уж известно от кого. Так что лучше не надо! И вот уже где-нибудь в Чухломе плотник или жестянщик, отдав безмянному мошеннику круглую сумму за плохую ксерокопию бланка, старательно выводит непривычной рукой заявление на выезд в Америку, на работу... Неплохой, трезвый и добросовестный плотник или жестянщик, зараженный ненавистью к коммунистам и прочим крикунам, к своему собрату-пропойце, ко всей этой нищей стране, не способной оплатить за собачий труд даже парой носков, не говоря уже о «мерседесе». И я признаю за ним право на такие чувства. Но утверждаю, что если дать ему возможность для пробы пожить всего две недели там, где он решил поселиться навсегда, он немедленно заберет свое заявление обратно. Потому что там, чтобы жить не хуже людей, понадобится куда больше сил и умения, чем здесь. А для начинающего с нуля эта задача и вовсе неразрешима, и только дети его, может быть, станут жить нормально. И если кто думает, что жить там хуже среднего — тоже хорошо, для нас так просто прекрасно, то он глубоко ошибается. Говорю это не потому, что мне так уж хорошо живется здесь — нет у меня ни машины, ни видеомэгафона, ни даже квартиры отдельной. И чувства к тем, кто мне такую жизнь устроил, я испытываю соответствующие. Но это другая тема.

Русская земля сказочно богата и прекрасна, и она все еще прощает своему населению вялость, неумение и безразличие. И не стоит кликушествовать, будто она уже безнадежно погублена, испорчена, отравлена, так что на ней и клочка для жизни не осталось, — все это выдумки карьеристов, играющих на наших с вами чувствах. Посмотрите, как буйствует каждой весной зелень даже там, где земля была выжжена, вытоптана, залита отходами, — и ждет всего лишь, чтобы не выжигали, не вытаптывали, не заплевывали вновь, долго сопротивляется... Запад, по нашим дремучим представлениям, отдался в полон технике и технократам, а он уже давно гуманистичен. И вся разница между Западом и Россией сейчас в том, что там уже осознали, какая это хрупкая вещь — жизнь, а у нас еще нет. Мы все *выгадываем*, а там давно уже думают о пользе и *красоте*.

К слову, о красоте, призванной, как известно, спасти мир. У нас любят прикрываться как щитом этой идеей Достоевского и сидеть сложа руки, подзревая, очевидно, что без чуда дело спасения не обойдется. На Западе Достоевского читают хорошо и ценят сегодня, возможно, больше, чем в России: его репутация там устойчива, она не переживает обычных для нас взлетов и падений. И там усвоили то, чего упорно не желают знать у нас, хотя об этом еще и до Достоевского настойчиво говорили умные русские люди: «Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения искусства в нашей домашней жизни» (П. Я. Чаадаев).

Западный быт хорош не избытком электронного ширпотреба — компьютеров, телевизоров, видеомагнитофонов, плееров и т.п., которые так дорого у нас ценятся. Там этим всерьез увлечены разве что дети, и, как всякие разбросанные в беспорядке игрушки, предметы эти вносят в домашнюю жизнь некоторую дисгармонию. Он, этот быт, вообще не отличается даровым избытком: не всякому труженику по карману новый автомобиль; редкий студент не подрабатывает по вечерам и в выходные дни на еду и одежду; в многочисленных магазинах подержанных вещей прохаживаются почтенные матери семейств и подолгу ощупывают курточки с продранными подкладками или белые блузки с пожелтевшими воротничками... А когда в Швеции соседка по вагону, бедно одетая студентка, рассказывала мне, что ее папа — железнодорожный рабочий, я всем существом чувствовал, что он именно железнодорожный рабочий, а не фатально процветающий Иностранец. («Как много глупых детей! И все же — как хочется жить!» — прочел я на стенке мужского туалета в одном из старейших университетов Швеции. Жирная надпись, с болью выведенная по-русски каким-то студентом-славистом поверх многообразных рассуждений на шведском (вероятно, не слишком пристойных), определенно давала понять, насколько поверхностны различия между Западом и Россией и как мы на самом деле близки друг другу, разновозрастные дети одной цивилизации.)

Современный западный быт, на мой взгляд, ценен прежде всего «отражением искусства в домашней жизни», а если выразиться более приземленно — самим домом. Домом как реальным жилищем семьи и домом — идеальным образом, необходимо присутствующим в каждой голове; последнее, может быть, даже более важно, ибо всякий реально существующий в этом несовершенном мире дом требует или ремонта, или перестройки, либо становится местом раздоров или предметом имущественных тяжб, либо хозяева его страдают от дурных соседей... В достижение своего идеала люди на Западе каждодневно вкладывают творческий труд, приближая жилище свое к храму (как и должно быть, если уж мы считаем, что созданы по образу и подобию Божьему). И в один прекрасный день какой-нибудь гость, не участвовавший в нелегком созидании этого храма, не посвященный в досадные мелочи, омрачающие жизнь любой семьи в любом уголке мира, видит перед собой овеществленный сон...

Я видел этот сон. Обыкновенный жилой дом, в котором обыкновенные дощатые полы покрыты светлым лаком, свет проникает через окна в крыше, а этажи соединяются винтовыми лестницами. Железную норвежскую печь, с помощью которой просто подтапливают дровами в особенно холодные дни большую комнату, и без того неплохо обогреваемую электричеством, — но созданную как будто специально для того, чтобы украшать эту комнату в качестве произведения искусства. Чистую неогороженную лужайку перед домом, покрытую сухим девственным мхом и обсаженную цветущими кустами. Тропу, ведущую к скалистому берегу лесного озера редкостной красоты, и установленную на этом берегу небольшую деревянную скамью.

— Я люблю здесь бывать, — просто сказал хозяин дома. — На этой скамье хорошо думается.

В этом странном сне можно было не брать в расчет, что дом заполнен гостями, детьми и кошками (почему-то никто не оберегал от них сверкающие лаком полы и лестницы), что вплотную к нему стоят другие дома, а в них, в свою очередь, полно других людей, так что и уединенной скамьей хозяин наверняка пользуется не один... Так была устроена жизнь, что ничто не мешало и при желании всего этого можно было не замечать. Таким был дом, создававшийся на Западе веками в труде, компромиссах с людьми и природой, в процессе самовоспитания и воспитания красотой.

Может быть, впечатление от моего видения усилено было ностальгией, которая поражает нас иногда при виде средневековых замков и городов. Кто бывал в Таллинне, тот помнит, наверное, небольшие особняки в старом городе: надежные каменные стены и тонкий оконный переплет; островерхие черепичные крыши; выступающие деревянные балки с блоками на концах, с помощью которых купцы поднимали товар на второй этаж — там хранили, а внизу торговали... Это все тот же заманчивый образ дома, претерпевший изменения во времени. Но кто не желал бы жить в том средневековом доме и сегодня? Достоевский (этот, по точному наблюдению Е. А. Штакеншнейдер, *мецанин*) как-то обмолвился устами одного из самых замечательных своих персонажей о *старых камнях* Запада, которые русским дороже, чем самим западным людям. Это отнюдь не значит, что русским хочется этими камнями владеть (мы жертвуем вам Достоевского — отдайте ваши камни!), и все же: не кроется ли причина этой странной ностальгии вполне культурного, ни на чьи земли не претендующего русского человека в его вековой бесприютности?

Некоторое время назад в печати стали широко использовать выражение «хомо советикус» для обозначения социально-биологического типа, выработанного советским строем. Выражение хлесткое, но, может быть, не слишком умное и не вполне справедливое. В конце 70-х мне на глаза попало последнее интервью Ларисы Шепитько, напечатанное (кажется, в журнале «Литературное обозрение») уже после ее смерти. Каким она была художником, рассказывать не надо. А вот как она сумела тогда, ничего не страшась, достойно ответить всем им, своим и нашим мучителям, — об этом стоит вспомнить. Чтобы почувствовать, насколько мелка и ничтожна нынешняя свободно обличающая публицистика (кого бы она ни обличала), как плохо сознают пишущие реальную трагедию народа. (Я не настаиваю на моем примере; у каждого, вероятно, найдутся свои образцы для подражания из той эпохи. Хорошо, если среди нынешних «постсоветикусы» подрастают люди такой силы и страсти, какие жили с нами в 70-х.)

В чем советская власть действительно преуспела, так это в выработке механического сознания, лишённого человеческих реакций, чувств и привязанностей, — сознания, основанного на голом расчете. В этом феномене я вижу разгадку перестроечных реверсов и «покаяний», столь омерзительных и пошлых. Когда академик Д. С. Лихачев выступил на заре перестройки с призывом покаяться, он имел в виду, мне кажется, как раз попытку вернуться к нормальным реакциям, то есть стать людьми. Он не предвидел чудовищного результата, какой произведет его искренности при-

зв в толпе механических людей. Евангелие подсказывает, что истинно раскаявшемуся можно простить все. Но человека, которому недоступны чувства раскаяния, любви, тоски и сожалений, который и в самом «покаянии» своем только рассчитывает, простить невозможно. Механическое сознание — худший из грехов.

Мне возражат: какой же это расчет, если результатом стала бездомная и голодная жизнь? (По словам историка Роберта Конквеста, примерно такой была логика его зарубежных оппонентов: не могло быть в России террора — ведь гноить в лагерях миллионы работников *непродуктивно!*) Но есть нормальный расчет живого человека что-то сделать (на худой конец, обмануть или украсть), чтобы в итоге улучшить свою жизнь, стать богаче. А есть расчет механического сознания: брать взятки и воровать — чтобы *не даром* трудиться; заполучать большие должности и звания — чтобы *слушались*; копить наряды, утварь, драгоценности — чтобы *уважали*. Этот тип сознания не при советской власти возник, он существовал и до нее. Именно с ним (и с порождаемыми им *мертвыми душами*) сражалась вся новоевропейская классика, в том числе и русская. Да что там: вся христианская цивилизация построена, по сути, на противостоянии такому сознанию («...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее»¹). Но большевики, отбрасывая все гуманитарные ценности при постройке своего жесткого иерархического каркаса, созданного как бы для их выживания («как бы», потому что в глобальном культурно-историческом смысле они просчитались), распространили механическое сознание необычайно широко и сделали его на самом деле «материальной силой». Этой власти невыгодны были живые души, более того, они несли ей прямую угрозу: слишком ненормальна, искусственна и бесплодна была она сама. Она силой взяла себе на службу науки, искусства, религии — предварительно удушив их, изгнав из них живой бунтарский дух. Точно так же поступала она с людьми.

Эта власть сама наложила на себя руки.

Я говорю сейчас даже не о той лютой ненависти, которую советская власть копила в народе и которая рано или поздно должна была взорваться. Я говорю о внутренней обреченности идеологов мертвого расчета. Для них жизнь кончилась еще раньше, чем для тех, кого они давили и уничтожали. Вся так называемая номенклатура — в сущности, обделенные люди, полумертвецы. У них могли быть роскошные квартиры, дачи и машины — но все это было не их, чужое. Кто бывал на казенных дачах, тот сумел, наверное, ощутить холод и неуют. Хозяевами там не повешено ни одной занавески, не забито ни одного гвоздя; если же они попытались сами что-то сделать, результат их труда выглядит столь беспомощно и безобразно, что может служить разве что памятником номенклатурной безвкусице.

С ними все давно ясно: им было некогда, они мечтали овладеть миром и не желали учиться строить дом.

Но когда сегодня я включаю телевизор или

¹ Удручает непонимание или умышленное запутывание (из морально-политических соображений?) этого животворного завета Христа, столь открытого и столь родственного русской душе, нашими современными духовными авторитетами.

прохожу по людной улице, я с тоской наблюдаю на лицах нашей постсоветской номенклатуры — всех этих новоиспеченных депутатов, префектов, банкиров, промышленников, партийных агитаторов и модных адвокатов, да и просто спекулирующей мелкоты с наглыми глазами и крепкими шеями — родовую печать мертвого расчета.

Я же успел купить себе недорогой сельский дом, истратив на него деньги, которые много лет копил на кооперативную квартиру. Это, правда, очень далеко от Москвы, туда сначала нужно долго ехать поездом, потом ночевать на маленьком вокзале, в душном и грязном, кишасщем мухами и пьяными людьми помещении, потом еще несколько часов трястись в набитом автобусе по пыльной дороге. И самому дому почти сто лет: надо его выравнять и подрубать, срочно менять крышу (иначе стены сгниют), перекладывать печь, поправлять туалет, чинить забор, раскапывать заросший травой огород... Все это дела, которые и на день, кажется, нельзя откладывать. Требуются немалые деньги, стройматериалы и, конечно, рабочие руки. Веселый молодой плотник Николай, которого мне порекомендовали соседи, привел 1 мая команду из трех человек с бензопилой и топорами: «Давай четыре бутылки!» — «Может быть, после работы?» — «Мы пьем сначала, здесь так принято». И действительно махали топорами, пока с площади в центре села доносились из громкоговорителя отчаянные крики и брань выступавших на Первомайской демонстрации. «А вы почему не на демонстрации?» — «Что там делать! Раньше все хвалили, теперь принято все ругать...» Сделали не так, как мне хотелось, но я был и этому рад. Договорились, что завтра придут продолжать. Под завтрашнюю работу спросили еще водки. Не пришли...

Теперь я, как только выдастся несколько относительно свободных дней (нормального безмятежного отпуска давно уже не было), еду за тридевять земель в свой дом: латаю крышу, поднимаю упавший забор, очищаю двор от железного хлама, мастерю из старых досок столы, шкафы и табуреты. Теперь постоянно держу этот дом в голове: на работе, в музее, в гостях невольно присматриваюсь — как сделаны оконные рамы, ставни и двери, чем обиты потолки и стены, на чем держится веранда... Думал о доме и за границей. После Швеции захотелось особенно много переменить и перестроить. «Вы хотели бы здесь остаться?» — простодушно спрашивали меня шведские друзья, уверенные, что все русские мечтают остаться за границей. «Нет», — честно отвечал я. «Вы скучаете по дому?» — «Тоже нет. У меня пока нет и никогда еще не было дома. Может быть, я скучаю по месту, где он должен стоять. И еще мне немного досадно, что я теряю тут время в приятных беседах с вами, когда нужно строить. И еще очень хочется похитить вашу печку, разобрать ее и привезти в чмодане домой. Теперь мне без нее уже не жить. Придется сделать ее самому из подручных материалов, как, впрочем, и все остальное...»

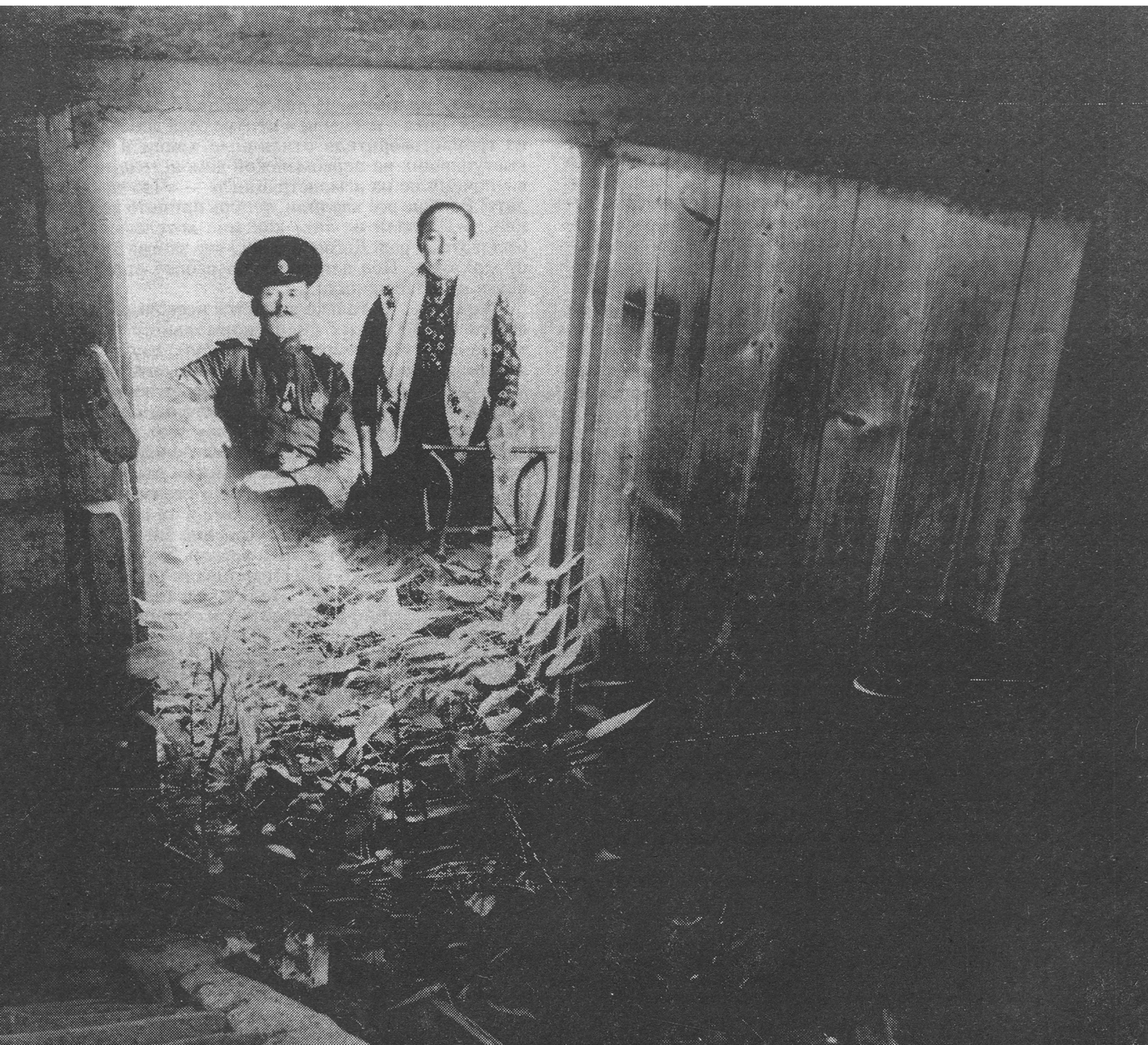
Я и всерьез готов взяться за создание норвежской печки (которую на конвейере делают, наверное, за секунды), это приятное и полезное дело. Но впереди еще основные работы по дому. А там, когда дом будет стоять на ровном фундаменте, под надежной крышей, с новыми полами, дверями и рамами, нужно ставить баню — без нее в северных краях не обойтись, рыть колодец — пока что воду

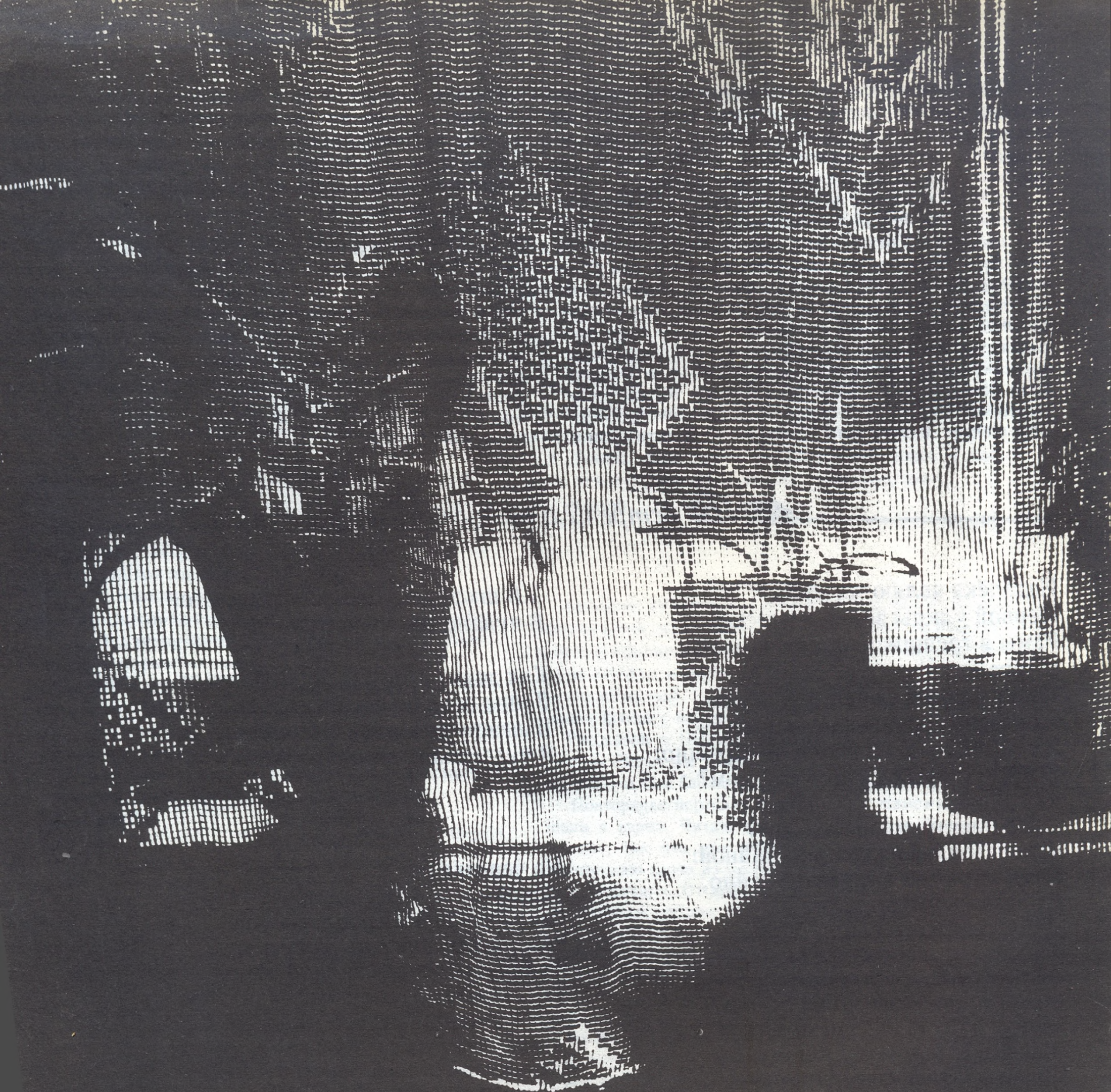
приходится носить издалека, растить сад, строить сарай и беседку во дворе, обсаживать ее цветами... При моей загруженности и коротких наездах на эту работу мне понадобится, по самым скромным подсчетам, лет пятьдесят. А когда в доме жить? Обнадеживает лишь, что когда-нибудь и у нас додумаются до разделения труда и все перечисленное мне не придется делать самому, что-то можно будет купить (печку, например), а что-то поручить квалифицированным мастерам, которые сработают и быстрее и лучше... Когда иностранцы горестно спрашивают: «На что вы надеетесь?» (имея в виду, конечно, не мой будущий дом, а судьбу России, которая неизбежно отразится и на их судьбе) — я искренне недоумеваю. А в чем, собственно, дело? Не могут же эта огромная богатая страна и этот духовно одаренный народ просто пропасть, кануть в небытие? И зачем пропадать именно сегодня,

если не пропали и 75, и 150, и 300 лет назад?

Мы, русские, устали. Мы все истощены: грабежом, обманом, голодом и нищетой, коммунистической и новобуржуазной пропагандой, сувериями и церковно-государственной пошлостью, нарочито раздутым еврейским вопросом и нашим умственно отсталым национализмом, тупой и алчной ратью чиновников (а как подумаешь, что эта рать — плоть от плоти моего пострадавшего народа, жутко становится!). У нас всегда были дурные правители, и лучших пока не предвидится. Но сейчас не до политических забав. Сейчас у нас есть работа, которую не выкинешь из головы и не отложишь. Это, может быть, большая наша удача, что в такое тошное время мы заняты заботами о своем доме. Вы видите, какой он. Его надо отстроить заново.

Июль 1992.

ВЕРА
ЕВДОКИМОВА

Д О М

Уже стало традицией представлять в нашем поэтическом разделе авторов, которых мало знают или совсем не знают как поэтов. Каждую «встречу» мы старались сделать неожиданной. Между тем до сих пор это были громкие имена в литературе.

На этот раз перед вами поэт совсем неизвестный, никогда до сих пор не публиковавшийся в литературных изданиях. Связано это, к сожалению, не с тем, что Вера Евдокимова слишком молода и все у нее впереди. Человек уже немало прожил, многие годы мучительно разрываясь между скучной инженерной работой за кусок хлеба и стихами, многие годы рассылая свои сочинения по редакциям и издательствам и неизменно натываясь на глухую стену. В юности были нетерпеливое волнение и горькая досада после очередного отказа, потом притупились и эти чувства. Кто теперь может что загадывать? И кто может

сказать, что стало бы с Верой Евдокимовой и еще со многими авторами с похожей судьбой, если бы обстановка в советском литературно-издательском мире была более человеческой? Одни, наверное, в самом деле прославились бы, а другие без сожалений бросили бы писать, осознав меру своих сил...

Пусть эта публикация станет нашей малой расплатой за необъятные чужие долги. Жизнь необратима, в ней невозможно вернуть молодые силы, которыми поэт, получи он в свое время заслуженную им долю признания и участия, воспользовался бы, верно, с большим толком. Но как бы далеко ни уводила человека от поэзии скудная жизнь, у нас всегда есть возможность взглянуться в то, что им создано, и с запоздалым раскаянием крикнуть вслед: ты делал что мог, и это было хорошо!.. И мы этой возможностью сейчас пользуемся.

встреча с поэтом

Издалёка являются мне
Первой улицы звуки и краски,
Рамы в трещинах старой замазки
И герани на каждом окне.
Мягкий цокот копыт под окном,
Мостовой деревянные шашки —
Их не стало. И спрашивать страшно:
Жив ли старый купеческий дом?

...Раз нехитрую прятки-игру
Дом разбил неожиданной тайной:
Клад, отрытый в сарае случайно,
Небывало потряс детвору.
«Незнакомец, глядите, опять
Возле дома шаги замедляет...»
«Может, клад свой забрать затевает?»
«Может, дом у нас хочет отнять?»
Был ли с места он сорван войной,
Иль надежда хозяина к дому
Привела? Но военные громы
Удалялись. Пришелец чудной
Потерялся...

Иль вспомнится вдруг:
Снег растает едва — спозаранку
Будит улицу трель барабанки,
То пастуший зовет перестук
Недоспавших коров на траву,
А хозяйки стоят у калитки,
Провожая кормилиц с улыбкой,
А потом прибирают в хлеву...

* * *

Мякинный темен и глинист ком.
Разделит мама его сейчас.
За тем военным пустым столом —
Четыре пары ребячьих глаз.

Продали это, сменяли то.
К толкучке больше дороги нет.

...В шкафу поникло отца пальто,
В чулане замер велосипед.

Как день прожить, продержаться — сто?
Война отца не поглотит, нет!
В шкафу дождется его пальто,
В чулане встретит велосипед.

* * *

На чердаке под кипами газет
Покоится забытая коробка...
Открытки перевязаны тесьмой.
Рождественские есть начала века.
Их бабушке подружкиной домой
Из лазарета присылал калека —
Герой и жертва первой мировой.
Старик сосед жалел нас: нет игрушек.
И, сундучок открыв заветный свой,
Под грустным взглядом

маленькой старушки

Он доставал открытки. И для нас
Красавицы воздушные сияли.
От их лукавых, беззаботных глаз
Голодные страдания стихали...

* * *

Вот толчок — и людская стена
Разноцветно струится.
Уплывают из рамы окна
Дорогие мне лица.

Учащенное говор колес.
И страданье невольное
Разрастается. Голый откос.
Очень пусто и больно.

Как же мало — дня два или три
Достается для встречи,

Повидаться и поговорить,
Да обняться покрепче.

Все беспомощней в отчем дому.
Мне укором, виною
Ночь разверзла бессонную тьму
Между ними и мною.

* * *

Когда Костромка взламывала лед
И гул речной врывается к нам в жилище,
Как мне хотелось в трепетном восторге
Бежать за бурной вешнею водой
И поглядеть, куда она уносит
Расколотые зимние тропинки,
Щепу и мусор, ветки и коренья.
...Безудержному детскому порыву
Взамен приходят страхи, беспокойство,
Когда случится в пору ледохода
Стоять над мутной пенистой рекой.
Скрежещут льдины, и торчком меж ними
Темнеют бревна старые с пазами —
Избу подмыла иль свалила баньку.
Жестока у рушительницы сила!
Не за потоком, шумным и враждебным,
Подальше бы — не видеть и не слышать.
...Манит воды осенняя прозрачность:
Придонные подвижные травинки
Перебирает ласково течение,
И кажется, рукой легко достанешь
Жучка, что мшистый камень стережет
На дне глубоком...

* * *

На луговину у ручья
Туман с полудня оседает,
И одинокая, ничья
Кричит ворона на сарае.

Угрюмо отвечает ей
Подруга с близкого кладбища.
Все чаще старый воробей
Летает к нашему жилищу.

На подрастающем леске
Зардели чубы огневые.
Следы у брода на песке
Разносят струйки дождевые.

Слежу с замшелого моста,
Как листья кружатся у сваи,
Пока с небесного холста
Безгласно исчезает стая.

Тревожно ночью загудят
Листы железные на крыше.
На красной кровле листопад
Картину осени допишет.

И обнажится за мостом,
Людской небрежности укором,
Разрушенный старинный дом
Над полысевшим косогором...

* * *

Стареем мы. Не время —
жизнь проходит.

В улыбках бодрых кроются печали.
Ни легкости, ни живости движений —
Неловки погрузневшие фигуры.
В чужом доме недолгое свиданье.
Как чудо — многолюдное застолье,
Родные лица и другие дети.
И шум берез напоминает детство,
И так же трудно солнцу пробиваться
Через зеленых стражей до оконцев...
А к вечеру сильнее шум. Не спится,
Нам угрожают старые березы.
И мнится, некий властелин природы
Нас наказать задумал. Почему?
Как прадеды когда-то, перед ним
Впадаем в ужас. Мы — такая малость!
И многие мгновения другие
Мы, разные, равно воспринимаем.
Семейный дух спасет от разобщенья,
От недопониманья — только сердце.
Пускай оно подсказывает, как...

ного казачьего есаула) и двух из четырех детей (Елены и Николая). Только после этих трагических событий в 1867 году он переехал в Москву, где и умер 22 июня 1871 года.

Плавание М. А. Бестужева по Амуру было частью так называемой амурской эпопеи, предпринятой по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, имевшей целью экономическое освоение водного пути, соединяющего Восточную Сибирь с Тихим океаном. Исследования экспедиции, выполненные под руководством Г. И. Невельского в 40 — 50-х годах XIX века, установили судоходность рек Шилки и Амура, что позволило основать порт Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре), сыгравший важную роль в последующем освоении Дальнего Востока. Сплавные экспедиции на судах, построенных на шилкинских за-

водах, проведенные в 1854, 1855 и 1856 годах, прошли по Амуру и достигли Приморья.

Вскоре после амнистии М. А. Бестужев получил приглашение «Амурской торговой компании» возглавить четвертую сплавную флотилию, в составе которой было 60 больших барж с казенным имуществом. Это плавание по Амуру и его истокам описано в дневниковых записях, которые М. Бестужев вел почти ежедневно в течение пяти месяцев.

За исключением нескольких выдержек, использованных Азадовским в публикации 1952 года, Дневник плавания по Амуру до сего времени оставался неизвестным. Он, как и амурские письма к родным, хранится в личном фонде Бестужевых в рукописном отделе Пушкинского Дома (оп. 1, № 22. Л. 1 — 125 об. Автограф.).

Из путевого дневника

...12 мая в девять часов утра отплыл наконец на легкой лодке в Шилку. Время прекрасное. Тихо. Иногда верст на 20 мелка и камениста. Мы сели на Калитин камень. Многие плоты с пушками сидят по мелям. Далее река хороша. Места живописные: в 40 верстах от Читы проплыли большое селение Александровское на правом берегу и в 60 на левом.

Сплавщики пустили по берегам палы¹. Сколько варварства, небрежности ко всем дарам природы, так резко рисующих характер. Русских видно как в зеркале в этом хладнокровном, равнодушном стремлении к разрушению. А со всем тем, оставя в стороне это философическое рассмотрение, картина величественная!!!

Сумрак ночи уже спорит с умирающим светом запада. Мы плывем по гладкому зеркалу Ингоды. Справа и слева мелькают огоньки в домах казачьих станиц и раздаются песни, мычание отел², а люди, как тени, движутся в полумраке. Я заехал на свои пять барж, стоявшие в 15 верстах, не доплавая до Кайдаловой. Там меня приняли радушно мои подчиненные приказчики и рассказывали с горестью свой несчастный вояж. От Читы до Атамановки (12 верст) они плыли трое суток и без плотов, которые я послал к ним для разгрузки. Они бы и по сей день стояли на мели. Из Атамановки они отправились 11 мая в девять часов, т.е. ровно за сутки до моего отплытия, и я их нагнал 12 [мая] в семь часов вечера. Они переступали все мели по реке. В девять ч. ночи я поплыл от них. Темнота страшная. Мне хотелось доплыть до Кайдаловки. Ни зги не видно впереди. Шли с промером. Что за чудные картины! Мрачные скалы, как заколдованные исполины, выходят из мрака один из-за другого и, помахивая своими челами, обросшими столетними соснами, кажется, хотят загородить путь. Ночной ветер шумит между нависшими ветвями и раздувает пламя палов, зловещие отблики которого кровавым потоком стелются далеко по реке и горят огнем в прибое каменных порогов. Шум перекатывающейся через мели воды, и плеск низвергающихся горных потоков, и плеск о скалы реки слышится то справа, то слева. Нечего делать — надо пристать на ночлег.

13 мая. В 3 ч. утра мы отправились далее, в 5 1/2 часов проплыли Кайдалову, в 9 ч. — Княже-Береговую. Утро свежо, но ясно и тихо. Восходящее солнце освещает живописные ландшафты, то совершенно голые утесы, то покрытые лесом выходят к нам навстречу, то, откланявшись, уходят далее

от реки и уступают место веселому рою смеющихся березок, или животрепещущим осинам, или кустам красного тальника и боярышника. Я лежу на подушках с сигаркою в зубах и читаю стихотворения Лермонтова. Чай варят в ногах моих на походном очаге...

Галкинскую проплыли в 7 часов вечера, обогнали наши посты с товарами и приказчиком Нефедьевым, обогнали артиллерийскую полубатарю с пушками и лошадьми, купили хлеба и отправились далее. Ночевали на забоке в 15 верстах ниже на правом берегу Ингоды.

14 мая отправились в 2 часа ночи и проплыли Размахнинскую в 5 ч. утра. Ночь была сыра и холодна, утро ясно, с холодным ветром. Берега живописны, но пустынные. Только две станицы на левом берегу.

Городинскую проплыли в 11 с половиной часов. Все противный ветер: он много замедлил наше плавание. На этой станции впервые показался расцветший багульник по утесам и в трещинах скал между зеленых берез и сосенок, точно румяны на щеках старухи...

Нерчинск. Ясно. Против ветру проплыли в 5 1/2 часов пополудни. На всем протяжении реки от Читы до Нерчинска — казачьи станицы, олицетворяющие бедность. Казачество — это язва. Особенно разорительно для станиц, по которым пролегают две дороги, трактовая и водная. Но и лень невыразимая. Я сосчитал там на всем этом протяжении одну заездку³ вроде детских игрушек и увидел один невод сажень в 10. Лодок совсем не видел и насчитал три бота. И это на самой рыбной реке Сибири!..

Ключи. Ясно. Ветр потише. Верстах в десяти от Нерчинска на правом берегу гребень высокой горы увенчан утесами в виде феодальных замков с зубцами и бойницами. Обошли наши последние плоты с товарами. Гарловский уплыл в Ключи. Мы приплыли туда в 7 ч. вечера.

Бьянкино. Приплыли в 8 ч. вечера. Здесь я нашел Н. Н. Зимины.

15 мая. Обедал у Корсакова. Устроил все дела; на груз и отправку барж продолжается. Мы живем на лодках и постоянно гости бесперывно.

16 [мая] после обеда Зимин уплыл на своей лодке в Шилкинский завод⁴ с инженер-капитаном Романовым, который будет устраивать электрический телеграф между Никол[асевским] укр[еплением] и зал[ивом] Де Кастри. Радде, с которым мы были все это время здесь, тоже уплыл. Я ему усту-

пил свой домик и подарил кошку⁵, устроил ему прекрасное помещение на его плотках, обил внутри войлоками, и он в восторге. Начальство помогало ему только на словах. Ввечеру пошел дождь и продолжался всю ночь.

17 мая. Туман и холодное утро. Баржи текут, а надо делать запас помпы и снова конопатить. Что за проклятый народ эти бьянские строители!!!

18, 19, 20 [мая]. Стоим в Бьянкине, нагружаемся, отправляем баржи и ждем задних. Погода стоит прелесть какая, но ночи все холодны. Вода в Шилке прибывает с часу на час. Николай Николаевич⁶ уже послал курьера в Шилку, чтоб первый рейд отправлялся на Амур. Он должен состоять из одной роты [в] 14 барж и всего нашего отряда, а мы еще не можем вовсе выбраться из Ингоды. Когда то удасться отплыть? Хорошо, если б к 1 июня. Граф Путятин приедет через два дня, генерал-губернатор три дня после его. То-то будет пожар! Он плывет вместе с Путятиним на устье Амура. Вчера видел Фенечку⁷. Утрами и вечером выхожу на все окрестные горы. Что за прелестные виды! Что за свежесть и жизнь на самых вершинах гор. Везде зелень, и тень, и благовоние. Листва черемух и багульника. Везде журчат ручьи и горные речки...

Шилкинский завод. 22, 23, 24, 25, 26, 27 мая. С прибытием в Шилкинский завод начались бесконечные хлопоты и неприятности. Погрузка муки в баржи замедляется неимением набитых мешков и течью плотничьих барж — подарок казны. Баржи растянуты на три версты по берегу, на котором расположена часть шилкинского поселения, называемая Кукуй. Рабочему стоит только подняться на берег, как он может скрыться в любой дом, любой двор или за заплот и потом в кабак, а потом в побег, так что у нас едва половина работали, несмотря на бдительный надзор. Сверх того рои плотов, проплывая, сдергивали баржи с якорей, ломали и отнимали драгоценное время. Покражи и хищения лодок каждодневно. Нужно было отыскивать и заводить процессы. Шум, гам, крики и работы всех родов сплавных по судам. Это одно достаточно, чтоб закружить голову.

24 мая прибыл Н [иколай] Николаевич, и начались суматоха и вспышки, особенно когда он узнал, что казенная баржа с порохом потонула, только что погруженная! Он хотел меня распекать за медленную погрузку, а я напал на него, что правительство мне как бы нарочно делает затруднение. Он страшно распек провиантских, и дело пошло скорее.

25 [мая] Зимин просто убежал, так ему все надоело, и оставил дела не в завидном положении. Людей мало, лодок тоже, якорей недостает на три баржи — и это самое худшее. А он был уверен, что всего с излишком. Невзирая на затруднение, я приготовил к 26 мая десять барж, и 27 утром они отправились. Тотчас же две из них стали на мель; одну сняли на другой день, другая, казенная, разорвалась как бумажная коробочка. Все должно было перегрузить в другую баржу, и отряд отплыл без нее. 25 [мая] [граф] Путятин прибыл и 26 отправился далее с Николаем Николаевичем. Я его не видел, потому что не было ни минуты свободной. По отбытии Зимина я занялся деятельнее, потому что в его присутствии распорядился он. Надо было достать якорей — их нет ни одного в Шилкинском заводе. Надо было скупить лодок — я мог только приобрести одну. По расчете и отпуске мастеров и

неизлечимо больных у меня осталось едва по восемь человек на каждой барже, тогда как по самой умеренной раскладке их надо на каждую баржу по десять и на казенную по тринадцать человек. Это самый умеренный расчет. Тогда как внизу, на берегу, у них происходили житейские мерзости, наверху, на горах, на всем окружающем — печать стоит величественно дико-прекрасной природы, что я однажды вечером, уловив свободную минуту вечером при закате солнца, взобравшись на вершину одной высокой горы [из числа] окружающих как поясом Шилкинский завод, до такой степени был подавлен грандиозностью картины природы, что едва имел достаточно сил, чтоб спуститься вниз, в грязь житейской суеты. Эти утесы, возникающие из воды на 100 и более сажен, почти на всем протяжении Шилки до Амура. По аналогии породы содержат в недрах своих серебро. А в Шилкинском заводе, для которого было приписано все народонаселение, выдолбило три-четыре дырочки, едва приметные не вооруженному трубою глазу, из которых добывали серебро! Как болезненно сжалось мое сердце, когда я лично увидел эти липутские работы, более всего доказывающие, как мал, как ничтожен человек перед великостью природы!!!

31 мая мы отплыли от пристани Шилкинского завода и остановились в пяти верстах, чтоб собрать разбросанные бочки соли на протяжении шести верст. Вот образец распоряжений казны?! Переспав ее в мешки и погрузив с большим затруднением, мы отплыли далее и остановились в семи верстах от прежней нашей пристани, чтоб, отслужив молебен с поднятием образа чудотворца, отправиться далее.

1 июня. Служили молебен с водосвящением и поднятием образов. Я дал повеление к отплытию. Пять барж отплыло, а прочие должны были остановиться, потому что передние набежали. Якоря задних и многие проломилась и стали на мель. Приказчики, нанятые Компаниею, — сущая дрянь, и у меня только трое хороших помощников.

2 июня. После дождя накануне поутру страшно густой туман, в восемь часов можно было снять с якоря. Сняли и начали ставить на мель одну баржу за другую. Шилка убывает с каждой минутой. Я со своею баржею должен помогать всем и потому иду сзади. Теперь 11 часов утра, и я едва мог снять одну, а их еще две. Вот моя история плавания! Теперь я пристал на преглубоком берегу Шилки и жду, когда баржи снимутся. До сего пункта от Шилкинского завода плавание в заколдованных садах Армиды. Дикое величие громадных гор беспрерывно сменяется смеющимися красотою природы. Берега и острова покрыты исполненною жизнью и обаяния прелести зеленью цветущих черемух, яблон, березы, осиннику и чернотальнику — и все это так зелено, так живо, так увлекательно для глаза в соседстве дикого величия гор, что невозможно выразить. В шесть часов вечера я не мог дожидаться съему всех барж с мели. Одна перед другою баржи гоняются взапуски на мели и камн[ях] Шилки. Народу мало, вожаков только два, и то пьяные и слепые дураки, которые только умеют водить по мелям, и как я узнал по опыту, наем вожаков — это пустая трата денег или награда ловким плутам. Самый добросовестный вож⁸ поведет вас в те протоки, в которые он сам плывал, иначе и быть нельзя. Но он плывал только или на

плотах, или на лодочках, как сплавщик или рыбак, следовательно, он непременно поставит на мель баржу, сидящую в грузу не менее пяти четвертей. Сверх того русло реки každодно изменяется, и потому он невинным образом вам делает зло. Самый лучший вож — это те люди, кто плавали на подобных паводках по реке, и тогда все знание заключается в знании главного течения реки. Я сего дня прогнал их обоих и поплыву без вожей, и, может быть, это будет лучше.

В девять часов вечера, проплыв 15 верст по прекрасной Шилке, я прибыл в Усть-Кару, где построен большой лазарет для каринских рабочих. Тут я видел образчики жертв погибших на Каре, а также несколько из оставшихся в живых жертв мудрого распоряжения начальства, по которому более 300 человек солдат погибли от голоду и холоду единственно оттого, что начальник штаба, сидя в кабинете, назначал маршруты возвращающихся команд из Николаевского поста с устья Амура. Подробности их гибели — ужасны!..⁹

3 июня. Жары стоят постоянные, и они, говорят, только цветки пред амурскими ягодами. Надо плыть далее; а мои баржи еще считают мели — так низка Шилка. Сего дня удовлетворяют команду платьем и обувью, которую невозможно было дать ранее, потому что оно было бы пропито в кабаке. Делают опрос тем рабочим, кто потом остался на устье Амура, и я распределяю свой флот по отдельным эскадрам. Из приказчиков мне подчиненными только трое, которых можно назвать помощниками, остальных можно назвать портильщиками дела; это просто беда: баржи текут, нагружены донельзя, людей очень мало, вместо 13 только 7, в том числе и больные, якорей у четырех нет, а лодок — у семи. Пан Буг! Змилуйся надо мною!¹⁰

4, 5, 6, 7, 8 июня. Пять дней, пять потерянных дней для плавания!!! Шилка так обмелела, что ее переходят бродом. Мы не можем двинуться пяди, чтоб не посадить баржи на мель. Эти пять дней были употреблены только на съем ставших на мель барж. Сего дня готовы двинуться вперед, но это плавание для новых трудов и утомлений народа, который мне надо поберечь, потому что его у меня очень мало. Все коренные баржи, отправившиеся 12 днями ранее меня из Читы и Шилкинского завода, стоят на мели, и нету возможности их снять по мелководию. Передовой отряд под начальством приказчика Иванова, назначенный для торговли, весь разбросан по мелям, и, вероятно, нам придется его снимать. Вчера я отправил одну четвертую моей эскадры вперед, но, вероятно, и они стоят по мелям. Сего дня я приказал одну четвертую эскадры сняться и идти, но ветер мешает.

Третьего дня я был на каринских золотых приисках и рассмотрел их во всей подробности. Начальник приисков господин инженер Кошкарев, с которым я познакомился у Корсакова на обеде, славный малый. Порассмотрев, я увидел, что весь край — это золотое дно, но надо руки и руки, а их нет! А мы проектируем грязные дороги от Стрелки до Верхнеудинска!!! Это такой путь, какого не было в летописях истории. А между тем правительство на него ловится. Американцы ловят нас на удочку, снимают сливки, а нашим купцам оставляют простоквашу. Бедная Россия!?!

Из 11 барж отправил вчера вперед пять. Сидят по мелям. Право, не знаю, не благоразумнее ли будет выждать прибыли воды, чем утомлять и обес-

сливать и без того малосильные мои средства, а паче мы войдем в Амур только с лазаретными субьектами.

9 июня. Проклятая Кара!!! Истинная кара небесная. Вот уж сегодня ровно неделя, как мы от нее не можем отбиться. Из моего передового отряда отправились третьего дня три баржи — стоят на мели. Сего дня снялась кордебаталия, и на полуверсте стало еще три. Я со своим арьергардом хотел сняться вслед за средним отрядом и должен оставаться на месте, чтоб посылать ему помощь. Когда мы дойдем до Стрелки, один Бог знает. А Шилка не прибывает, несмотря на вчерашний дождь!

На душе грусть, а окрестная природа улыбается. Так она хороша. Против нашей баржи заботки разнобразною растительностью. Повыше — гранитная скала, поросшая ольхою, осиною, березняком и черемухами. Сквозь яркую зелень просвечивает фон горы темно-коричневого цвета, и в середине отвесной скалы пробита природою дверь со сводом в глубокую пещеру. Справа круглое отверстие, вероятно, в ту же пещеру. Чудо хорошо.

10 июня. Проклятая Кара!! Она нас преследует своею карою. Утро было холодное, туманное, мы не могли сняться с якоря прежде семи часов утра и за туманом, и потому, что отряд средний еще не всех снял с мелей. Едва снялись и прошли с версту, как мой повозок стал на мель в самом узком и быстром месте. А все меры были взяты накануне, и лоцман с вечера сделал промер. На мою баржу наскочила другая и сзади третья — и пошла потеха!! Вот наше плавание. Шаг вперед и три назад. Дождь шел с вечера, но Шилка еще упала.

11 ч. утра. Моя баржа снялась с мели, и я стал немного пониже, чтоб иметь возможность снять другие. Приказчик на моей барже — И. Як. Чурин — молодой человек лет 22-х, но большой оригинал. Он мореход по Байкалу, и его рассказы о плавании по этому капризному морю — это романтические рассказы, достойные пера В. Скотта. Между прочим, он мне сообщил, что омулей много родов. Между ними отличительные морские омули весом около 15 фунтов, другие, называемые ими ленивыми, коротенькие, широкие и превкусные, приваливаются к карчам¹¹, и их ловят тысячами. Но что более меня поразило из его рассказов, то это описание лимоновых дерев, за которыми его сестры имеют уход. Он говорил, что на одном лимонном дереве снимали плоды весом в восемь фунтов. Это почти невероятно?! Но правда, потому что лгать он считает грехом, а грех для него страшен, потому что он набожен.

7 часов вечера. Боже мой, какой запас терпения потребен для подобного плавания! И ежели я выдержу до конца, характер мой много выиграет в моральном отношении, но я отчаиваюсь — едва ли хватит у меня столько силы воли, чтоб только смотреть на то, что делается пред глазами. Две ставшие со мной баржи едва сняли с мели, как три остальные, желая подвинуться к нам, стали на мель в свою очередь. Люди поехали снимать их, а холодные вечер и ветер — их спутники, а на ночь опасно баржи оставлять на мели. Рабочие должны бродить по груди в воде — мудрено ли, что так много их хворает.

День за днем уходит, и мы теряем золотое время в тщетных усилиях подвигаться вперед по отмелям. Правду мне говорил Николай Николаевич:

«Спешите. Каждый потерянный день вам будет стоить недель в вашем плавании!» Но гораздо лучше было бы, если бы вместо совета он дал мне способы отправиться ранее. Это замедление, очень неприятное в настоящем, пророчит мне еще худшую будущность, когда я подумаю о своем возвращении в мою мирную хату. Управившись с делами на устье Амура, будет уже поздно возвращаться на пароходе. Да и будет ли он? А через Аян — тоже я зазимую в Якутске!.. Когда-то и как-то я свижусь со своими? Когда-то я обниму Мери, Лолю и Колю?¹²

11 июня. Ночь холодная, утром густой туман, который нам препятствовал сняться с якоря. Когда он прочистился, я послал рабочих перевести две баржи через опасный проход, где все баржи становились на мель. Едва отправились, как задул ⁰¹³, и одна из барж, подняв якорь, стала на мель. Ее снимают, и другие, проходя мимо, тоже стали на мель, но скоро снялись. Лапин говорил правду Зимину, что он не взял бы десятки серебром, чтоб быть только зрителем того, что у нас совершается воочию.

12 часов. Только сию минуту сняли седьмую баржу из моего отряда. И так из каждого отряда, состоящего из восьми и девяти барж, разве только одна не побывала на мели.

Мы снялись с якоря от Шилкинского завода первого июня. Сего дня 11 июня и проплыли в 12 дней только 17 верст!!! Из этих данных судите сами, что мы должны были перенести; а подвигаться вперед необходимо, чтоб не зазимовать в Шилке.

У самого нашего паузка — переметы¹⁴ для ловли белуги. Рыбак мне говорил, что на днях он поймал белугу в 21 пуд и что одной икры добыли пять пудов!! Вчера он добыл белугу в шесть пуд [ов], но не зная, нужно ли ее нам, отослал в Кару. И это преосадно, потому что соленое мясо уже начинает надоедать.

Моя каютка устроена очень кокетливо. Диванчики для меня, для приказчика Чурина и для его благородия пра [вительствѣннаго] чиновника Журавецкого. Он поляк — и этого довольно для определения его личности. Все каюты обиты ситцем, везде полочки и уютные принадлежности. Мы с Чуриным живем славно, после ужина раздеваемся и, закулив сигары, болтаем до полуночи. Нашего поляка еще нет. Когда он прибудет — посмотрим, как он себя поведет. Но он уже понял, с кем он имеет дело. Н. Н. Муравьев сказал ему и его братьям, что он наденет на них солдатскую лямку и заставит их на Каре промывать золото. Дела пошли с тех пор успешнее.

7 часов вечера. Мы снялись с якорей и, не проплыв и полверсты, должны были остановиться, потому что последняя баржа передового отряда, став на мель, загородила единственный проход сажень в 6 ширины. Уже темнеет, и надо отложить съемку до утра. Чтоб развлечься от скуки и досады, я съехал на берег и, поднявшись на гору, очутился в прекрасной роще, где роскошная зелень травы и цветов была покрыта разнообразными деревьями. Настоящий английский сад, а вид с горы просто чудо! Но я не буду более говорить о красотах шилкинской природы: это будет только повторение.

12 июня. Одну из моих барж надрейфовало ночью на другую, немного поломались, а что худое — то задняя села на якорь передней. Надо будет

ее стаскивать, опять потеря времени. Между тем снимают с мели баржу передового отряда, и ветер разыгрывается, и опять надо будет ждать тихой погоды, чтоб пройти опасный узкий проход.

7 часов вечера. Баржу сняли, очистили проход, и мы, подвинувшись верст пять, стали на якорь против казачьей станицы Половинной. Я съездил на берег и пил чай у бабушки А. Виксельевской. Деревушка небольшая, но чистенькая, зажиточная, а люди в ней добрые, местоположение прекрасное.

13 июня. Поутру приплыл приказчик с передового отряда донести, что двое рабочих бежали. Вот новое горе! При недостатке людей мы теряем самых здоровых и удалых людей. Дрянь, старые и хворые не побегут, и, кажется, только с ними и придется плыть! Так небрежно был сделан наем рабочих. Сняли другую баржу, которая стояла уж два дня на мели. Это безъякорная, и она становится постоянно на все мели, потому что нет якоря, чтоб остановиться на глубине. Опять непростительная небрежность компаньонов. Мне бы лучше было плыть, если б у всех не было якорей. Что будет далее? В Амуре будет еще хуже.

В девять часов приехали нанятые мною в станице лоцмана, и мы, несмотря на ветер, снимаемся и идем далее. Нам предстоит пройти самое скверное место — мели и переборы. Не знаю, хочет ли провидение испытать мое терпение, но только все в заговоре против нашего плавания. Утром рано — густой туман, при восходе солнца туман поднимается кверху и начинается ветер, вечером тихо. Но поздно плыть нельзя или заняты съемкою ставших на мель барж. И эта лиледа¹⁵ повторяется каждодневно.

10 часов. Передовой отряд снялся с якоря — передовое судно под управлением опытного лоцмана, не моги обогнуть косу, заплыло в ловушку, из которой Бог весть как нам ее вывести. Вот новое доказательство, что все усилия человека — ничто противу препятствий природы.

11 часов. Поднялся ветер, и лоцман отказывается вести остальные баржи. Я послал людей вывести баржу из ловушки, а потом, когда к вечеру погода стихнет, попытаемся двинуться. Мой компаньон Чурин, байкальский мореход, начал терять присутствие духа от всех этих неудач. Сел в угол и говорит, что никогда его так не одолевали скука и отчаяние, как теперь. Я его стараюсь развлечь шутками, но тщетно. Он говорит, что удивляется мне, как можно быть спокойным и веселым, когда надо разорваться в клочки от всего, что с нами происходит.

8 ч. вечера. Наступило время, когда без всяких метафор можно сказать, что мы идем рачьим ходом. Река до того обмелела, что ее русло состоит из узкой канавки сажени в две ширины и полтора аршина глубины, так что баржи, раз попавши в это корыто, если только немного повернутся наискось, задевают и носом, и кормом, а те, которые сидят в грузу более шести четвертей, не проходят, и их надо было выводить назад — против течения. Люди замаялись и передрогли, бродя и работая с десяти утра до восьми вечера по горло в воде. Едва их можно было отогреть вином и чаем. Я не хочу более бороться с Богом и терять рабочих, утомляться бесплодною работою. Решился ждать прибытия воды. Нанятые лоцмана отказались вести по пескам. Я съехал на берег, чтоб подрядить печь людям хлеб,

и послал приказчика в Куларки узнать, что делается с моими передовыми отрядами.

Возвращаясь поздно вечером на баржу, один из лучших рабочих, Соболев, едва не утонул, споткнувшись на палубе, когда подавал нам причал. Он упал в воду прямо головою, но вынырнул близко нашей лодки, и мы его вытащили. Я удивляюсь, как подобные случаи бывают не чаще, потому что баржи ничем не огорожены, ни перил, ни парапетов нет, а палуба всегда загромождена баграми, шестами, веревками, веслами, прочими судовыми принадлежностями.

14 июня. Пасмурно! Ночью шел дождь, но Шилка по мере¹⁶ не прибывает, и мы стоим и ждем своей участи. Воображаю, как Николай Николаевич бесится, ожидая нашего прибытия в Усть-Зею и не отгадывая настоящей причины.

Мой чудак компаньон решительно падает духом. Он говорит, что ежели бы ему не было стыдно, то непременно бы убежал, так ему опротивело наше плавание. Он удивляется мне: «Я не имею ни жены, ни детей, никого, кто бы меня манил к себе, — говорит он. — Я пошел охотно на Амур, хоть меня все отговаривали, и со всем тем я потерял весь запас терпения. Как же вы столь покойны и даже шутите, когда вас все манит назад и ничего не обещает доброго впереди?» Я ему на это отвечаю: «Если бы вы были, как я, 25 лет в тюрьме¹⁷ — вы бы этот вопрос разрешили очень просто!»

6 часов вечера. Вода в Шилке начала прибывать, и я приказал провести остальные баржи моего передового отряда через узкость. Несмотря на прибыль, баржи становились на мель одна за другой, и мы проработали до поздней ночи, остальные баржи остались по сю сторону прохода. Я распорядился рано утром, когда они пройдут узкость, — вести свой отряд.

15 июня. Этот передовой отряд — олицетворенная моя мука. День прекрасный, тихий, вода прибывает, а я обречен стоять на месте и ждать, когда снимется с мели последняя баржа передового отряда. Вот уже две недели как мы работаем, чтобы только снимать его баржи, и вперед идти нельзя. Как его оставить, когда и с нашей помощью он ничего не может сделать? Да и то правда. Трудно орудовать в таких затруднительных обстоятельствах с такими ничтожными средствами. Рабочих мало, да и то народ отпетый, ленивый и совершенно незнакомый с водою. Они ровно ничего не понимают в этом деле, и для них все равно, как идет дело, лишь бы только уклониться от работы.

10 ч. утра. Наконец сняли и проводили до места отставшую баржу передового отряда. Утомленные работой, возвратились. Я приказал пораньше обедать, чтоб начинать сплав нашего отряда, нанятые лоцмана отказываются вести, но я их удержал силою. Не знаю, как удастся проплыть. Увидим!

6 ч. вечера. Наш отряд проплыл благополучно, потому что я приказал всем вожам барж всегда быть при съемках с мели, чтоб они, во-первых, знакомились с фарватером и, во-вторых, чтоб по опыту видели, сколько надо трудов, чтоб поправить невниманием одного дурака. Но мы должны были остановиться у станицы Верхне-Кулирирок, потому что баржи передового отряда стали на мель, а другие, сваливаясь одни с другими, ломались, и одна чуть не пошла ко дну, будучи проломлена другою. Нечего делать — стали исправлять повреждения и здоровые баржи спускать ниже.

Спуск в этом месте — просто гибель. Вновь нанятые местные лоцмана ставили баржи на мель. Это суший лабиринт Дедал¹⁸. До 11 часов ночи мы спускали баржи передового отряда и думали сами отвалить с рассветом.

16 июня. Густой туман. Вот предначертания человеческие!! Узнал, что в ночи одна из наших барж, будучи снабжена якорем петровского изделия, т.е. никуда не годным, потащила и наших на мель; когда туман прочистился, люди наши его сняли, и мы, наняв других лоцманов, потому что вчерашние отказались, несмотря на посильную цену, в 12 часов снялись с якоря и пошли щупать мели.

В два часа должны были остановиться, потому что одна баржа стала на мель. Через два часа ее сняли, и мы пошли далее и опять должны были остановиться, потому что передовой отряд загородил самый узкий и опасный проход у р. Черной.

17 июня. Погода чудо как хороша, тихо — вода прибывает — только бы плыть да плыть, а стоим и ждем, когда баржи передового отряда спустятся одна по одной через Сциллу и Харибду. Я послал Серебренникова, Чурина и всех моих лоцманов помогать Пьянкову и изучать этот проход, когда настанет наша очередь.

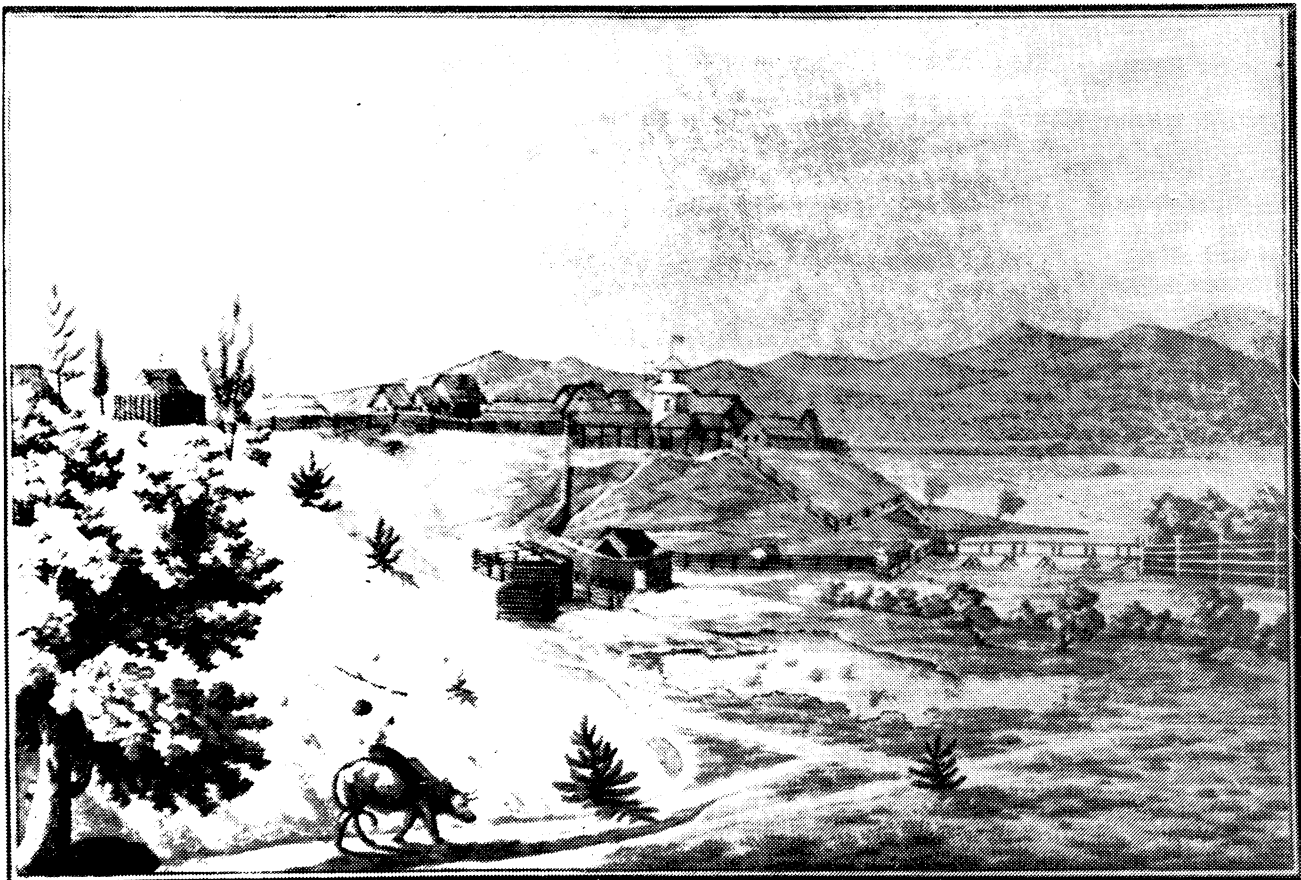
10 с половиной часов утра. Тоскливо и грустно?! Тоска и грусть не потому гложет мое сердце, чтоб я не имел достаточно сил бороться с препятствиями природы, — нет! Но мысль, что каждый день меня разлучит на неделю с моим семейством. Я переехал или, лучше сказать, перепрыгнул на берег, потому что моя баржа стоит почти вплоть к берегу. Девственная природа в своей чудной красоте так же девственно недоступна для наслаждения — так густы и непроходимы чащи кустарников и дерев. Я только проник немного в глубь берега и наткнулся в лесу на огромный плот лиственных дерев чуть не с обхват. Его туда бросило в полноводие — какова должна быть вода? А мы, бедные, вымаливаем у Шилки хоть вершок лишней воды.

Вышед на берег, я был свидетелем чуть не потопления крытой лодки с дамами и, кажется, с детьми: лодкою управлял арм [ейский] офицер, вероятно, плывущий на Амур. Он управил лодку прямо на мою баржу, и когда она, изломанная, чуть не перевернулась, офицер начал бранить рабочих моих. Мне стало досадно, и я ему сказал: «Вы, милостивый государь, похожи на малороссиянина, который, наехав в степи на верстовой столб, бранил его, зачем он стал на его дороге».

Я только что вошел в каюту, чтоб спрятаться от множества шмелей, как слышу возгласы: «Где адмирал Бестужев?» Выхожу. Это Беклемишев и Буйвит. Они отправляются курьерами на Усть-Зею к Николаю Николаевичу. Радость свидания. Рассказы и новости. Мы распили бутылку шампанского. Он¹⁹ сообщил мне стихи.

ШАРМАНЩИК

*По дворам таскал старик
Тридцать лет шарманку
Он вертеть ее привок —
Вертит спозаранку.
Вертит полночью глухой
На потеху людям,
Но шарманки той плохой
Мы не позабудем.*

Вид Читы. Акварель Николая Бестужева

Что за музыка! Ей-ей,
 Не поймешь, хоть тресни.
 А всего-то было в ней
 Три плохие песни.
 Бога славил одна,
 А царя другая,
 Третья (ужась как длинна) —
 Честь родного края.
 Много не было в ней нот,
 Так что слушать гадко.
 Все визжит, бренчит, скребет,
 А выходит гладко.
 И не то чтоб стар уж так
 Инструмент потешный,
 Сколотил его варяг —
 Северяк, не здешний.
 Им потом вертеть пошли
 Русоплетов стая:
 Что за музыка была!
 Бестолочь родная,
 Тут им как-то завладел
 Молодец-татарин
 И шарманкой завертел,
 Как деревней барин.
 С нею пробовал потом
 И поляк водиться,
 Но ни лаской, ни дубьем
 Ладу не добился.
 Все фальшивила она,
 Шла вразлад со светом:
 Инструмента ли вина,
 Мастера ли в этом?
 Леший сам их разберет.
 Вскоре отыскался

Для шарманки доброхот
 И чинить принялся.
 Придал ей он новый вид
 На манер немецкой,
 А шарманка все скрипит
 И пищит по-детски.
 Вот шарманкой завладел
 Наш шарманщик ярый.
 Повернул, пересмотрел,
 Мех исправил старый,
 Он навел на крышку лак,
 Починил снаружи,
 А внутри оставил так,
 Даже стало хуже.
 Сам он видел, что она
 Уж пришла в негодность,
 Что в ней лопнула струна,
 Певшая народность.
 Что осипла в ней давно
 Песня православья,
 Что исправить мудрено
 Хрип самодержавья.
 Но в починке труд большой,
 А на век мой станет,
 Да и внутрь шарманки той
 Ведь никто не взглянет.
 Так шарманщик рассудил,
 Ловкий был детина,
 И шарманку ту взвалил
 Он на шею сына.
 Сын справляет день и ночь
 Старую работу,
 Хоть вертеть ему невмочь,
 Да и нет охоты.

*В том труде не быть пути,
Так гляди — порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется:
Благо есть теперь досуг
Взяться бы за разум,
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом.
Если ты под звук заснешь
Льстивого напева
И, забывшись, повернешь
Вместо вправо — влево.*

В 7 часов вечера, спустив отряд Пьянкова по опасному проходу у деревни Черной, мы тотчас снялись и по три баржи благополучно спустили весь свой отряд и стали на якорь прямо против деревни Черной. Деревня довольно большая, но печальная. Все казаки на службе в Стрелке, а старики на пашне. Точно как вымерли от моровой язвы. Был на пожарище одного бедного казака, который чуть не сгорел со внучатами, и, ежели бы ветер был вдоль по улице, вся деревня выгорела бы дотла, потому что тушить бы было некому.

18 июня. Ночью дождь. Утро пасмурное, туманное. Думаю сняться с якоря около полудня, чтоб дать время уйти подальше передовому отряду.

2 часа пополудни. Снялись с якоря и в шесть часов пришли благополучно в Горбицу. Только одна баржа приткнулась на мель, когда поднялся сильный ветер. У передового отряда опять несчастье: одна баржа, наскочив на другую, проломилась и чуть не потонула. Это уже другой случай с той же баржею. В авангарде тоже две баржи потеряли якорь от порвавшихся канатов. Их поскупились высмолить — и в будущность нас ожидает всех подобная участь.

19 июня. Горбица. Ясно, тихо. Желая дать вре-

мя уйти передовому отряду, я снимусь в полдень, но не знаю, как удастся с пьяным народом. В Горбице последний кабак, и русский человек прощается с родимую сивухой, потому что спирт, который им дается, они считают за иностранное производство. Казак-лоцман, нанятый мною до Стрелки, прощался на берегу со своим семейством. Картина была истинно трогательная, потому что он уходил от них на Амур, т.е. почти навеки. Маленькие дети, жена и все родные кланялись ему в ноги и рыдали. Я не мог смотреть и ушел в каюту. Мне прислали письма от моих от третьего мая. Боже мой, какая дивность. В нем я прочитал повторение той картины прощания казака с своим семейством!! Лоля грустит о папаше!! О, как бы я желал в эту минуту ее расцеловать! Коля начинает быть живым существом. О, как бы я желал его посмотреть?!

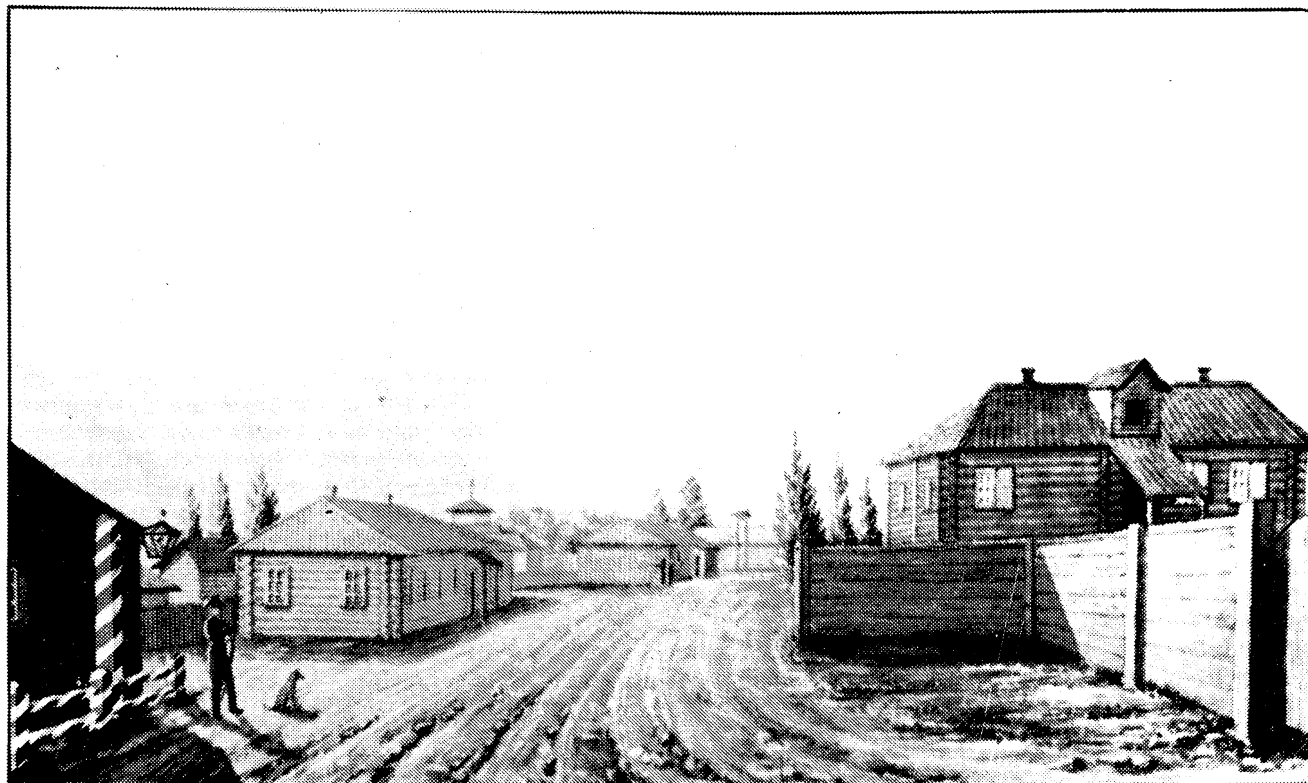
Мы снялись с якоря в 11 часов — и плывем по очаровательным берегам Шилки.

9 часов вечера. Дождь и сильный ветер. Мы стали на якорь, потому что нагнали передовой отряд. Две баржи его стали на мель, и завтра придется их снимать. Этот отряд — сушая мука для меня: проплыли 80 верст и стали вплоть к китайскому берегу.

20 июня. Поутру густой туман. День тихий, жаркий. Снимают баржи передового отряда и ищут кошку с одного из моих пауэков. В авангарде порвались три якорных каната, и едва нашли якоря. Это новое доказательство, как худо скованы кошки и как плохи канаты. Ежели в начале плавания начали рваться якоря, съемные канаты, что же ожидает нас в будущности?

Я съехал на китайский берег и не гулял, а продирался по густой растительности. Что за прелесть флора! Что за трава! В пояс.

Дамская улица в Чите. Акварель Николая Бестужева

21 июня. Туман. В семь ч. утра снялись и не прошли пяти верст, как должны были остановиться, потому что та баржа, которая потеряла якорь, не могла опереться, стала на мель. Поехали ее снимать и опять день потеряли.

10 ч. вечера. Сняли жиды с мели, почти разгрузив его. Команда утомлена и озябла, бродя по горло в воде. Дали ей водки и завтра поплывем далее. Далеко ли уйдем???

22 [июня]. Густой туман. В восемь часов снялись и в 10 должны были опять остановиться, потому что жид, проклятый жид, опять стал на мель. Какая мука — опять день потерял!!!

23 [июня]. Снимали жиды — сняли вечером и провели его к берегу. Поведу за собой его.

23 [июня]²⁰. Густой туман. В восемь ч. снялись и прошли благополучно 120 верст, под вечер надо было проходить опасный проход, и я послал лоцмана Корягина на оморочке²¹, к счастью, он вовремя увидел, что левым проходом плыть нельзя. Пьянков тут посадил три баржи и двое суток возился с ними, разгрузив дотла. Мы с усилием выгребли в правый проход и прошли подле самого камня, под который бьет вода. Все мои баржи прошли благополучно и стали ниже Пьянкова.

24 [июня]. Густой туман и холодная ночь. День жаркий, мы простояли день, ожидая, чтоб Пьянков снялся.

25 [июня]. Густой туман и холодная сырая ночь. Я послал к Яркому, чтоб он оставался для помощи Пьянкову, а сам в два часа снялся и поплыл в Стрелку, чтобы застать Никитина. В шесть часов пришли в Стрелку и о, ужас! Не нашли там Никитина. Он решительно сошел с ума!

26 [июня]. Дождь целую ночь и целый день. Вчера, быв у Буйвита, получил от него письма от своих. Дожидаю Пьянкова. Два курьера — Клейменов и Кукель приехали сюда. Я познакомился с ними. Славные малые, они отдали письмо от Штейнгеля. Пришел домой и писал до четырех утра письма, потому что Серебренников завтра едет в Иркутск. В четыре утра пришел Ярков, уехал Серебренников, и в пятом часу привели Пьянкова, и мы снялись в пять с якоря и вступили в Амур.

27 [июня]. Дождь, тихо. Вчера мы отплыли от Стрелки верст 25 и стали на якорь в девять часов вечера. Становясь на якорь, опять баржа Пьянкова отряда стала на мель, и теперь все люди ее снимают с раннего утра. Этот отряд, как змея, которую я не могу от себя отбросить, гложет мое сердце. Сколько драгоценного времени мы потеряли из-за него, и теперь, вступив в Амур, я думал, буду покоен, потому что вода глубока и нет особенных мелей. Нет — надо было отыскать какую-то мель и сесть на нее, когда я шел впереди и стоило только держаться за корму. Боже мой! Ты уже строго меня испытуешь! С одной стороны, я должен спешить поскорей догнать отряд Никитина, который нас оставил без провизии, преступив мое положительное приказание, с другой стороны, меня, как нарочно для мучения, удерживает другой отряд своими беспрерывными ошибками, которых поправить нет никаких средств, кроме потери драгоценного времени. Сего дня мы бы были далеко и далеко от барж и бесчисленных плотов переселенцев, которые, если мы еще здесь промедлим, охватят нас, как туча шмелей, и укушение их будет нам дорого стоить...

29 [июня]. Петров день. Густой туман. Снялись в семь с половиной часов и пошли в Кутаманду. Найду ли там Никитина? Иначе беда! Не доходя полверсты до Кутаманды, я встретил курьера господина Моллера, который мне сообщил, что Николай Николаевич очень беспокоится о участи нашего флота: он недоволен, что мы плывем тихо. Как легко составлять маршруты в тишине кабинета! Когда он мне сообщил все замечания Н[иколая] Н[иколаевича], я его спросил: «Вы отправлены курьером?» — «Да!» — «Сколько Н. Н. дал вам времени на проплытие до Иркутска?» «Вообразите, — отвечал Моллер, — только 11 дней, а я, плывя день и ночь, изнурял своих казаков до смерти, так что у всех ноги распухли, как бревна. Я половину бросил в Кутаманде и взял новых и только что проплыл одну десятую всего пространства, назначенного мне Николаем Николаевичем». Я отвечал: «Это самое лучшее оправдание моего плавания». И мы расстались.

В Кутаманде я не нашел Никитина, он проплыл далее. Он или спился, или, верно, сошел с ума. В два прошли исторический Албазин. Местоположение очень выгодное для крепости и для жительствова. Много могил несчастных жертв последней экспедиции Облеухова. Позже приехали к нам манегры, я потчевал их вином, и хорошенькая манегрелка тоже выпила. Один из них нас провожал, и когда я его спросил: «Чей же ты?» — «Да сперва был китайский, а теперь русский», — отвечал он.

В четыре часа увидели настоящие баржи. Сосчитали — 16. Значит, и Никитин тут же. Стали на якоря. Съехались все приказчики, и объяснилось дело. Он, т.е. Никитин, виноват только тем, что не написал мне письма в Усть-Стрелке, но уже дождал нас у ней шесть часов. Журавецкий удрал вперед на нашей лодке, а у нас их такой недостаток. Он, вероятно, постарается меня подкрасить²² у Николая Николаевича.

В шесть часов показался гражданский пароход «Лена», в 7 с половиной часов подплыл и, узнав, что я на барже, стал подле меня. Я приехал на пароход и познакомился с офицер-капитаном. У него пассажирами капитан 1 ранга Н. Н. Назимов и К. Л. Куприянов. Первого я нанял на руках в Кронштадте, а другого отец вышел годом меня ранее.

В 11 с половиной часов 30 июня, снабдив все баржи месячными провизиями, сделав все распоряжения даже до устья Амура, я снялся с якоря и поплыл... В 5 с половиной часов стали на якорь, потому что одна из барж стала на мель в лабиринте амурском.

В 11 часов ночи сняли баржу. В этих местах поразительная своими гигантскими размерами растительность: тополя и клены в два человеческого объема. Папоротники выше человеческого роста, равно и трава. Черемухи, яблони, черная и красная смородина тоже как деревья. Тальник тоже. Смородина уже поспекает...

2 июля. Вышел в 3 часа наверх, чтоб сниматься с якоря, и едва принялись за канат, как пал густой туман, и мы должны были ждать до семи часов. Прошли верст пять и оставили опасную гряду влеве, где несчастный купец Мамонтов сидел на мели 20 дней. Я взял с места ночевки манегра проводником, кроме казака Корякина, который у нас проводником по контракту. Этот манегр провожал Николая Николаевича, несмотря на то, что его

шлюпка только игрушка в сравнении с нашими баржами. Старый манегр пьет вино как бездонная бочка, но хорошо знает местность; он указал три острова, около впадения трех речек Буринда, где началась гибель облеуховского отряда. Тут лежат груды костей погибших солдат. В 12 с половиной часов пополудни прошли казачий пост Буринда. Этот манегр Мальчин, кочующий на Амосе, жалобился крепко на солдат, которые, проходя, обворовали его кругом и, между прочим, убили и съели любимого его иноходца. Вот какими мерами мы снискиваем любовь и расположение, завладевши краем!

В 8 часов стали на якоря подле прекрутого берега огромной елани²³, удобной для пашен и сенокосов. Трава выше человека. Мы прошли этот день около 110 верст. Наш манегр Мальчин пил и пел, пьяный лег спать и во сне командовал: «Влево гребить, вправо гребить».

Весь этот день казенная баржа с порохом просила позволения следовать с моим отрядом и держалась так усердно за мою кормую, что большую часть дня у них не гребли, а табанили. Жалки правительственные распоряжения! Потопив в Шилкинском заводе баржу с порохом и кое-как собрав остальной порох в целом Забайкалье, отправили несчастного прапорщика без прикрытия, без канатов, даже без причалов, и если бы не наши отряды, с которыми он шел и становился на мель всегда, когда отставал от них, не был по моему приказанию вспомоществуем, или он бы разбился, или бы, что еще хуже,— обсох, и манегры или манчжуры расхитили бы весь порох, затопив весь остальной. Он теперь решительно не хочет отставать от нас, хотя я его предупреждал, что за съемкою моих ставших на мель барж я буду принужден останавливать весь отряд. Он говорит, что лучше же прийти когда-нибудь, нежели никогда,— и прав. Я ему дал толстый канат, потому что у него нечем уже причалиться к берегу.

3 июля. Густой туман. Мы снялись в 7 с половиной часов, отправив и щедро одарив восхищенного манегра. Проводив нас целый день, он должен употребить около трех дней на возвращение домой. Спустя полчаса прошло манегрское семейство в густой чаще березняка и яблоней. Это был прекрасный пол с нагими ребятишками. Эта группа довольно живописна была в чаще леса, а особенно в отдалении!!

В 2 с половиной часа, проклятый жид, он стал на мель, а мы должны были остановиться, тем более что, становясь по случаю, а не по выбору места, одна баржа, бросив якорь на быстрине, его потеряла. Итак, опять день потерян из-за жида. Это уже третий, а переменить его [жида] нечем.

4 июля. В первый раз во все плавание, еще в первый раз не было утром тумана, что позволило нам сняться в 3 ч. утра. Вот отличительный характер здешнего климата. Ночь холодная, сырая. Утром туман густой, днем ясно, жарко, тихо до десяти часов, потом начинает дуть 0 ветер до четырех вечера и потом опять тихо. Слепни и комары просто как кровопийцы жадные и безответные²⁴. Вчера на съемке, проходя острова, видел черную и красную смородину, крыжовник, малину, и клен, и вяз. Все, кроме клена и вяза, было и выше.

До 12 часов шли счастливо; в 12 часов, взяв немного влево, стали на мель и начали снимать. Баржи, за нами идущие, тоже. В три часа обе бар-

жи были сняты с мели. Поехали снимать третью, ставшую на мель позади всего отряда. Опять день потерян!

До сего времени я удерживался сказать о впечатлении, произведенном на меня р. Амуром, выжидая время, когда разочарование истребится новыми красотами. Но я выждал тщетно. То, чего я ждал, того не видел, и, по совести, я не променяю красот Ингоды и Шилки с пресловутым Амуром. Здесь все как-то утомительно-однообразно, и масса воды поглощает даже самые красоты берегов. К тому же так мало островов, а растительность на островах хотя богатая, но везде почти одна и та же. Посмотрим, что далее.

В 11 часов ночи воротились люди со съемки последней баржи и ничего не могли сделать. Так она плотно тронулась на дарство²⁵. Солдаты с пороховой баржи просто чудо что за люди. Голодные и холодные, бродя весь день и всю ночь по горло в воде, поют и ободряют команду. Я их угощаю по царски, т.е. даю им вина и ужин, чего они не имеют на своей барже, потому что вино все вышло, а варить им нельзя по причине страхов за порох. Они меня благословляют, а я в выгоде!

5 июля. В 3 ч. утра народ отправился для съемки проклятой казенной баржи. Казна — это эпидемия, заражающая все, что здорово. Мы в полчаса сняли две баржи, построенные мужиками, и вот двое суток проходит, что не можем снять одну баржу казенную. Она гнется, как берестяная. Мы принуждены ее выгружать, а потом я ее изрублю в щепки.

6 июля. Утро, как нарочно, чтоб меня побесить,— тихое, бестуманное. И мы должны терять время на съемку, во-первых, той баржи, которая села вчера, и, во-вторых, на отыскание якоря, упущенного bestолковостью рабочих этой баржи, и, в-третьих, съемкою 4 барж, которые сели на мель, когда якорь подрейфовал. Кроме того, офицер, ставший на мель снова на том самом месте, где стояли наши 2 баржи, и который стоял 20 дней обсохший на песке с женами и детьми переселенцев, приехал вчера ко мне и умолял помочь ему, [будучи] совершенно оставлен другими сотнями на произвол судьбы. И так еще потерянный день, но как отказать в помощи несчастным малюткам и матерям, которых ожидает голодная смерть, ежели я им не помогу?! В час пополудни нашли якорь и сняли баржу и в один с половиной час пополудни снялись с якоря. Здесь на стоянке я увидел в первый раз дуб и черешню. Я велел устроить на суку дубовую беседку. Какая пропасть маленьких комаров и мошек! Я не мог уснуть всю ночь.

7 июля. Утро довольно ясное. Туман хотя не очистил реки, но я снялся с якоря [в] 4 ч. Карты начинают так врать, что нечего в них и заглядывать. В 7 ч. утра мы едва не разбились об утес в узком проходе. В 8 с половиной часов, подходя к Сигиньяну, или Белому утесу, считаемому манчжурами за священный, я как передовой приткнулся на мель, и не прошло 5 минут, как наши молодцы, одни, без пособия других и не становясь на якоря, сняли баржу и, огреба 5 барж, пошли по-прежнему передом. Пройдя Сигиньян, мы обошли никитинский отряд (который прошел и опередил нас полутора сутками), стоящий у берега. Они здесь снимали баржу, ставшую на ту же самую мель, где стояли мы почти целый день, и теперь ищут 2 потерянных якоря. К 6 часам вечера две

баржи стали на мель, и мы должны были остановиться на якоре для съемки, поднялся ветерок. Никитинский отряд обошел нас и пошел в Кумару, где он должен оставить провиант и приказчика. Вечером офицер и юнкер с пороховой баржи пили чай у меня, и команда их пила вино и ужинала. Хорошо они поют русские песни.

8 июля. Утро бестуманное, но ветреное. Снялись с якоря в 3 часа и поплыли. Перед нашей вынырнула и закрычала белуга, пудов, я думаю, в 30 весом, так она огромна. В 9 часов ветер усилился и развело волнение, которыми бросило на мель три наших баржи, и мы должны были остановиться. С самого утра у меня так грустно было на душе, что я не знал, где найти место. Все люди отправились на съемку барж, несмотря на опасность, где половина команды могла утонуть, но с Амуром шутить нельзя. Он вдруг обмелеет, и тогда баржи останутся на мели. И точно, многие едва не утонули в волнах, бродя по горло в воде.

Показались вдали лодки под черным парусом, и я был готов подобно Эгею броситься в реку в безотчетной тоске. Лодка приблизилась, и я узнал по пунцовой рубашке Беклемишева. Радость свидания, приятная болтовня, которая была прервана внезапно криком: «Человек тонет!» Я с Беклемишевым выбежал наверх, и видим, что точно человек утопает, выныр[ивая] на поверхность кипящих валов. Все потеряли голову и кричат, чтоб плыла для спасения оморочка. Это значило посылать новую жертву для спасения погибающего. Я отвязал лодку Беклемишева, велел ей плыть за утопающим, но уже было поздно. Его захлестало волнами, и он утонул! Вот предчувствие моего духа! Его последние слова были, когда я велел всех гребцов накормить и снабдить провиантом, дав все нужное самому Беклемишеву: «Дай Бог счастья вашему полковнику (так меня называют), он отец для всех вас и для нас, он накормил и дал нам еще на дорогу чего поесть. Бог ему за это заплатит, и мы будем за него молиться Богу». Пошел на шлюпку, оступился и теперь пред лицом всевышнего. Я сего дня не снимусь с якоря — так много было радости, горя, что на сей день довольно.

9 июля. Тихо. Бестуманное утро, снялись в 3 с половиной часа и не прошли 5 верст, а должны были остановиться, потому что, проклятый жид, он стал на мель, идя за моею кормою. Это невыносимо. Я велел всю команду, начиная с лоцмана, высечь. Сняли жиду и пошли далее — прошли до 7 часов; можно было бы проплыть до Комары, но казенная баржа стала на мель там, где проплыли 5 барж. Это невыносимо! Должно было остановиться, и мы стали подле китайских торгашей из Айгуна, и они у меня просидели до полуночи, угощаемые досыта...

12 июля. Утро тихое, бестуманное. В 2 часа ночи команда поднялась и поехала снимать баржи. В 12 [дня] сняли с мели баржу, тут на островах видели дубняк. Орехи еще незрелые и черемуха доспевающая. В 2 часа снялись с якоря и в 2 с половиной должны были опять остановиться, потому что 5 барж, идя за нами, стали на мель. Это уже не мучение. Это ад! В 11 часов ночи сняли баржу одну — прочие остановились перед мелью на якорях. Одну баржу снимало 10 человек сряду. В воде и на быстрине. Наслаждение?!..

14 июля. Утро тихое, туманное, до 8 искали якорь. Нашли и, когда туман прочистился, снялись в 8 с половиной часов и поплыли между мелями и

откосами — нечего сказать — хорошо плавание. В 11 часов утра, не доходя до Зеи 25 верст, Амур разделился на 2 протоки, и наше общее намерение было плыть правым. Но наш вожак по наставлению манегра, проводившего Николая Николаевича до Зеи, ему решительно сказал, что надо плыть левым, который есть настоящая далинда, т.е. глубь реки, и я с пороховой баржею вошел в нее и тотчас заметил, что попали в ловушку. Дали сигнал следовать прочим баржам правым протоком, и они все благополучно прошли, а мы с пороховою бились до вечера, чтоб выйти из этого *cul de sac*²⁶. К счастью и с усилием ревностных солдат, мы выбрались к вечеру, и я не пошел на ночь на другие опасности. Дал порцию вина моей и пороховой команде, и вечер закончили балом с песнями, где отличилась в особенности жена моего лоцмана, сварливая старуха.

15 июля. В три часа снялись с якоря и поплыли в Зею, в десять часов подошли к тому месту, где живет Николай Николаевич, и он просил меня, пропустив отряд четырьмя верстами ниже, приехать к нему. Наше свидание с ним было дружеское, и особенно когда я ему объяснил причины нашего замедления. Николай Николаевич благородный человек, и ежели у него есть вспышки, то это происходит от рвения ко благу края. Мы беседовали долго, и он, пригласив меня на обед завтра, проводил версты 3 до лодки.

Вследствие беспорядков, об которых я знал по слухам и о которых он мне сообщил официально, я остаюсь здесь, чтоб сождать отставшие отряды и идти сзади. Я посылаю Чурина курьером, чтоб поудить их идти скорее и провести по опасным дорогам.

16 [июля]. Перегружаем с казенной баржи тяжести. Баржу эту я дарил Николаю Николаевичу, и он очень благодарен, потому что здесь недостаток в лесе. 25 домов для переселенцев уже вытянуты в линию по высохшему берегу, 25 набаты и к сентябрю еще 25 будут готовы. Это малороссийские мазанки, жаль, что стены, т.е. плетни, не двойные и что последние мазанки не успеют к зиме просохнуть. Никитина я рано утром отправил далее.

17 [июля]. Утром в 10 часов пришел отряд Пьянкова, и я приказал ему, взяв груз с опростаемой баржи, быть готовым идти далее. Я не понимаю и жалею Пьянкова. Он человек добрый, деятельный, но до безмерности слабый, за его доброту на него была куча жалоб, и он, как и всегда, все время проводил только в том, что сажал баржи на мель и снимал их. Мы из-за него потеряли по крайней мере 15 дней. Я опять взял худшие из его барж и худших людей и думаю завтра отправиться далее.

18 [июля]. В 2 часа я воротился от генерал-губернатора, который был бешен до невероятности. Капитана парохода Сухумлина он уничтожил в 5 минут до того, что он впал в бред. Капитана Крупицкого тоже обработал. Мое ходатайство за Буйвита не увенчалось успехом, по крайней мере Гладков спасен. Мы снялись с якоря в 4 часа и должны были видеть, как почти все баржи Пьянкова стали на мель или зашли в неисходные протоки. О, Пьянков, вы дорого мне поплачитесь за вашу слабость. Проходя Пьянкова, я спросил его: может ли он своими средствами снять баржи и следовать за мной? Он отвечал утвердительно, и я, прошед несколько верст, бросил якорь.

Китайские чиновники меня встретили и прово-

Аборигены

дили до стоянки. Они у меня ночевали, и завтра я отправлюсь далее.

19 [июля]. Утро ясное, тихое. Мы стоим в 5 верстах от Айгуна. В 7 часов утра мы снялись и подплыли к самому Айгуну. Чиновник просил позволения отправиться к амбаню²⁷ и сообщить ему о нашем прибытии. Я позволил. Приглашение от айгунских властей пожаловать к нам. — Были. Все та же азиатская глупость с примесью азиатской претензии. Дожидаю Пьянкова и снимаюсь с якоря, когда он будет проходить мимо.

Китайцы и любят, и боятся русских, от этого народ китайский страшно боится китайских чиновников и крепко желает сближения. Вот середина, довольно трудная для русских.

19 [июля]. Поутру в семь часов я спустился к Айгуну, во-первых, потому что якорь подрейфовало и, во-вторых, потому что амбань просил свидания. Я был у них, старик по хворости или хитрости не был на свидании. Детские угощения, ребяческие распросы! Негодяй Шишлов вопреки приказаниям и сигналам остался на месте. Я послал урядника по берегу, чтоб его пригнать сюда. В 5 часов вечера урядник его пригнал, и мы снялись с якоря. Китаец Божко нас сопровождает с проводником. Китайские власти успокоились, когда увидели нас далеко от Айгуна. В 9 часов стали на якорь. Я потребовал Шишлова и обработал его, как последнего рабочего. Беспорядки на его баржах страшные, двух его кормщиков я продержал целую ночь привязанными к бабкам²⁸.

20 [июля]. Ильин день! Боже мой, какая прекрасная погода, как тихо. Божко и лоцман спрашивают, почему мы не идем, а мы, по милости Пьян-

кова уже потерявшие до Стрелки более двух недель, теперь снова обречены к бездействию по его вялым распоряжениям. Не могли дожидаться его, я посылаю Шишлова как бы для того, чтоб он выкупал свои проступки в отряде Пьянкова, чтоб он принял команду над его отрядом и привел сюда. В 2 часа пополудни он уехал с 15 человеками. Вот какими Бог наградил меня помощниками! Не успел [Шишлов] отойти от Зеи 5 верст, и разбросал весь свой отряд по мелям и сухим протокам.

21 [июля]. Боже! Боже! Как тихо, как бы хорошо плыть! Пьянкова нет, и проплывающие плоты и лодки уведомляют, что он все стоит на том же месте. Снимаю одну баржу! Проходя мимо его, я спросил его, может ли он ее снять или я должен остановиться. Он отвечал, что баржа только приткнулась, и он, столкнув ее, последует за мною! И вот 3 дня он ее сталкивает — 3 дня — это потеря 500 верст!!! А китайские «божки» надоедают своим присутствием и напоминовением отправляться далее. Едят, пьют и напиваются — и все это надо терпеть по милости Пьянкова. Решаюсь и его отряд, и отряд Шишлова соединить со своим и плыть вместе. Знаю, чему я подвергаюсь с таким огромным отрядом, но что же прикажете делать? Одного нельзя оставить, потому что безмозглый пьяница, другого, потому что он не плывет, а ходит по мелям. Боже, сохрани нас! Когда-то мы дойдем до места, а опасностей много-много впереди!

В час пополудни показался пьянковский отряд. Я созвал всех приказчиков и намылил всем головы. Пьянкову приказал следовать у меня за кормою. Шишлов позади.

В 2 с половиной пополудни снялся с якорей, и

пошли далее. В восемь с половиной стали на якоря, и я отпустил китайских дураков, одарив их. Они приехали ночевать. Ведь им у нас понравилось. Нанял двух китайских проводников по трудному и опасному архипелагу.

22 [июля]. В два часа утра послал за проводниками, которые отказались, потому что боялись возвратного пути пешком. В пять часов я снялся с якоря и пошел на волю Божию. В 7 приткнулся на мель. Прочие баржи миновали опасность, и я, в пять минут столкнув свою баржу, выгреб вперед. Подвинувшись верст 8, мы взяли путь в левую протоку, которая оказалась мелее. Я приказал стать на якорь своей и близ идущим баржам и прочим следовать правую. Все прошли благополучно, и я, промерив протоку, снялся и вышел на соединение с прочими. Таким образом, почти ощупью, почти наугад мы прошли самые опасные протоки. Тут до 50 островов, и что же — на таком месте, где ни дувано, ни гадано, шесть барж пьянковского отряда стали на мель!!! Это наказание Божие. И тогда, когда пять передовых прошли благополучно. Так они привыкли ходить по мелям и до того распущена команда. Я хотел всех пересечь, но в числе барж были сами приказчики. К тому же эта экзекуция взяла бы много времени, а теперь дорога каждая минута. Работали до полуночи и сняли четыре, осталось на мели две баржи, и Пьянков, вопреки моему приказанию, вопреки опасности, ведет баржи, обсохнувшие при убывающей воде. Распустил команды по баржам ночевать. Что-то будет завтра!

23 [июля]. В три часа утра был у меня Шишлов, которого я отправляю вперед, чтоб по крайней мере он шел вперед, а себя я обрекаю на мучения Сизифа.

В пять с половиной часов он снялся с якоря и пошел. Я, уверенный Пьянковым, что с рассветом баржи будут сняты, не думал останавливать Шишлова, но в пять с половиной часов, посмотрев на баржи в трубу, увидел их почти совершенно обсохшими. Хотел остановить Шишлова, но все лодки отправлены на съемку, кричать невозможно — он уже далеко. А Пьянков не думал меня уведомить об опасности, хотя был там в три утра. Странная апатия самого честнейшего и деятельнейшего человека! Я послал лодку с приказчиком остановить отряд Шишлова и послал на съемку моего доброго и самого дельного человека Чурина с приказанием умереть на баржах или снять их. Вся команда не воротится на баржи до совершения съемки.

В два ч. одну баржу сняли, но другая обсыхает с минуты на минуту. Надо будет готовить слуги²⁹ и спускать ее по ним. К увеличению моего горя — одна из барж Шишлова отряда тоже стала на мель и, вероятно, тоже обсохнет, потому что вода падает по четверти в несколько часов.

24 [июля]. Я не мог спать долго, люди работают на съемке. Пошел вниз в час пополудни и увидел страшный сон. Лоля умирает в моих глазах. Какой ужас! Я опять вышел наверх и всю почти ночь не мог сомкнуть глаз. Что предвещает мне этот сон? Как я хотел мою Лолю увидеть хоть во сне, но Бог отказал мне в этом единственном наслаждении! Эту ночь я ее увидел впервые, и как! Сердце доселе еще обливается кровью.

До самого вечера рубили лес и приготавливали слуги, чтоб спустить на воду обсохшую баржу. К довершению горя, лес далеко и только осинник, а тут надо непременно листвень и сосна, а на стрелы не менес шести сажень длины. К тому же еще бар-

Гробница шамана

жа безъякорная совсем вылезла на берег — так быстро упадет вода, и ее надо было почти разгрузить, чтоб только столкнуть на глубину. Шишлов снимает разгрузкой свою баржу, тоже обсохшую, и я не вижу конца работы. Когда-то мы двинемся? Какое мучение.

25 [июля]. Утро прекрасное. День, как и все дни прошедшие, — жарко, тихо — только бы плыть, а мы стоим в томлении. Природа амурская, как я это и предполагал прежде, на меня мало произвела впечатления. Масса воды точно поглотила красоты берегов, которые, сливаясь в отдалении в утомительную однообразность, не производят того ощущения, как берега Ингоды и Шилки, к тому же присоединяется мертвенность, не оживляющая берегов. Безотрадная пустыньность! И хотелось бы иногда полюбоваться, погулять на прекрасном берегу! Невозможно. Самое богатство растительности и девственность природы служат препятствием. Даже на открытых лугах нельзя сделать несколько шагов, заплотнясь в травы выше человеческого роста. Наконец, одна из египетских язв — обыкновенная в здешних местах — заставляет проклинать эти благодатные места. Как только солнце разогреет атмосферу, слепни мириадами налетают и рвут вас как летающие собаки. Жар нестерпимый, и вы лишены всякой возможности чем-либо заняться. Когда солнце сядет, появляются рои маленьких мушек, которые с каждым дыханием вашим наполняют рот. Ночью является третья смена мучителей — комары. И так каждый день. И так, к моральному мучению присоединяется физическое. Надо большой запас терпения, чтобы не сойти с ума.

26 [июля]. День знойный, тихий. В 10 часов

утра баржу спустили на воду и начали нагружать. Весь день и всю ночь грузили.

27 [июля]. День знойный, тихий. На заре дали команде немного уснуть и в 10 часов подвели снятые баржи к отряду. Надо сниматься и подходить к передовому отряду, чтоб начать то же мучение, т.е. снимать его обсохшую баржу. Я не постигаю, чего же он делал в эти четыре дня? Не мог стащить на воду одну баржу, когда мы стащили в это время 3 обсохших баржи. И то надо сказать, ему надо отвезти груз за 5 верст на берег, а у нас складывали на песок подле. Вот колея, из которой никогда не выбьешься в речном плавании...

28 [июля]. Ночь ветреная — утро тихое. Я послал приказание передовому отряду идти вперед, и он в 10 ч. утра снялся и пошел далее. В 12 и три четверти часа снялись мы и пошли вслед за ним. В 9 с четвертью часа вечера стали на якорь. Всю ночь команда не могла уснуть ни на мгновение. Комары, как бич небесный, мучили и терзали людей. Я уж шестую ночь не сплю. Но дело не во мне, а в людях — целый день нет успокоения. Мошки, слепни и комары. Работа в гребях. Все это истомляет людей до изнеможения.

29 [июля]. В 2 и три четверти часа утра снялись с якоря — идем к Бурею. Что-то нас ожидает далее??? В четыре часа должны были стать на якорь по причине сильного ветра и волнения. Буря не изменила своего названия и встретила нас бурюю. Что скажет завтра.

30 [июля]. Буря. Стоим и ждем, когда утихнет ветер у манчжурского караула. Рабочие меняют старые рубахи на буду, т.е. китайское пшено. Вот новые остановки! Почему бы этому ветру не дуть в 7 дней, потерянных для съемки пьянковских барж.

Зимник

В 9 часов утра снялись с якоря. Ветр хоть не стих вовсе, но мы идем. В 6 часов должны были стать за ветром, который нас почти чуть не разбросал по мелям.

31 [июля]. Буря. Ветер дует, и все восточный. В ночи был сильный дождь. Утро пасмурное, мы снялись в час с половиной пополудни в дождь и ветер. В шесть часов вечера догнали баржи Шишлова. Они стояли на якорях. Думая, что, может быть, не стоят ли их баржи на мелях, и по причине сильного дождя, ветра я бросил якоря. Слава Богу, все благополучно. Они стояли на мелях — повыше.

1 августа. Вот первый день осени, а мы еще на половине пути! Целую ночь мы были жертвою комаров. Они нас изъели до костей. В три ч. утра я приказал Шишлову сниматься и идти далее, в четыре с половиной сам снялся и поплыл. В продолжение всего пути дождь лил как из ведра, а против караула наших [...] мы должны были бросить якорь по причине сильного ветра. В час с четвертью пополудни опять снялись и пошли далее. Но ветер бурлит, и не знаю, далеко ли мы уплывем. В семь часов вечера одна последняя баржа стала на мель. Стали на якорь и пошли снимать баржу. В 11 часов ночи сняли.

2 августа. Ночь ясная, комары мучили всех по-прежнему. Только можно было различать предметы. Снялись и при густом упавшем тумане поплыли далее.

Гинканскую³¹ станицу проплыли в 10 часов утра. В 12 и три четверти часа приехал Пьянков сказать, что одна из его барж обсохла, и мы должны были стать на якорь. Проплыв 45 верст, идти назад, чтоб снять ее с мели. Это пахнет двумя днями. И вот плавание по Амуру!! Два часа тумана стоят двух дней!! И кто же поверит этому, не быв сам деятелем?

Весь остальной день, как нарочно, тихий, ясный, и сколько бы мы уплыли. Небрежность Пьянкова и обман кормовщика, заверившего всех, что его баржа на вольной воде, были причиной, что в тумане проплыли так далеко, и теперь шуточное дело — затягивать лодки 50 верст против течения, чтоб снять ее с мели. Досада! Мука и скука!!!

Мы поехали на берег, чтоб посмотреть растительность. Наслаждаться местностью — невозможно: нельзя продраться ни шагу вперед. Но что за богатство и разнообразие растительности!! На пространстве никак не более 20 сажень мы срубили целый пук следующих растений: дуб, вяз, клен, липа, черная и белая береза, тальник черный и серебряный, черешня, калина, малина, орешник, черная и красная смородина и, наконец, пробковое дерево. Дикий хмель переплетал, как льянок, все деревья. Не мудрено, почему Радде избрал Гинканский хребет для своих ученых экскурсий. Рыбы бездна, слепни огромные, комары маленькие и мошки еще меньше, но ужасно кусающие. Дичи много тоже!

В 11 часов ночи баржа, нагрузив 100 кулей, снялась и пришла к нам. Ночь темная — и едва они попали к берегу, потому что у ней нет якоря.

3 августа. Ночь лил дождь. Утро тихое, но мне невозможно было спать, потому что люди с пришедшей баржи еще не попали по своим баржам, сверх того надо было наказать кормовщика. И это взяло у нас 2 часа времени. В 6 ч. снялись, и пошел дождь с павшим туманом. Но я, невзирая ни на

туман, дождь и ветер, иду вперед. Если бы мы вчера не остановились, мы бы были далеко и там, впереди, встретили бы хорошую погоду. А теперь мнемся, и далеко ли позволит ветер и туман идти — Бог весть?

Отдано и подтверждено строгое приказание, и я принужден буду быть даже жестоким. Даже с самими приказчиками. Так у них все распушено! Мы плывем. Дождь, туман, но какая растительность!!! Просто чудо. К вышесказанному присоедините: пихту, ель, кедровник, сосну, лиственку. Все, чего хочешь. И все это растет и погибает без пользы!!!

Я пошел отдохнуть после обеда, потому что уже давно не могу спать по ночам. Просыгаюсь от шума и крику людей под кормою, которые по пояс и по горло в холодной воде, в дождь и ветер со стягами сталкивали нашу баржу, приткнувшуюся на мель. При тихой погоде мы бы столкнулись без посторонней помощи, но теперь все другие баржи должны были остановиться довольно далеко, и пока пришли люди, прошло три часа. Мы снялись и пошли далее. В восемь с половиной часов стали на якорь уже в темень.

4 августа. В четыре часа утра еще было темно и светила умирающая луна — мы снялись с якорей и пошли по Гинканскому проходу. Надо отдать должную справедливость красотам этого ущелья гор, покрытых сверху и до подошвы богатой и разнообразной растительностью. Невыразимо роскошно здесь природа, и я решился бросить в некоторых распадках первые семена владимирских вишен и севастопольских акаций³².

В девять часов вечера, пройдя верст 10 от окончания Хинганских гор, мы начали причаливать к берегу для ночлега, и в это время пристала лодка и вышел из нее — кто же? — Радде. О, радость! Целую ночь мы с ним беседовали. Вот истинный жрец науки. Ни скука, ни лишения, ни опасности его не останавливают. Он мужественно борется с ними и, обрекая себя на двухлетнее пребывание в хребтах Хинган, готов еще провести тут дважды столько же, ежели ему дадут средства, потому что, по его словам, тут не усилие одного человека надо, а целая ученая комиссия. Между прочим, он объявил мне, что даже и грецкие орехи растут в изобилии. Я отдал ему все мои серебряные деньги, чтоб он купил соболей, и написал писульку к m-me Antoine³³.

5 августа. В шесть часов утра мы с ним расстались. Он пошел вверх по Амуру — мы поплыли вниз. Но как поплыли! Едва четыре версты в час!!! Это верх мучения. Амур упал более двух сажень, течения почти нет, а мели высунулись на всяком откоске. Снялись мы так поздно потому, что одна баржа потеряла якорь и его искали. Все дрянные и несмоленные канаты перепрели и сгнили заживо, а нас ожидают бури и непогоды далее. Баржи, самые прочные, начали оказывать сильную течь от ломки на съемках с мелей. Люди утомляются откачиванием воды; ночью комары не дают отдохнуть, а днем в дождь и холод они [люди], обессиленные на съемках, дрогнут по горло в холодной воде. И все это произошло оттого, что вовремя не могли отправить баржи, а главное — из нищенских расчетов не хотели их снабдить даже необходимым. Жалко и смешно, а между прочим — мучительно.

Плыли благополучно до девяти с половиной ч. вечера и, когда стемнело, стали на якоря. Я говорю

это про те баржи, которые имеют якоря, а у меня в отряде четыре безъякорных, и потому в каждом ночлеге и отвале мы теряем по часу времени. Во-первых, надо выбирать место ночлега, чтоб безъякорные могли стать у берега, следовательно, иногда и можно бы еще плыть, но тогда безъякорные не пристанут. Во-вторых, как у многих барж нет лодок, то не всегда безъякорные могут выскочить, чтоб причалить, их проносит ниже, и ежели пристаут в темноте, то можно ломкою барж потопить груз. Всю ночь команду истязали огромные комары и мокрицы. Никто не спал ни минуты.

6 августа. День, как и прежние три дня, тихий и немного сумрачный, ночь теплая. Мы снялись в четыре с половиной часа — почти в темени. Не доходя 30 верст до впадения р.Зунгари, мы услышали голоса на берегу. Просили моего казачьего урядника Потехина выехать на берег. Между прочим, один казак во всю прыть бежал, догоняя баржу. Я позволил доброму моему капралу съехать на берег и по возвращении его узнал, что это был его родной племянник, который с другими казаками возвращается из Зунгаринского поста на родину, на благодатный Онон. Этот племянник сообщил ему, что они были посланы вниз по Амуру до Зунгари заготавливать дрова для парохода «Амур» и на нем возвратиться до Зеи и потом на пароходе «Лена» до Стрелки. Но что до сей минуты, не могли сождать парохода, отправляются бичевой до дома. Вот новый казус для негодования Николая Николаевича. Он «Амур» ждал еще во время своего пребывания в Зее, и он до сих пор сидит где-нибудь на мели, как «Лена», которая сидела девять суток до Зеи. Он же сообщил, что передовой мой отряд проплыл Зунгари 20 дней назад, второй, никитинский, девять дней и третий, Шишлов, одни сутки. Значит, передовой уже на месте, второй около Кизи, а мы придем тогда, как первые сдадут груз в казну. Это меня обрадовало! Значит, Иванов именно тем временем впереди нас, какое Пьянков у меня отнял, становясь на мели. А Иванов ушел ранее меня десятью днями!!! Значит, без ошибок Пьянкова я мог быть десятью днями ранее Иванова.

В шесть часов вечера против самого китайского караула на устье Зунгари мы встретили прекрасный пароход во 120 сил — «Амур». Капитан его спросил: «На какой барже г[осподин] Бестужев?» «Здесь!» — отвечал я. «С передовых ваших барж я взял провизию и дал квитанцию!» «Очень рад, — отвечал я. — Передаю вам, что генерал-губернатор недоволен вашею медлительностью. Он вас долго ожидал в Зее и отправился 18 дней назад на пароходе «Лена» один, без капитана, потому что оного сменил за то, что он не пришел вовремя, сидя десять дней на мели!» «Это и со мною было», — отвечал капитан. И мы разошлись. Пароход колесный — хорошо устроен. На нем множество пассажиров и пассажиров. Он ведет за собою три большие присылки и большие гиляцкие³⁴ лодки. Таково плавание по мелкому и неопisanному Амуру. Уж нашим несчастным баржам не грех садиться на мелях, когда пароходы медлят целые месяцы за мелководьем.

7 августа. Ночь темная, ветренная. В пять с половиной часов в темноте мы снялись при свежем 0 ветре, который развел большое волнение. Баржи борются с волнами, а кругом откоски и мели. Но я иду, невзирая на это, боясь упустить каждый час, который теперь нам дорог.

В восемь с половиной часов проплыли устроенную на берегу в дубовой роще лавку Лапили — тут средоточие собольиной и пушной торговли.

В два и три четверти часа пополудни мы наплыли на перебор, где под нами воды было только в половину четверти, а у нас баржа сидит в грузу более шести вершков. Итак, под баржю было не более двух вершков. Я приказал всем баржам идти левою протокою, а сам поплыл на гребень на волю Божию. К счастью, глубина начала прибывать, и мы поплыли на четыре аршина. Так мы плыли около двух часов, где протоки сходятся, при этом пункте опять остров, и Амур разделяется на две протоки. Передовое судно отряда, видимо, не могло попасть за нами. Я велел ему следовать по левой протоке, и все прочие баржи пошли за мною. Так мы плыли три часа, не зная участи той несчастной баржи, и наконец в сумерках увидели, что она идет. Было уже темно. Надо было остановиться на якорь. Стали, подняли огни, и баржа, отставшая, стала подле нас на якорь. Я потребовал смышленно-го кормщика и угостил его вином.

8 августа. С самого того мгновения, как мы бросили якорь, дождь полил как из ведра. Мы скрылись в каюту, где мириады комаров нас ожидали как их неотъемлемую³⁵ жертву. Никто не спал всю ночь. Команда утомилась в гребях обесиленная.

В пять с половиной часов при сильном дожде и пасмурности мы снялись с якоря и пошли. Ветер крепчал, дождь усиливался. В восемь с половиной часов я сошел в каюту, чтоб напиться чаю, и не успел хлебнуть глотка, как баржу накренило и зашвистел ветер. Я выбежал наверх. Беда. Все наши баржи в одно мгновение бросило к другому берегу на отмели. Я сделал сигнал становиться на якоря — и наши баржи уже дважды пощупали мели. Бросили якорь, и другие баржи при сильной буре от N стали набегать одна на другую. Те, у кого были якоря, дрейфовали, а несчастные безъякорные, не имея возможности стоять на якоре и не будучи все в силах отгребиться против бури, бросило на остановившиеся на якорях. Непривычный, жалкий народ упал духом. Шум, крик и никакого дела! Теперь мы стоим, окруженные мелями. Я и одна якорная баржа почти на мели, и у нас две безъякорные, причалась за кормою, и все мы в одной куче, так что можно переходить по всем четырем баржам. А ветер ярится, волны ходят высоко. Сдай хоть один якорь или порвись гнилая шейма³⁶, и мы не соберем щепок!! И вот плавание по Амуру! И вот как небрежно, безрассудно отправляют миллионные грузы, не обеспечив транспорт ни хорошим снабжением, ни хорошими людьми, и особенно кормовщиками. Нет! Это первое и, вероятно, будет последним моим плаванием по Амуру. Я до горла сыт горестями.

В три часа пополудни, едва ветр стих, я решился распутать эту плетушку, чтоб при усилившемся волнении нас не измололо вдребезги. Нелегко было распутывать, но удалось, и мы поплыли далсе. С трех до девяти мы плыли 20 верст, т.е. в один час мы подавались менее четырех верст. Это при благоприятных обстоятельствах, тогда как при большой воде плыли по 12 верст в час.

9 августа. Снялись в пять ч. утра при совершенной темноте, но я рассчитывал на безопасность проплыва. Ветр и волнение разыгрываются, потому что здесь Амур разлегается широкими

плесами, где и тому, и другому разгул, а это все задерживает наше плавание и, главное, утомляет рабочих, которые не выходят из галерной работы — гребни.

Мой помощник Чурин не вынес всех трудов и слег в постель. Не знаю, как мне пособит Господь дотянуть эту лямку, но терпению есть тоже предел!! И невероятно, как мой организм еще может выдерживать такие толчки, которых одного достаточно, чтоб столкнуться в могилу. Целый день бьешься наверху с душевною тревогою, преследуемый мириадами слепней, которые величиной с собаку, рвут ваше тело и пьют вашу кровь. Стали на якорь — мириады, мириады комаров и мокрецов (маленькие мушки, которые кусают и производят опухоль) вас начинают мучить. В каюте нет спасения. Вверх хуже. Ночь не сомнешь глаз с глазом и начнешь утро утомленный и ослабленный донельзя. Роса и туман все вещи вымочат, как губку. Я никогда не знал шерстяных чулок, теперь, выходя наверх, я надеваю их и с ними чувствую, как холодная сырость проникает в кости. Много ли надобно, чтоб убить самого здорового человека!!

В восемь и три четверти часа, идя по фарватеру в шесть сажен, вдруг встретили перебор в семь четвертей и должны были остановить весь отряд, чтоб не посадить его на мель. Прихотливый и опасный для плавания Амур!! И он так худо описан, что карты, которые составлены в Иркутске в Главном штабе, могут служить только для того, чтоб садить суда на мель. А сведения от местных жителей еще хуже. Ежели бы мы руководствовались своею опытностью, мы бы никогда не наплывали на мель. А манегры и гольды — сушая язва. Для них все далинда — и их-то указание поставило нас в затруднительное положение. Всю ночь промеряли. Ночью дождь.

10 августа. В пять часов утра снялись и вышли благополучно из опасности. В 10 часов, наплывая на то место, где на картах описан только проход, ведущий к впадению в р. Уссури, нас быстрым течением бросило в левый, неописанный. Я сделал сигнал следовать за мною, решившись проплыть неописанным проходом. Тут мы увидели плоты со скотом г[осподина] Крупицкого, который отплыл десятью днями ранее нас. И эти плоты разбросаны по мелям и через силу снимаются. Вот уже 21 день, как они отправились из Зеи, генерал-губернатор им назначил сроку до Николаевска только 15 дней и на это время велел отпустить только провизии. Если плоты не могут идти по этому мелководию, то каково нам? Так легко и легкомысленно рассуждают все господа, которые, сидя в покойной комнате и за бутылкою шампанского, определяют маршруты.

С десяти часов мы плывем по неописанному, неозначенному руслу р. Амура. Почему он не описан и не означен на картах? Кажется, можно догадаться, что правительство хотело, чтоб все плыло и плавало по той узкой и неудобной протоке, которая ведет мимо впадения р. Уссури. Главное направление р. Амура именно там, где мы теперь плывем. Широкое раздолье и далинда в полном смысле. Она сокращает плавание на 30 верст и избавляет от трудных проплывов между островами. Я установил свой дорожный компас и назначил глазомерною съемкою его направление³⁷, которое нанес на карту.

В три часа пополудни мы завидели баржи передового отряда и начали его нагонять. До сего дня мы потеряли 20 дней, работая на съемках передового отряда. Пьянков теперь начинает замедление от отряда Шишлова!.. Три дня мы дали ему уйти вперед и его нагнали. Я его потребовал к себе, намыллил ему голову и приказал идти до поздней ночи и наутро сняться как можно ранее, а сам стал рано ввечеру на якорь с намерением завтра сняться как можно позже, чтоб он успел уйти вперед. Не знаю, много ли он уйдет, а результат один: потеря времени. Между тем дни укорачиваются — ночи становятся длиннее. Амур мелеет, и осенние бури чаще жалуют. И это все чудно суждения господ, сидящих в спокойных кабинетах! У них один вопрос: «Как можно так долго идти, когда прежде ходили до устья Амура в 30 дней?» Ошибка одна: поздняя отправка! А следствие постоянно одно и то же: мелководие — уничтожение течения реки, уменьшение дня — частые бури и проч. и проч. и проч.

11 августа. Ночь бурная, гром, молния, дождь. Я не снимаюсь с якоря, чтоб не нагнать передового отряда, который я боюсь обойти и оставить позади себя. Я знаю, что он без опасности видеть меня на своих пятах — зазимует на Амуре. Каковы помощники, избранные господами — деятелями Амурской компании?!!!

Утомленная команда отдыхает. Я купил им рыбы, чтоб освежить от солонины. Поехали на берег, который в трех саженях от баржи, — и Боже мой! Что за растительность!!! Мы едва-едва могли сделать в два часа времени около 50 саженей пути. Мы буквально пробивались между травой выше роста человеческого и между деревьями, заплетенными, как-сетью, диким хмелем и виноградником. И на этом тесном пространстве мы нашли: виноград, пробковое дерево, грецкие орехи и горосчатый перец в соседстве с рябиною, черемухой, осиною, вязом, кленом, дубом, тальником, черною и белою березою и прочее, и прочее. Перечислить трудно. Я набрал букет прекрасных цветов и украсил ими свою каюту.

Рыболовы из гольдов и манчжур приезжали сбывать свой товар — рыбу. Первые — тонкие плуты-цыганы, вторые — более честны. Но странно, при плутовстве — они очень глупы. Всякому хочется менять свой товар на рубаху. Это насущная мания этого народа. Дай ему рубаху старую, изодранную и совершенно новую — все равно. Когда же ему предлагают добычу³⁸ или бязь — он не знает меры требованию, и часто случалось, что за рубаху, стоящую трех серебряных, брали то же количество рыбы, за которое он требовал шесть и семь сажен добычи или бязи.

12 августа. В пять часов утра при темноте я снялся и пошел далее в той надежде, что, дав Шишлову одни с половиной сутки вперед, его не нагоним. Но моя надежда была разрушена при проплыве шести верст. Я увидел его две баржи на мели и, решившись идти неописанною протокою, которая оказалась материком³⁹, должен был остановиться на якоре, чтоб подать ему помощь в то самое мгновение, когда мне дали знать, что и моя одна баржа стала на мель. Вот какое мое положение? Семь барж прошло благополучно, а восьмая становится на мель! Это хуже бурлацкой сволочи, плавающей по Волге. Мы пропустили одни сутки благодатного плавания. Сего дня мы могли бы со вчерашним

днем проплыть 300 верст при благоприятном попутном ветре, а должны стоять за глупостью одного кормщика. Все это подкапывает мое физическое и нравственное бытие. В отношении физики я еще креплюсь, хотя зрение уже слабеет от непрерывного надзора за наблюдением стока воды, избранием протоки, куда плыть, потому что мы плывем не по описанным картам, а по вдохновению. Хорошо или худо мы избрали путь — мы сами и ответчики. И платимся за ошибки других днями и неделями потерянного времени.

В час пополудни Шишлова баржи были сташены с мели, и он со своим отрядом поплыл далее. Мы тоже, сняв свою баржу, отправились. В девять часов вечера стали на якорь у самого берега, едва достав 26-футовым шестом дна. Каков Амур! Никакие карты, никакие лощи не могут тут быть руководителями. Вы идете подле берега — дна нельзя достать, вдруг вас относит течением на другой, противоположный берег. Не противьтесь этому влечению, или вам беда. Начали вы отгрести, и мера показывает вам, что вы идете через мель, где под дном баржи только полвершка воды, т.е. шесть с половиной вершков!! От пяти, шести, семи сажен на шесть с половиной вершков! Как это приятно. И вспомните, что я веду за собою 11 барж, и ежели каждая станет на эту мель, то может быть 11 дней золотых потеряно. И такие казусы случаются по десять и более раз на каждые сутки. Посудите, что происходит в моей душе каждый день? Каждый потерянный день лишает меня надежды на возвращение, — а сколько потерь для господ компаньонов? И все это оттого, что не могли отправиться вовремя. Прав Николай Николаевич.

13 августа. В четыре часа утра я вышел наверх — темно, сыро, холодно, а главное, дует сильный ветер прямо на берег. Здесь река Амур как море разлеглась на широком плесе. Ходил я час, ходил два, выжидая, что он стихнет, и наконец вышел из терпения — приказал сниматься. Снялись. Густой туман. Одним словом, все, что только можно выдумать провидению для нашей задержки. Я приказал закрепить руль и грести и плыть, куда нас понесет течение, не зная, что случилось с задними баржами. Так наудачу мы плыли более двух часов. Когда туман прочистился, мы, к радости, увидели всю нашу эскадру, хотя разбросанную, но не по мелям. Устроили линию — пошли и наткнулись опять на отряд Шишлова. Когда же кончатся муки терять дни и недели за грехи дураков? Нет, это выше сил человеческих. В 10 ч. утра мы завидели баржи передового отряда. Мы решаемся опять плыть неописанным путем. Пошли в бухту, которая Бог знает куда нас выведет, но описанное так худо, что все, и даже неизвестное, лучше того, что на карте. К нам приплыли многие лодки гольдов с рыбою. Я приказал выменивать как можно более, чтоб освежить команду. Наши купцы — совершенные простаки. За пуговицу, за дырявую рубашку они могли бы иметь сто на сто, и все это пренебрежено! Право, не стоит, чтоб содействовать такой беззаботной компании.

В два с половиной часа мы приплыли на такое место, которое было кругом в мелях. Мы дали сигнал следовать другим баржам левее, а сами, как передовое, стали на мель — кругом откоски и переборы. Куда плыть? Куда выход? Послал промерять, и едва ли найдется выход! Какое романтическое плавание!!!

В три часа снялись с мели без чужой помощи, пошли и через полчаса должны были стать на якорь, потому что протока опять не имела выхода. Поехали промерять.

В пять часов кончили промер и нашли небольшой проход через мель в шесть с половиной вершков. Я решился идти через него, и благодаря Бога прошли благополучно, немного пощупав мели. Подходя к берегу на стоянку, прошли еще две косы, где глубины было только семь вершков и, сойдя с них, семь-восемь сажен!! Стали на якорь уже в темноте. Все наши баржи разбросаны по разным протокам, некоторые тоже становились на мель, но были сняты; одна баржа потеряла якорь, потому что канат совершенно сгнил.

14 августа. Всю ночь, утро и день дождь льет как из ведра. Я снялся с якоря, когда прочие баржи подплыли, и пошел опять по бесконечному лабиринту островов и мелей. Когда, когда мы доплывем, а осень уже на пороге, холодно, сыро, дни короткие и ветры сильные?!

В 10 часов со средней баржи дали знать сигналом, что задняя баржа стала на мель. Остановились и потеряли еще два часа. Когда баржа была снята, мы поплыли далее, и поплыли уже описанною протокою, но такую мелкою, что не знаю, выберем ли из нее. И на такой реке хотят установить правильное пароходство?? Пароход «Амур» едва ли теперь еще пришел в Зею, а на возвратном пути его ожидают предательские мели, которые образовались обмелением. Мы теперь плывем его путем, потому что везде встречаем его вехи, и на этих местах он неминуемо будет становиться на мель. Мы бросили якорь подле гольдского становища. Они приехали торговать. Смешно, что за люди. У мужчин в правом ухе серьга, у женщин она в носу. Их берестяные юрты замечательны тщательной выделкою бересты: это наш опоск⁴⁰. Так гибок и прочен, что надо удивляться. Привозили соболей и просили две цены за очень хорошего соболя. Жаль, что я все серебряные деньги отдал Радде для покупки соболей, а на ничто другое не хотят менять.

В 11 часов мы снялись с якоря и поплыли, вертась между мелями. В восемь часов начали приставать к берегу и не могли подойти, так сильно тянуло от него. Бросили якорь в отдалении и послали сделать промер, чтоб завтра выйти из западни. Приказчик Пьянков поехал узнать, где селение Дондон или Соле, потому что он там должен оставаться для торговли.

15 августа. Густой туман нас продержал до шести с половиной часов утра, в котором мы снялись и поплыли к Дондону. В 10 с половиной часов Пьянков выехал к нам навстречу с гольдом, но так поздно, что мы уже не могли поплыть в левую протоку, на которой он узнал, что отправлены товары и урядник. Мы вошли в правую между мелями в широком разливе реки — верст на семь. Надо было остановиться на середине реки, чтоб снова послать Пьянкова на место, ему назначенное, и в 12 ч. мы бросили якоря, причалив безъякорные баржи за кормом якорных. Пьянков уехал, и я ему приказал непременно возвратиться к вечеру и не ехать далеко для того, чтоб к ночи приспособиться к берегу за мыс. Но вечер прошел, а его нет. Луна в первой своей четверти зашла, облитая кровавым цветом. Быть буре! Она пожаловала к нам часу во втором пополуночи. Что я ожидал, то начало совершаться во мраке ночи при сильном ветре и боль-

шом волнении. Баржу Пьянкова, где осталось только три человека, за исключением гребцов, взятых самим Пьянковым, в компании причисленной безьякорной баржи с его нежною супругою, которая умирает от страха, если он только уходит с баржи, потащило. Что станешь делать? Нет никаких средств подать ему помощь. У нас нет ни запасного якоря, ни троса, ни даже надежной веревочки, чтоб его остановить. Смотрим и только рассчитываем, на какой мели он разобьется!.. В два часа потащило другую баржу в компании с другой, безьякорной. Эти прошли правее нас, и потому я надеялся, что ежели ее разобьет, то все-таки ближе к берегу. Так прошла бессонная ночь. Солнце взошло, и мы были обрадованы, что баржи целы. Грунт на этом месте — гольный плитняк; якоря, вероятно, задели за трещины камня и приостановили баржи.

16 августа. Утро. Сильный ветер — волнение ходит большое. Баржи, которые ночью дрейфовали, с перемешкою останавливаются. Но это все ненадежно. В шесть ч. утра показались лодки Пьянкова. Значит, они гребли против ветра и течения целую ночь?.. Они подплывают к моей барже. Я велел бросить на длинной веревке поплавок, но лодки, пробившись целый час, не могли поймать поплавок и повернули к своей барже, утащенной уже ниже нас на пять верст. Так силен ветер и волнение. В десять ч. утра показался паузок. Это Шишлов, которого мы пустили вперед двумя сутками! Боже, Боже мой, когда это кончится?! Мы думали, что он плывет впереди, тремя сутками впереди нас! Вот он позади нас, когда мы не можем представить, как он плыл вне нашего вида????!! Когда стихнет буря, я узнаю эту тайну. После этого не угодно ли будет господам пессимистам рассчи-

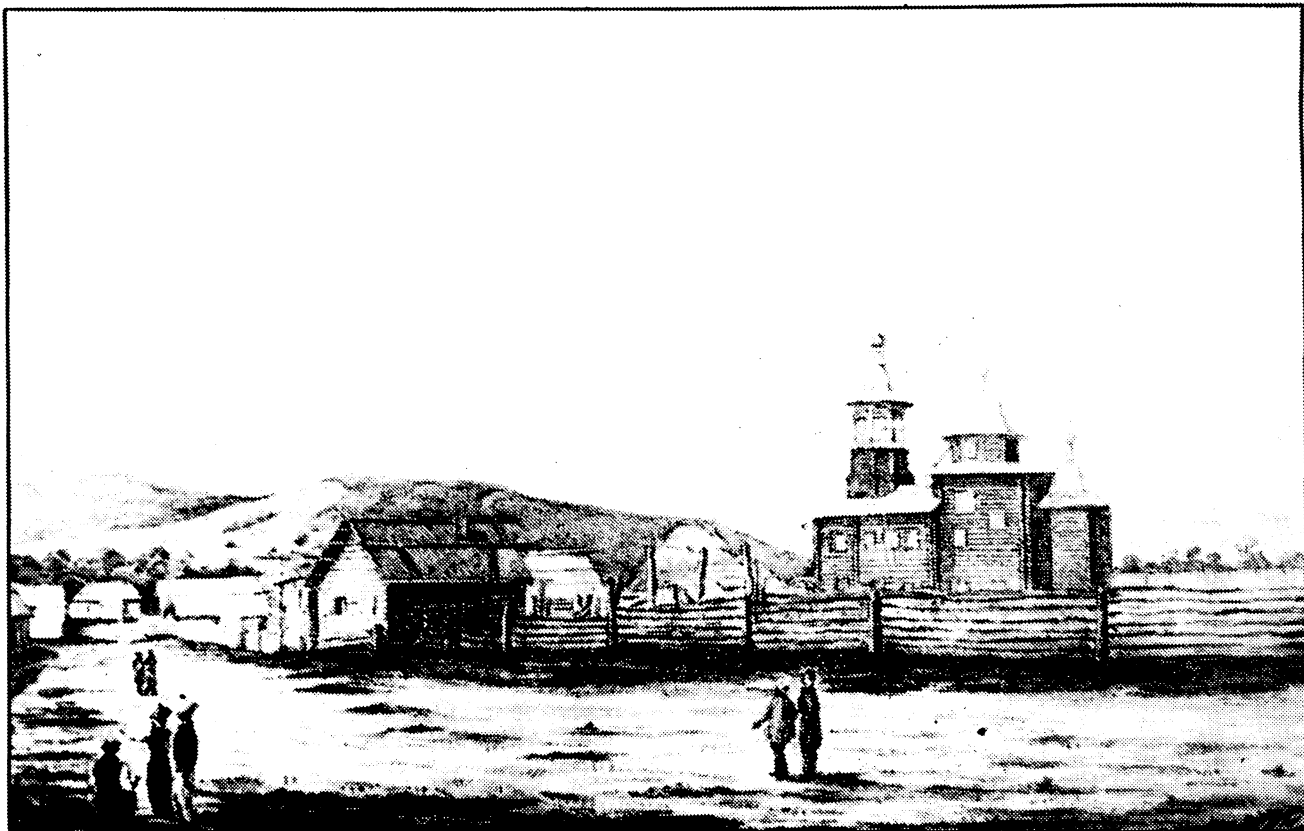
тать потерянное время. Прекрасно древние изображали «случай» — старика, у которого только клочок волос на лбу. Ежели мы не успеем схватить его за этот клочок волос, то уже поздно хватать его за плешивую голову.

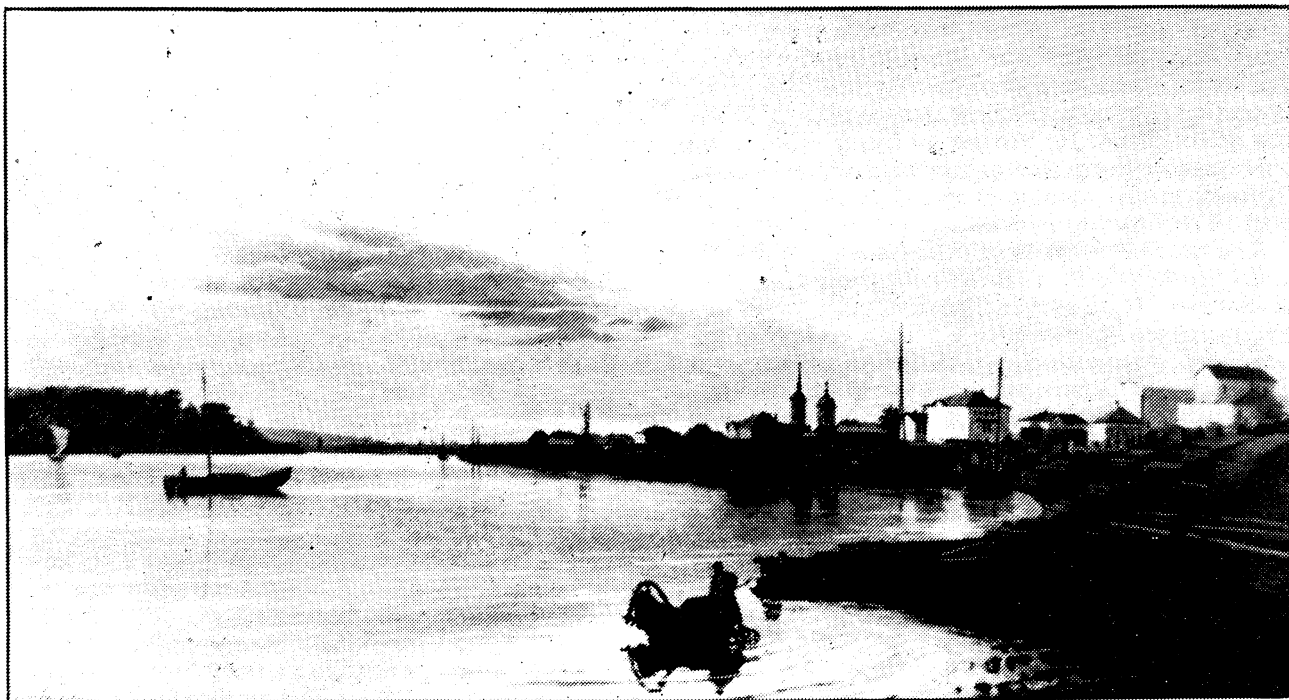
Шишлов, приехав, объяснял свое замедление беспрестанными съемками барж с мелей: заплыв в мелководную протоку, его баржа, как безьякорная, стала у самого берега в бухте. Как он оттуда выберется, когда ветер дует прямо в берег. Пьянков приехал из своих поисков, где ничего не нашел. Я уверен, что Иванов проплыл, не оставя там ничего. А между тем этот проклятый Дондон отнял у нас одни с половиной сутки! И то правда, что ежели бы мы не остановились, то потеряли бы Шишлова позади, и Бог знает, когда бы он догнал.

17 августа. Утро ясное, но ветер и волнение сильное. Несмотря на то и на другое, легкие лодки гольдов, как чайки, ныряют по волнам и развозят по баржам рыбу, да какую? Стерляди, сазаны, нельмы, осетрина и много, которых я даже не знаю названия. И все это за дырявые рубашки. И что это за дети природы? Например, за два пуда стерлядей и сазанов он просил четыре сажени бязи — ему давали три, он не отдал и потом все уступил за два фунта соли. Осетра в три пуда отдали за два рубля, который едва стоит десять к [опеек] серебра. Привозили и соболей, но требовали только серебро. Можно бы приобрести много за те целковые, которые я отдал Радде. Но вот какой я торговец — смех сказать. За эти деньги я бы здесь приобрел 15 — 20 соболей, а может быть, от него получу три — шесть, и то если он останется жив.

В девять часов утра пароход «Шилка» снялся с якоря, два раза пытаюсь идти против сильного ветра и волнения. В два часа пополудни он прошел

Улица в Чите

Вид Иркутска

мимо нас. Расстояние семь верст он прошел в 5 часов времени, значит, в час — около одной с четвертью версты!!! Вот вам русское произведение. Командир его — Сахинский. Ему было, кажется, стыдно командовать таким пароходом, и потому он прошел мимо меня в довольно дальнем расстоянии, а у меня шлюпки были отосланы, чтоб вывести Шишлова из бухты. Приказчик с парохода «Шилка» Посельский приехал и объявил, что Иванов, как я и предполагал, ничего не оставил на Дондоне и что он назначен Паргачевским туда с товарами.

К ночи ветер, волнение, гром и дождь. В девять с половиной часов одну баржу потащило с якоря, вслед за нею и нашу. Но, к счастью, якоря задержали. В таком тревожном положении мы провели ночь.

18 августа. Утро сумрачное, ветер крепчает, волнение ходит высоко.

В 11 с половиной часов ветер вдруг переменялся от SSW к SW и затих. Шишлов, пользуясь затишьем, снялся и ушел. Мы, несмотря, что ветер снова отошел к SSW, тоже снялись, чтоб избавиться [от] этого проклятого плеса, и пошли, чтоб, только отойдя, стать в хорошем месте на якоря и таким образом дать Шишлову уйти вперед. Но не тут-то было. Ветер начал крепчать и сделался совершенно противным. Мы поплыли на плес почище прежнего. Кругом мели, и никакие наши усилия отгрезить от них не помогли — пять барж бросило на мель и потом нашу тоже. Мы завезли якорь и стянули баржу на восемь четвертей, и так должны остаться в продолжение целой ночи с приятным наслаждением ожидания, когда баржи, подрейфовав, станут разбиваться на мели!.. Поехали помогать другим баржам. Но что станут делать с безъякорными?!!

И вот положение, в котором я теперь нахожусь: если бы стало разбивать баржи на мелях, я не имел бы никаких средств спасти их. Лодки малы, и, посылая их для спасения, я посылаю бы людей на

явную смерть. К всем бедствиям, к которым нас обрекли небрежным снабжением, присоединилось новое. Наши лодки, которых едва хватает на половину барж, стало отрывать волнением, потому что причалы тонки и гнилы. Итак, баржи без якоря и без лодки есть жертвы первого порыва бури.

19 августа. Ночь — это жуть. Буря, волнение, гром и молния, и дождь всю ночь. Мы стоим так близко от мели, что вереха (руль) бороздит по мели. Когда в четыре часа буря утихла, я послал моего деятельного помощника Чурина узнать, в каком положении баржи. Он приехал на одну, и та почти обсохла от убывающей воды. Люди стоят с шестью и отпихиваются, когда им только бы стоило поднять якорь и спуститься ниже. Вот с какими кормщиками я плыву и из-за кого я теряю столько времени. Умный Чуринов снялся и спустился на глубину. Приезжает на ту баржу, которая без якоря должна была приткнуться к берегу, и видит, что она обмелела. Спрашивает у кормовщика, почему он это допустил, а тот его уверяет, что баржа на ходу, тогда как она уже врзалась на четверть в густой ил. Была уже ночь. Люди истомлены и продрогли в холодной воде, и он возвратился с намерением разгрузить ее и сняться рано утром.

Но каков этот день! Накануне, когда мы плыли, было так жарко, что люди купались, а сего дня утром мы не могли согреться в шубах, и я надел валенки, чтоб согреть ноги. А бедные рабочие, у которых нет даже зипуна, — жалость. Я дал им уж пять кирпичиков чаю — на свой счет. Ветр дует от N-да.

20 августа. Ночь. Сильный ветер и волнение. Вода убывает, и наши верехи чертят по мели. В четыре часа еще темно. Я послал Чурина снять бедствующую баржу. Он тотчас снялся с нашей баржей с якоря, подошел к другой, стал за ее кормом, причалился за нее и, вынув наш якорь, поехал стаскивать баржу нашим людям. А Пьянков! Он и не думал о своем деле. Допустил под носом

обмеление баржи его отряда и теперь ничего не предпринимает! Он добрый, честный и деятельный человек, но по русской пословице: простота хуже воровства. Из-за него я потерял счетом 23 дня; он, кажется, хочет дополнить до целого месяца. И вот мои помощники. Не угодно ли будет г[осподам] критикам принять для сведения хоть последний отрывок моего плавания, чтоб судить, каково плыть в сообществе дураков.

Я по предписанию господ членов Амурской компании должен был оставить приказчика Пьянкова на Дондоне. 16-го августа, подплывая к этому месту, я заранее остановился и послал Пьянкова узнать, где оставлены товары? Он воротился и ничего не нашел, а я уж потерял пять часов хорошей погоды. Назавтра мы снялись, а Пьянков поехал отсыскивать пост. В три часа пополудни он выехал, и мы остановились на широком плесе только на время. Но он не возвращался до утра, и мы должны были стоять в самом критическом положении на открытом месте с причалом безякорных барж к якорным в бурю и грозу. Когда же он возвратился, объявив, что Иванов нигде ничего не оставил, и когда я намеревался идти далее, вдруг я вижу: баржи Шишлова, которые были впереди нас, идут с хвоста. На другой день к вечеру погода стихла. Я велел Шишлову сниматься, но он не мог, потому что его баржи без якорей, пристав близко берега, не могли выгресться на фарватер, потому что волнение их прибывало к берегу. Итак, другой день потерян. Назавтра, когда ветер немного утих, Шишлов снялся. Нам бы тоже было хорошо сняться, но мы должны были его пропустить вперед. Мы выждали два часа, пошли и встретили бурю, разбросавшую нас по мелям. Если б не Шишлов, мы бы это место прошли попутным ветром и на хорошем якорном месте.

Двои сутки мы стояли между жизнью и смертью, и когда сего дня буря затихла и можно было бы идти, вдруг я узнаю, что баржа под носом Пьянкова обсохла, и мы должны опять терять день для съёмки ее. И вот как теряются дни и недели за грехи дураков. А между тем осень подходит, дни укорачиваются. Амур мелеет, и, следовательно, течения почти нет, бури учащаются, и N-е ветры дуют в лоб, и льды угрожают сзади. И все это отчего? Оттого, что члены Амурской компании думали снарядить экспедицию по-русски, на авось и на как-нибудь.

В 12 часов баржа была стащена с мели и снова нагружена. В час с половиной пополудни мы снялись и пошли далее. Ветр, как и во все наше плавание по Амуру, противный. Волнение бьет баржу в нос, а течение почти неприметно. Мы едва двигаемся четыре версты в час, тогда как с полною водою пробегали по 13 верст. Четыре и 13 — какая разница, и притом весною, когда день 18 часов, а теперь при благоприятных обстоятельствах едва можно плыть 12 часов. В десять часов вечера бросили якорь.

21 августа. Ночь мрачная. Дождь как из ведра, а ветер от N, т.е. противный, потому что мы теперь поворотили к о. Кизи. Я снялся в потемках в пять с четвертью часа и поплыл. Чурин простудился и лежит в постели. Жаль мне его, ежели он захворает. Плыдем — и как плывем? По четыре версты в час! Сравним с весенним плаванием. Тогда можно было плыть 18 часов по 13 верст, а теперь — 12 часов по четыре версты, т.е. 234 версты и 48 верст.

Представьте результат: 234 версты и 48. Вот мое положение?! Пусть судят господа Амурской компании!

В восемь часов мы наплыли на баржи Шишлова, которые стоят у берега, и, так как ветер разыгрался и волнение ходит опасное, мы, проплыв его баржи, стали на якоря.

22 августа. Ночь бурная. Буря. Ветр от N и волнение так велико, что я не знаю, как уберечься на якорях. А безякорные теперь бьет о берег, потому что они должны держаться берега, не имея возможности стать в отдалении берега. Мой добрый неутомимый Чурин просит как милости не посылать его для помощи тех барж, которые близко берегу. «Я убегу», — говорит он. «Куда?» — «Я сам не знаю». Я утешаю его, говоря, что это последнее искушение провидения. Он говорит, что это уже не есть искушение, но наказание. И в самом деле, с самого устья вот уже восемь дней нас преследует противный ветер и буря. Я его уговорил быть покорным провидению, и он, как религиозный человек, покорился Богу. Весь день дул N, волны, которые против течения реки, очень высоки. Холод и сырость. Скука!

В 10 часов вечера подплыл к моей барже горный инженер Носов и, спрося, тут ли Фот [...]⁴¹, остановился у берега. Я послал за ним шлюпку, и он приехал на баржу. До полуночи мы беседовали с ним. Он едет на Сахалин, чтоб управлять каменноломнями угля. Бедный, он едва не утонул во время той бури, которая нас разбросала по мелям. Он сам болел лихорадкою, и его выкупало в холодной воде, все до нитки и до последнего куска намочило, и солнца нет уже восьмью сутками, чтоб просушить. Я дал ему порошки и лекарства от лихорадки, снабдил его провизией, дал куриц и круп, сухарей. А он взамен привез мне письмо от милых моих. Двадцать второго июня они мне его писали. Я был утешен им, как ребенок. Все и все горести забыты — я был посреди моего семейства и видел воочию и мою милую Лолю, и моего славного Колю. В таком расположении духа я на полчаса заснул и потом уже не мог спать всю ночь — как это бывает со мною каждую ночь. Я сплю только днем после обеда.

23 августа. В четыре часа утра ветер немного смягчился, и я, несмотря на волны и противный ветер, снялся с якоря и пошел далее, проходя между островами и мелями. Ветер противный, и мои 20 барж скучились в одну массу, потому что ветер пятит высокие баржи назад и низко несет вперед. Волнение большое, но я иду.

В 2 3/4 часа пополудни одна баржа приткнулась на мель, и мы должны были остановиться на якорях. В пять [вечера] ее сняли, и мы пошли далее, пропустив Шишлова вперед. Шли до поздней ночи и стали на причал в потемках подле Шишлова.

24 августа. Ночь бурная, ветер развел большое волнение, но часу в пятом утра все затихло. Мы ждали южного ветра, потому что два порыва от S были очень сильны. Несмотря на мрак, мы отчалили с фонарями на мачтах и поплыли далее. Проходя передовой отряд Шишлова, я велел ему сниматься, когда пройдет моя последняя баржа. Едва мы вышли на мыс, как нас встретил борей от N, волнение развел большое, но я не остановился. И что же, мы плыли два часа с половиной и не могли проплыть передового отряда Шишлова, который поэтому и не снимался с якоря. Этого мало. Нас потащило вверх по течению!!!.. Каково амурское

плавание. Не будь я сам свидетелем такого казуса, я бы всякого почел смешным лгуном, если б он рассказал подобные сказки. Должно было бросить якорь.

В три ч. пополудни ветер немного утих, и мы снова снялись и пошли далее. Баржи дурака Лосева снова стали на мель, и мы должны были остановиться. Другой дурак, Шишлов, отвалив за нами, завел всю свою эскадру в сухую протоку, и мы, проплывя еще 10 верст, должны были стать на якорь. Так мы обречены за грехи дураков терять драгоценное время, и пусть судят господа критики мое плавание. За Пьянкова я потерял 20 дней, теперь за Шишлова теряю более 10 дней да за бурями и туманами более 13 дней. Если б я плыл независимо от подобных дураков, я бы теперь уж был в Якутске и через месяц соединился бы со своим семейством, но теперь... Что нас ожидает? Льды и зимовка в Николаевском poste — прекрасная перспектива.

В 7 часов вечера я послал шлюпку к Носову, и он приехал. Лекарства, которые я ему дал, имели благотворное действие. Он приехал ко мне другим человеком. До полуночи мы с ним беседовали. Он мне сообщил, что Николай Николаевич Муравьев сидел три раза на мелях и наконец решился, бросив пароход, идти на лодках. Вот доказательство, как легко обвинять людей и как трудно действовать, когда силы природы и обстоятельства гнут самую железную волю и деятельность человека.

25 августа. Ночь. Дождь, ветер от N сильный, волнение ходит высоко. Когда же это все кончится, кажется, луна до своей полноты будет нас угощать и преследовать. В три ч. пополудни ветер немного стих. Небо прояснилось, и мы тотчас снялись с якоря. Но не прошли и версты, как с ужасным дождем задул сильный N, и мы, выбиваясь из сил, едва могли пригрестись к берегу. Были в деревеньке гольдов, что это за бедность! Голод и нужда, кажется, их насущный хлеб, и как заметил один из моих рабочих, Григорий Евдокимов, что они хлебуют воду и закусывают дровами. Этот Григорий — дядька всей команды, крещеный татарин, говорит ломаным русским языком, но очень умен и остер. Он каждый вечер угощает людей сказками и говорит их так оригинально, забавно изломанным языком с прикрасом русских исковерканных прибауток, что я часто с грустию в душе, ходя по палубе ночью, невольно останавливаюсь над льялом⁴², где все сидят кругом его с разинутыми ртами, и, слушая его, смеюсь до света.

26 августа. Ночь сырая, холодная, дождь, ветер N. В три ч. полуночи я вышел наверх. Ясно, тихо, луна светит. Искушение сняться и идти, но на ветре — тучи и мороза. Подождем еще час.

В 4^{1/4} решил сняться. Дураку Шишлову я дал двою сутки на соединение. Его нет. Мне ждать дурака и терять драгоценное время, когда мне дорога каждая минута, тем более что уже сухари у нас на исходе. Я могу заморить голодом людей. В Кизе я его подожду.

В 8^{1/2} часов — приветствую тебя, благотворное солнце!! Двенадцать дней мы тебя не видели. Согрей и обсуши нас. Нам сыро и холодно. Ветр с 10 часов подул S-й, и мы подняли все возможные лоскутки, чтоб быстрее идти вперед, потому что течения Амура почти нет.

В 8^{1/2} ч. вечера стемнело, надо было стать на якоря, но мы поплыли на мелководие и должны

были спускаться ниже, чтоб безъякорные могли причалить к берегу, а их у меня четыре с гнилыми причалами, а у тех, кто с якорями, шеймы, и гнилые шеймы. Фонарей нет, хотя я отдал стекла для них. Никитин их не роздал по баржам. Хороши помощники! Я поднял фонарь и бросил якорь на восьми четвертях, приказав ловить безъякорных за якорные. Задние две баржи, не следуя за нашим направлением, налетели на мель. Я послал народ снимать их с приказанием работать хоть всю ночь. Народ, утомленный в продолжение дня, должен работать всю ночь, бродя в холодной воде, и потом, сняв баржи, тотчас пойдем далее.

27 августа. Боже, Боже мой! Нет, чтоб вынести все, что я выношу, надо иметь сверхчеловеческое терпение. Всю ночь работали и не могли снять баржей, и я обречен опять терять время, когда надо без оглядки плыть и плыть. В самые сильные ветры и волнение мы плыли по мелям, и ни одна баржа не становилась на мель, хотя мы и не подвигались ни шагу. Теперь, когда погода утихла, когда ветер нам попутный и мы могли бы быть в Кизе послезавтра, мы обречены к бездействию, утомляя и без того утомленную, большую и малочисленную команду беспрестанными съемками, которые до того ослабили некоторые баржи, что люди безостановочно отливают воду. Когда же кончится мое мучение?!

12 часов пополудни. Одну баржу сняли, разгрузив до половины, другую начали разгружать. Вот мое положение! Разгружай, нагружай и снимай баржи, когда надо бы плыть. Вот какими помощниками меня снабдили господа компаньоны!! Я бы теперь был в Якутске, сдав весь груз, а теперь в 150 верстах от Кизе и жду льдов. Мой дурак Шишлов, несмотря на двое суток промедления, не является. Он срывает нашу экспедицию, посылв трех человек разыскивать проход к Мариинскому посту за 300 лишком верст! Какой дурак! Это он сделал после того, как я ему показал карты и объяснил, куда надо плыть! В четыре пополудни сняли и другую, но ее надо нагружать, а бочки с солью в 43 лишком пуда и готовы все развалиться. Пользуясь этим временем, я послал Чурина промерять наш выход из этой ловушки. Он проехал более 10 верст ниже, везде худо, но есть бороздка в два с половиной аршина. Завтра чем свет пойдем далее.

28 августа. Как я предсказал, так и случилось. Вчера день такой ясный, ветер попутный, и мы стояли на месте. Сего дня ночь ясная, но в четыре часа утра, когда надо было сниматься, ветер задул от N и пал такой густой туман, что за сажень ничего не было видно. Три раза он редел, и три раза я подымал на ноги команду. Наконец, потеряв терпение, снялся, несмотря на туман впереди, и пошел по мели на шесть и одну четверту четверти, т.е. под баржею было только два вершка воды. И это Амур? В широких плесах в 5, 6, 7 верст глубина шесть и одна четвертая четверти.

Вчера Чурин встретил на стоянке лекаря Городнетского, который ждет в Уссури. Он сообщил, что Иванов уже в Николаевске и что Шишлов стоит недалеко. Это меня успокоило и утешило немного. Значит, сдача производится в Николаевске. Никитин подплывает со своим отрядом и будет продолжать сдачу. Потом придет Шишлов и поддержит сдачу тяжестей в казну, и наконец прибудем мы. Офицеры морского ведомства мне объявили, что сдача не может быть поспешна по причине недо-

статка людей. Следовательно, если бы мы и все вместе пришли, мы бы обречены были к бездействию. День прекрасный, команда купалась, стали на якорь в восемь с половиной часов.

29 августа. Ночь ясная, холодная. Я вышел в четыре часа, чтоб отвалить при лунном свете. Всю ночь я не спал: с одной стороны, задушевный смех рабочих, которых умный Евдокимов потешал сказкою, с другой — завывание шаманов в ближайшей деревне у гиляков, сопровождаемое воем стаи собак. Но едва я хотел ударить подъем, как густой туман заволок всю окрестность, и мы до 9 часов стояли почти во мраке. Наконец я, как и вчера, потеряв терпение, отвалил от берега и пошел ощупью. Идем, и туман редеет. В семь с половиной часов стали на якоря.

30 августа. Ночь лунная. Тихо, попутный ветерок. В три часа ночи, не сомкнув глаз, я вышел наверх, туман пал, но ветром с берега его переваляло и очистило правый берег. Я только что подошел к барабану, чтоб бить побудку, как в одно мгновение, с переменою ветра, туман снова повалил на нас и так застлал окрестность, что не видно ничего. Такого морального мучения я никогда не испытывал. Как! Быть в 100 верстах от Кизе и видеть, что завистливая судьба употребляет все, чтоб нас не допустить туда. Между тем дни укорачиваются, вода падает, течения почти нет, и провизия уже кончается, и уже слышится ропот. Третьего дня на опыте узнав, каково плыть во мраке с такою сволочью, я положил плыть при лунном сиянии и стать на якорь, когда падает туман. Но потеря четырех часов в утреннем тумане не позволила нам проплыть опасные мели, и мы должны были остановиться перед ними, застигнутые мраком. Сего дня туман нас опять продержал четыре часа, и мы должны были отвалить в 8 часов утра. Сего дня я хотел ночь плыть при луне. Но ветер из попутного сделался противным, и мы опять едва

дойдем до опасных мелей, которые невозможно уже будет проплывать при слабом лунном свете с дикою оравною, которая и днем не может идти следом за мною. День чудесный, тихий, жаркий. Но что это за плавание, праведный Боже! Много-много, что две с половиной версты в час!!! И мы уже в темноте, проплыв только 36 верст в целый день, остановились.

31 августа. Ночь тихая, лунная, в четыре часа густой туман повалил поперечь реки, но впереди был он реже, и я решился сняться, несмотря на опасную протоку, которую вчера ночью промерили. Шли довольно хорошо и в два часа стали в 10 верстах выше Мариинского мыса, т.е. 40 верстах от Кизе, т.е. Мариинского поста.

1 сентября. Утро ясное, ветер попутный. Я снялся в 4 часа утра и пошел истинным лабиринтом проток и мелей, и если бы на Мариинском мысе не встретил и не проводил нас нарочно для сего оставленный лоцман из охотской сотни, то нам не миновать бы беды горшей всех. Что за Амур!! Плынешь по самой мели, гребями задеваешь ее пыль, с нее слепит глаза, а три сажени шест не достает дна. И вдруг перебор через всю реку в полтора аршина. Бросься вправо — на мели, влево — тебя утянет в протоку, и ты никогда не увидишь Кизе или никогда из нее не выйдешь, потому что это мешок безвыходный. Ровно в полдень мы бросили якорь на пристани Кизе, ниже стоявшей эскадры Шишлова, который пришел сюда за несколько часов прежде. Местоположение Кизе и Мариинского поста красивое, но болотистое, несмотря на возвышенный берег. Оба пункта обстраиваются. Церковь очень красивая, приходит к окончанию, но еще много утечет воды из Амура, пока Мариинский пост будет возможно назвать городом.

2 сентября. Началась приемка, и несмотря, что все власти, начиная с майора Цехановича, господина командира, и Острова, комиссариат-

ского чиновника, моего старого знакомого, до Галсана Батырова, приемщика, все мягко стелют, да жестко спят, так придирчива и медленна приемка, что я выхожу из терпения, видя, как время течет и уносит последнюю надежду попасть в Аян. Господи, неужели ты осудил меня на последнее мучение — зимовать здесь и томиться в бездействии до июля будущего года в разлуке с родными и детьми.

12 сентября. Приемка кончилась, и я, получив квитанции, самые полные и удовлетворительные, отобедав с господами приемщиками и угостив их шампанским, поехал на лодке, отправив и даже проводив отряд Пьянкова до деревни Сучи. Третьего сентября я отправил Чурина с шестью баржами

вперед и уже получил известие, что он прибыл на место. Паргачевский пишет, что до сих пор (т.е. до четвертого сентября) он не может сдать муку с трех барж. В 16 дней не мог сдать 10 [...] ⁴³ пудов, каково Иванов сохранил казенный груз!! И не мудрено, когда и товары для торговли он совершенно сгноил. Это известие, как громом, меня поразило. Кажется, нет никакой надежды на возвращение.

13 сентября. Иду на лодке в Николаевское. Обошел баржу и осмотрел, как перебивают муку, подмокшую в дороге. Иванов, стоя в Кизе восемь суток и плывя 10 до Николаевского, не мог перебить мешков!!!

(На этом записи обрываются).

¹ Пустить палы (обл.) — поджечь траву, лес.
² Так в тексте.
³ Заездка — плетень для ловли рыбы, поставленный поперек реки.
⁴ Шилкинский Завод, находившийся в восьмидесяти километрах ниже Сретенска, представлял собой длинное селение с верфями для судов, с 1854 года являясь исходным пунктом амурских сплавов. Здесь строились баржи и нагружались плоды.
⁵ Кошма — войлочный ковер из овечьей и верблюжьей шерсти.
⁶ Имеется в виду генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. В дневнике и письмах Бестужева к родным встречаются различные сокращения: «Н.Н.», «Ник. Ник.», «ген.-губ.», «Николай Николаевич».
⁷ Фефечка — дочь селенгинского коммерсанта и близкого друга семьи Бестужевых Д. Д. Старцева (младшего).
⁸ Вож — кормчий, лоцман.
⁹ Подробности ужасной гибели большой команды солдат линейного батальона под начальством полковника Облеухова, возвращавшихся из Николаевского Поста с устья Амура в Нерчинский край, где был расположен батальон, описаны в статье Кукель Б. В. (в действительности статья написана В. К. Кукелем) «Из истории присоединения Приамурского края» («Исторический вестник». СПб. 1896, т.65, стр. 416 — 417).
¹⁰ Так в тексте.
¹¹ Карчи — коряги.
¹² Имеются в виду жена, дочь и сын М. А. Бестужева.
¹³ О (Ost) — восточный ветер.
¹⁴ Перемет — рыболовная снасть с крючками, которую натягивают на колья.
¹⁵ Так в тексте.
¹⁶ Помере — здесь в смысле несколько.
¹⁷ Так в тексте. М. А. Бестужев был осужден по II разряду и по конфиркации 1826 года приговорен вместе с братом Николаем к каторжным работам навечно. Срок был сокращен до двадцати лет, затем до пятнадцати, а в 1835 году до тринадцати лет. После окончания срока каторги по указу 1839 года М. А. Бестужев был отправлен на поселение в Селенгинск Иркутской губернии, где его застала амнистия 1856 года.
¹⁸ Имеется в виду лабиринт, который, по преданию, был построен для царя Миноса легендарным архитектором Дедалом.
¹⁹ Так в тексте.

Дневник плавания по Амуру М. Бестужева, публикуемый здесь с небольшими сокращениями, входит в состав сборника «Естественнонаучное наследие декабристов», подготовленного к изданию Институтом истории естествознания и техники РАН. В сборник вошли представляющие научную ценность работы декабристов Г. Батенькова, К. Торсона, братьев М. и Н. Бестуже-

²⁰ Так в тексте. 23 июня повторяется дважды.
²¹ Оморочка (сиб.) — березовая лодочка.
²² Так в тексте. Вероятно, здесь употреблено в смысле представить в определенном свете.
²³ Елань (обл.) — луговая, полевая и открытая равнина.
²⁴ Так в тексте.
²⁵ Так в тексте.
²⁶ Неловкое положение (франц.).
²⁷ Амбань — титул высших китайских чиновников.
²⁸ Бабка — короткая стойка, столбик.
²⁹ Следи — толстые жерди.
³⁰ Слово расшифровать не удалось.
³¹ М. А. Бестужев пишет то «Гинганский», то «Хинганский» (будь то хребет или станица).
³² Таким образом, М. А. Бестужев осуществил частично «непременный зарок», который дал себе перед плаванием по Амуру. Об этом он писал своему другу М. Ф. Рейнеке 4 февраля 1857 года, планируя «посадить по всему течению Амура на каждом нашем ночном ночлеге по несколько семечек севастопольских акаций, и особенно ниже города Сахалин — Улаги, там, где Амур, склоняясь к югу, орошает самую благодатную почву винограда, дубов и вязов. К ним присоединю я косточки одной из лучших родов владимирских вишен...» (Муатов М. И. Письма Михаила Бестужева к М. Ф. Рейнеке (1856 — 1857). Декабристы-литераторы. II. Книга первая. «Литературное наследство». М. 1956, т.60, стр. 242).
³³ Имеется в виду француженка Луиза Николаевна Антуан, с которой Бестужев познакомился в доме начальника штаба Иркутского военного округа генерала Кукеля, где она служила гувернанткой.
³⁴ Гиляцкий от гиляки — устаревшее название нивхов, народа, живущего в бассейне нижнего течения Амура и на острове Сахалин.
³⁵ Так в рукописи.
³⁶ Шейма — якорный канат.
³⁷ Имеется в виду направление русла Амура.
³⁸ Доба (сиб.) — дешевый бумажный холст, белый или крашенный.
³⁹ Имеется в виду, по-видимому, сильное обмеление.
⁴⁰ Значение слова не ясно.
⁴¹ Фамилию расшифровать до конца не удалось.
⁴² Льял — проруб в барже, откуда выплескивается вода.
⁴³ Слово написано неразборчиво.

вых. Некоторые из них, в особенности представленный здесь Дневник и пока еще неизвестные читателям письма Бестужевых, обладают, на наш взгляд, также незаурядной культурно-исторической и художественной ценностью.

Все собранные в рукописном томе работы ранее никогда не публиковались. Книга ждет своего издателя.

Публикация, вступительная статья и примечания
О. АЛЕКСАНДРОВСКОЙ, О. КУЗНЕЦКОЙ, В. МАКЕЕВОЙ, Г. ФИРСОВОЙ.

садится и начинает покрывать лаком раму портрета. Из кухни выходит Таня с двумя сумками, которые битком набиты бутылками из-под молока.

Таня. А вот и обещанные бутылочки к обеду. Его надо еще заработать. Вставай, дорогой, поможешь отнести посуду. Хорошее лекарство от безделья.

Кленов. А я уже не бездельничаю, я работаю. Занят я.

Таня. Ну, ты всегда занят, когда жене надо помочь. Что же мне, надорваться? Посмотри, сколько бутылок.

Кленов. Сама виновата. Надо избавляться от посуды периодически, а не накапливать ее.

Таня. «Периодически»... Умник нашелся. Думаешь, приятно каждый день таскаться по улице с бутылками?

Кленов. Может, и неприятно, но удобно.

Таня. Ну-ну. Удобнее всего, конечно, сидеть и ничего не делать. Пусть жена отдувается.

Кленов. Танюша, я же работаю. Видишь, как красиво получается? *(Показывает портрет.)* Прелесть!

Таня *(ставит сумки, подходит)*. Господи, мой лак! Ты что, с ума сошел? Что ты делаешь?

Кленов. Понимаешь, я подумал, что Алешке надоела эта обшарпанная рамка, и вот... Правда хорошо?

Таня. Он подумал! А ты подумал о том, что я два рубля Лариске переплатила за этот флакон? Это же импортный лак! Нет, ты и в самом деле ненормальный. Дай сюда!

Кленов. Поздно уже. И вообще, что тебе дороже? Сын или этот несчастный лак? Ты посмотри, как доволен Алешка. Смеется вовсю. А вот на тебя смотрит косо.

Таня. Это почему же он на меня смотрит косо?

Кленов. Потому что тебе жалко лака для его портрета.

Таня *(улыбаясь)*. Чудак. И свинья к тому же. Ладно, докрасивай, пусть он не смотрит на меня косо. *(С любовью глядя на сына.)* Как он там, в лагере... Слушай, может, заберем его оттуда? Пусть лучше у твоих побудет.

Кленов. Смысл?

Таня. Да уж больно далеко. За месяц только раз его навести.

Кленов. Ничего, пусть привыкает. И в конце концов, он в пионерском лагере, а не в концентрационном.

Таня. Скучно без него.

Кленов. Скучать осталось недолго. Скоро он тебе надоест.

Таня. Он мне никогда не надоест. Так, а что же все-таки делать с посудой? Ты отказываешься мне помочь?

Кленов. Ну ты же видишь... И вообще, почему именно сегодня? Давай завтра, а?

Таня. Запел. Завтра, потом послезавтра... Нет уж, лучше надорвусь. *(Берет сумки.)* Сегодня или никогда.

Кленов. Вот это по-мужски, приветствую! Танюша, а я без сигарет...

Таня. А вот это меня не волнует. Перебьешься, не барин.

Кленов. Но...

Таня. И слушать не хочу. *(Идет к двери.)*

Кленов. Эх, женщины...

Таня *(на ходу)*. Эх, мужчины...

Таня уходит. Кленов продолжает красить. Через некоторое время входит Антон.

Кленов *(не поднимая головы)*. Танюша, ты уже вернулась?

Антон. Это не Таня, это я. Привет.

Кленов. О-о, Антошка! Ну проходи. А я думал, Таня вернулась. Жаль, что ты немножко раньше не появился, мы бы заказали ей чего-нибудь эдакого, что и монахи приемлют.

Антон. Так я позаботился. *(Ставит на стол бутылку.)* Таковую, что ли, монахи употребляют?

Кленов. Смотри-ка, коньяк! Ну, братец, растешь прямо на глазах.

Антон. Стареем.

Кленов. Ну-ну. Ладно, посиди чуть-чуть, я сейчас. *(Быстро красит.)* Чего не заходил всю неделю?

Антон. Во вторую работал.

Кленов. А до обеда спал, как сурок?

Антон. Ясное дело. *(Идет к окну.)* Хорошо наверху жить.

Кленов. Неплохо, если лифт в порядке.

Антон *(смотрит в окно)*. Интересная штука эти микрорайоны. Тут тебе девятиэтажные верзилы стоят, а прямо под ними частные домики лепятся. Вон и наш дом виден.

Кленов. Ну, допустим, не весь дом, а только крыша. Как там отец поживает?

Антон. Ничего.

Кленов. А мать? Не болеет?

Антон. Вроде нет. Обижается, что редко заходишь.

Кленов. Зайду на днях. Так что там у вас слышно? Ломать скоро будут?

Антон. Наверное, скоро. Уже комиссия приходила смотреть, что и как.

Кленов. А отец недоволен?

Антон. Само собой. Нет, говорит, такого закона, чтобы людей из собственного дома выселять.

Кленов. Чудак он. Вам же трехкомнатную квартиру дадут, со всеми удобствами.

Антон. Так я ему объяснял. Ни в какую.

Кленов. Папаша у нас оригинал. Ничего, привыкнет.

Антон. А вон и Иринин дом виден...

Кленов. Да, Иринин дом отсюда как на ладони... Ну, порядок. *(Откладывает портрет в сторону.)* Теперь можно и серьезным делом заняться. *(Встает.)* Сейчас стаканы принесу. *(Уходит.)*

Антон. Захвати там чего-нибудь посуше, я сегодня не завтракал. *(Садится к столу.)*

Кленов *(входит)*. Люблю после трудов праведных принять в силу своих возможностей... *(Ставит на стол стаканы, тарелки, берет в руки бутылку.)* Ого, пять звездочек! В честь чего разорился?

Антон. Есть причина.

Кленов. Была бы причина. *(Разливает.)* Вообще-то, говорят, коньяк рюмками пьют, ну да мы не бары. Давай. *(Пьет.)* Так что за причина? А то ведь беспричинно только алкоголики пьют. Выкладывай.

Антон. Жениться я надумал.

Кленов. Да ну? Наконец-то. Давно пора. Я в твои годы Алешку уже на руках носил.

Антон. Вот и я хочу поносить кого-нибудь.

Кленов. Что ж, это дело хорошее. Когда свадьба?

А н т о н. Не знаю. Через месяц, наверное. Сколько там, в загсе, размышляют?

К л е н о в. Это не в загсе размышляют, это вам месяц на раздумье дают. А жить где думаете? У отца или отдельно?

А н т о н. Как получится.

К л е н о в. Лучше, конечно, отдельно. Жениться — это ты правильно решил. Нечего шлаться, пора семьей обзаводиться. И нам спокойнее будет. Молодец, приветствую. Что ж, за такое дело не грех и повторить... *(Наливает, берет стакан.)* Давай за невесту. Кстати, кто она? Я ее знаю?

А н т о н. Знаешь. Ирина.

К л е н о в *(роняет стакан)*. Что?!

А н т о н *(поднимает стакан)*. Смотри-ка, не разбился. А надо бы, на счастье.

К л е н о в *(смахивает с брюк жидкость)*. Черт, все брюки залил... Так что ты сказал?

А н т о н. Стакан, говорю, жаль, не разбился.

К л е н о в. Нет, перед этим ты что сказал? На ком ты собираешься жениться?

А н т о н. На ком, на ком... На Ирине.

К л е н о в. Так-с... На Ирине, значит. Ну-ну. Шутишь?

А н т о н. Нет, не шучу.

К л е н о в. Ага. Значит, серьезно?

А н т о н. Серьезней некуда.

К л е н о в. Ну-ну. Додумался. Один думал или помог кто?

А н т о н. Один.

К л е н о в. Так-так. Ну а ты знаешь...

А н т о н *(перебивая)*. Да знаю, знаю! Знаю, что Ирина на три года старше меня, знаю, что у нее есть ребенок, знаю, что она не ангел. Все знаю. Но это было до меня, а мне плевать на все, что было до меня. Я ее люблю, и мне плевать!

К л е н о в. Это хорошо, если ты ее любишь. А она тебя любит?

А н т о н. Она? Наверное, любит.

К л е н о в. Значит, не уверен?

А н т о н. Любит. Замуж согласилась выйти, значит, любит.

К л е н о в. Ну, это еще ни о чем не говорит — замуж. Надеюсь, ты понимаешь ее положение. Ей двадцать восемь, у нее ребенок, подвернулся ты, и она ухватилась за тебя как за соломинку. Просто так, от некуда деться. А ты подумал, что будет потом?

А н т о н. Ерунда все это. Слушай, ты бы поговорил с отцом, а? Мать-то, знаю, не против, а отец... Поговори с ним.

К л е н о в. И не подумаю.

А н т о н. Что тебе, трудно? Ты же знаешь отца, он как бык упрется, и точка. А тебя он уважает.

К л е н о в. Это невозможно.

А н т о н. Почему?

К л е н о в. Тебе нельзя жениться на Ирине.

А н т о н. Но почему?! Если она старше и у нее ребенок...

К л е н о в. Дело не в возрасте и не в ребенке.

А н т о н. А в чем же тогда?

К л е н о в. В том, что она тебя не любит.

А н т о н. Ты думаешь?

К л е н о в. Уверен.

А н т о н. Да ты-то откуда можешь знать — любит она меня или не любит? Знатоки! Умные все! *(Встает.)* Ладно, поговорили, хватит. Я к тебе как к человеку шел, думал, поймешь, а ты...

К л е н о в. Сядь, коньяк еще есть.

А н т о н. Спасибо, сыт по горло. Пока.

К л е н о в. Что намерен делать?

А н т о н. А что сделаю, то и будет. Своя голова на плечах есть. Разберусь как-нибудь. Пока. *(Идет к двери.)*

К л е н о в *(вскакивает, догоняет брата и силой усаживает его на стул)*. А ну-ка сядь... Сядь! Тоже мне герой нашелся. Если ты думаешь, что у тебя есть своя голова, ты ошибаешься. Мешок с соломой у тебя на плечах, а не голова. «Люблю, женюсь...» Пойми, она в таком положении, когда выбирать уже не приходится. Ты предложил ей идти замуж, и она согласилась, но если бы кто-нибудь предложил ей то же самое чуть раньше тебя, она пошла бы за ним. Она не любит тебя!

А н т о н. Слышал уже.

К л е н о в. Теперь остается поверить в это.

А н т о н. А вот верить не хочется. Не думаю, чтобы Ирина согласилась выйти замуж за другого.

К л е н о в. Ну и дурак же ты, братец! Точно, мешок с соломой у тебя на плечах, а не голова.

А н т о н *(встает)*. Да пошел ты... Умник.

К л е н о в. Стой! Стой, говорю! Ну-ка сядь.

А н т о н *(садится)*. Ну сел. Что дальше?

К л е н о в. Ладно, я докажу тебе. Не хотел говорить, вынуждаешь. Пойми, наивный ты ребенок, Ирина просто... Я сам... Я бывал у нее!

А н т о н. Ну и что? Мы и вместе как-то заходили.

К л е н о в. Дурак! Я заходил к ней ночью, один.

А н т о н. Как — ночью? Зачем?

К л е н о в. Ты что, в самом деле ангел? Не знаешь, зачем ходят к одинокой женщине ночью?

А н т о н *(наконец сообразил)*. Врешь... Ты врешь!

К л е н о в. К сожалению, нет.

А н т о н. Не может быть... Этого не может быть!

К л е н о в. Это было. Теперь ты убедился, что я прав? Понял, что за штука эта Ирина?

А н т о н *(растерянно)*. Значит, мы оба... И Ирина? Да?

К л е н о в. Увы. Было бы лучше, если бы мы этого не знали, но ты сам виноват — совсем голову потерял. Надеюсь, теперь твоя голова на месте?

А н т о н. Спасибо, помог.

К л е н о в. Вот и хорошо. Конечно, неприятно все это, но ты забудь. Плюнь и забудь.

А н т о н. Попробую.

К л е н о в. Пойми, я не виноват, что так случилось. И ты не виноват.

А н т о н. Ирина, значит, виновата?

К л е н о в. Она, может, тоже не виновата.

А н т о н. Кто же тогда виноват?

К л е н о в. Не знаю. Что ты заладил — кто виноват, кто виноват? Пушкин виноват! Понял?

А н т о н. Ясно. Ну а как же Таня, Алешка?.. Ведь ты их любишь?

К л е н о в. Люблю.

А н т о н. А Ирину не любишь?

К л е н о в. Нет.

А н т о н. А ходил к ней. Почему?

К л е н о в. Почему? Когда-нибудь ты поймешь, что ответить на этот вопрос невозможно.

А н т о н. Я не хочу этого понимать.

К л е н о в. Что ж, буду рад, если тебе удастся остаться таким непонятливым. Коньяку хочешь?

А н т о н. Налей.

К л е н о в *(наливая)*. Видишь ли, братец, мно-

гие считают, что жизнь сложна, а у меня на этот счет другое мнение. Жизнь проста, проста до смешного. Все мы с детства знаем, что нам можно, что нельзя, какая уж тут сложность. Все просто. Но человек не любит жить просто. Нам надоедает делать то, что можно, и мы начинаем делать то, чего нельзя. А потом кричим о сложности жизни. Я советую тебе понять, что в этом мире все просто.

А н т о н. Что ж, пусть все будет просто. Будем считать, что ничего не случилось.

К л е н о в. Вот это правильно. Плюнь и разотри.

А н т о н. Да, все просто. То, что у тебя было с Ириной, было до меня, и поэтому мне плевать. Я женюсь на ней. Все просто!

К л е н о в. Да ты, братец, маньяк. Боюсь, все не так, как ты думаешь. Ты когда с Ириной спутался? Ну, понимаешь, надеюсь? Давно?

А н т о н. Полгода.

К л е н о в. Ах ты боже мой... Ну а я был у нее две недели назад. Слышишь? Две недели!

А н т о н. А вот этого не может быть. Не могло этого быть!

К л е н о в. Было.

А н т о н. Нет! Не верю! Слушай, да ты ведь все врешь. Ты просто не хочешь, чтобы я на ней женился, и поэтому придумал всю эту сказку. *(Смеется.)* Ну конечно, ты врешь! Ведь это неправда?

К л е н о в. Это правда. Горькая, но правда.

А н т о н. Врешь!

К л е н о в. Вру? А хочешь, я расскажу, какова Ирина в постели? Хочешь, я расскажу, как она кусала тебя за правое плечо? У нее острые зубы, и эти укусы похожи на уколы иглой. Очень похоже, понимаешь? Я сначала так и подумал, что она иглой колет. Понимаешь?!

А н т о н *(сквозь зубы)*. Сволочь... Подлец! *(Бросается на брата, пытается ударить, но Кленов с такой силой отталкивает его, что он падает на пол.)*

К л е н о в. Ты что, ошалел? Мальчишка!

А н т о н *(лежа на полу)*. Подлец! Я тебе сейчас покажу... Я не за себя, я за Таню, за Алешку... Гад! *(Бьет кулаком в пол, всхлипывает. Через некоторое время медленно встает, садится за стол.)*

К л е н о в. Успокоился?

А н т о н. Успокоился.

К л е н о в. Так-то лучше. *(Тоже садится.)* А то сразу в пузырь...

А н т о н. Налей мне.

К л е н о в. Может, не надо? Ты и так уже хорош, драться вон бросаешься.

А н т о н. Не бойся, больше не полезу. Лей.

К л е н о в. Я-то не боюсь. *(Берет бутылку.)* Сколько?

А н т о н. Пока через край не потечет.

К л е н о в. Герой. *(Разливает остатки в стаканы.)*

А н т о н *(выпив)*. Кончился...

К л е н о в. Кто кончился?

А н т о н. Коньяк.

К л е н о в. А-а... Что ж, когда-нибудь все кончается.

А н т о н. Верно. Как она могла?

К л е н о в. Ты про Ирину? Могла, как видишь.

А н т о н. Я ее любил... Я у нее почти каждый вечер был, а она...

К л е н о в. Не суди ее. Пойми ее положение. Она привыкла никого не упускать, потому что по-

теряла надежду. Ты ведь не звал ее замуж полгода назад?

А н т о н. Нет.

К л е н о в. И наверное, даже не говорил, что любишь?

А н т о н. Не говорил.

К л е н о в. Вот видишь. Откуда она могла знать, что у тебя это серьезно. Не суди ее.

А н т о н. А ты... Как ты мог?

К л е н о в. Перестань, мы уже говорили на эту тему. Хватит.

А н т о н. У тебя нет еще чего-нибудь?

К л е н о в. В смысле выпить?

А н т о н. Да.

К л е н о в. Нет.

А н т о н. Жаль.

К л е н о в. Ладно, не раскисай. В конце концов, ничего страшного не случилось. Могло быть хуже, если бы ты успел на ней жениться.

А н т о н. Да. Все просто. *(Встает.)* Я пошел.

К л е н о в. Ты куда сейчас?

А н т о н. Домой.

К л е н о в. Может, полежишь пока на диване? Пусть хмель выйдет. А то отец-то, сам знаешь...

А н т о н. Ничего, пойду.

К л е н о в. Ну как знаешь. Только не бузи больше.

А н т о н. Ладно.

Антон уходит. Кленов встает, задумчиво ходит по комнате. Подходит к столу, берет портрет сына, долго разглядывает, снова кладет на стол. Отходит к дивану, садится. Входит Таня с небольшим свертком в руке.

Т а н я. Дикая несправедливость! Отнесла вот такую гору бутылок, а принесла небольшой сверток. Килограмм масла. Смех! *(Идет на кухню, вскоре возвращается, бросает мужу пачку сигарет.)* На, а то еще помрешь, отвечай тогда за тебя.

К л е н о в. Спасибо. *(Закуривает.)*

Т а н я. Пепельницу возьми, диван пеплом засыплешь. *(Замечает на столе бутылку.)* Ну вот, пожалуйста, не успела отойти, а тут уже пьянка. С кем это ты?

К л е н о в. Антон приходил.

Т а н я. Антон? Так это он за угол юркнул, когда я к дому подходила?

К л е н о в. Не знаю. Может, и он.

Т а н я. То-то, я смотрю, фигура знакомая. Какой-то странный он стал в последнее время. Вчера тоже, увидела его на улице, так он меня даже не узнал. Я ему кричу: «Здравствуй, Антон!» — а он посмотрел куда-то за меня и дальше пошел. Что с ним творится?

К л е н о в. Не знаю.

Т а н я. А надо бы знать. Ты его брат.

К л е н о в. Но не нянька. *(Усмехается.)* У него своя голова на плечах есть, да еще какая. Надо же, придумал...

Т а н я. Что придумал?

К л е н о в. Так, ничего.

Т а н я. Жениться ему надо.

К л е н о в. Пусть женится.

Т а н я. А ты бы поговорил с ним, посоветовал. Антон еще молодой, многого не понимает. Дом-то ихний ломают скоро...

К л е н о в. Ну и что?

Т а н я. Как что? Был бы Антон женат, отец ему мог бы полдома отписать, и они бы две квартиры получили. И отец с матерью, и Антон с женой.

К л е н о в. Что же ему, из-за квартиры на первой встречной жениться?

Т а н я. Почему? Разве у него девушки нет? Уверена, есть. Вот пусть на ней и женится.

К л е н о в. Пусть женится.

Т а н я. Так ты поговори с ним, объясни.

К л е н о в. Вот ты и поговори с ним.

Т а н я. Меня он не послушает. А ты брат. Ведь дураком будет, если квартиру упустит.

К л е н о в. (встал). Ладно, хватит, завела разговор. Интересный, да не к месту.

Т а н я. Тебе всегда все не к месту.

К л е н о в. Да, не к месту!

Входит Антон. Его развезло, он пьян. Чтобы не упасть, опирается на стену.

Т а н я. Ой, Антошка, какой ты интересный!

А н т о н. (качаясь). Танечка! Танечка, я тебя люблю! Ты единственная в мире женщина, которую я люблю. Теперь единственная.

Т а н я. Вот спасибо, Антон, что хоть ты меня любишь. Да ты проходи в комнату, проходи.

А н т о н. Нет, я лучше здесь. Я что-то плохо стал ходить, совсем плохо... Как будто вчера родился. Я совсем не умею ходить!

Т а н я. (подходит к Антону, поддерживает его). Так давай тогда учиться... Ну, начали. Раз-два! Вот так. Раз-два!

А н т о н. Три-четыре...

Т а н я. Ну вот, видишь, как хорошо получается. Еще немножко — и ты пойдешь самостоятельно.

А н т о н. А я не хочу самостоятельно. Когда ходишь самостоятельно, то обязательно попадешь в историю. Я хочу, чтобы меня водили.

Т а н я. Ну хорошо, будем водить. Женя, веди его к столу, а я соберу чего-нибудь. Ну, Антон, даешь! (Уходит.)

К л е н о в. (подходит к брату). Ты зачем вернулся?

А н т о н. Зачем вернулся? А просто так, чтобы в глаза тебе посмотреть. Просто подойти и посмотреть. В глаза! Понял?

К л е н о в. Ну, посмотрел?

А н т о н. Посмотрел.

К л е н о в. И что же ты там увидел?

А н т о н. А ничего. В твоих глазах ничего нет, одна пустота. Я только понять не могу, как ты хитришься прямо смотреть глазами, в которых ничего нет.

К л е н о в. Доживешь до моих лет, тоже будешь смотреть так же.

А н т о н. Ага, значит, чтобы прямо смотреть людям в глаза, надо жить так, как ты. Правильно! Все просто! Надо делать, как ты, и тогда все будет хорошо.

К л е н о в. Заткнись! Что ты понимаешь в жизни! Прожил двадцать пять лет и воображаешь, будто имеешь право судить. Подожди, еще сам не мало наворочась и тоже будешь смотреть прямо в глаза.

А н т о н. Да?

К л е н о в. Да!

А н т о н. Ну а Тане ты тоже прямо смотришь в глаза, а? Слушай, а если я все расскажу ей... Вот возьми и расскажи. Таня!

К л е н о в. Замолчи, шенок!

А н т о н. А-а, боишься! Наконец-то ты испугался, смелый человек. А я скажу, нарочно скажу.

Пусть твои глаза не смотрят прямо, пусть они забегают, как испуганные мыши.

К л е н о в. Не надейся, не забегают.

А н т о н. А вот мы сейчас посмотрим. Таня! Таня!!

Т а н я. (входит). Ну что тут у вас случилось?

А н т о н. (брату). Что, говорить?

К л е н о в. Дело хозяйское.

А н т о н. Ну ладно. Таня, ты знаешь, что он сделал? Ты знаешь, что он натворил? Вот этот самый, который стоит и прямо смотрит глазами, в которых ничего нет.

Т а н я. (улыбаясь). Господи, да что же это он сделал? Ну-ка говори, говори, мы ему сейчас зададим!

А н т о н. Твой муж... Твой муж плохой человек. Он... (Смотрит на улыбающуюся Таню, потом на брата.) Он напоил меня. (Садится, опускает голову.) Он меня напоил.

Т а н я. (подходит к Антону, гладит его по голове). Ах ты бедный ребенок! Ах ты маленький... Напоили нашего маленького. А может, ты все-таки сам, а? Ведь не лил же он тебе в рот насильно.

А н т о н. Не лил.

Т а н я. Вот видишь. Оказывается, мы сами наклюкались. Ничего, дело поправимое. Сейчас выпьешь крепкого чаю, и все пройдет. Пить мы тебе больше не дадим, а чаю обязательно надо. Хочешь чаю?

А н т о н. (встает). Хочу. (Идет к двери.)

Т а н я. Антон, ты куда? А чай?

А н т о н. Не надо чаю. Я пойду. Все просто.

Т а н я. Да куда ты пойдешь в таком виде? Еще в милицию попадешь. (Держит Антона.) Женя, не позволяй ему уходить!

А н т о н. Пусти!

Т а н я. Не пусти! Женя, да помоги же!

К л е н о в. Оставь его, пусть идет. Все равно не удержишь.

А н т о н. Это точно. Кленовых никто не удержит. Кленовы что хотят, то и делают, и в глаза прямо смотрят. Я сейчас к Ирине пойду. Неужели и она вот так же, прямо... (Уходит.)

К л е н о в. Мальчишка!

Т а н я. А я и говорю, что он какой-то странный стал. Но ты тоже хорош: зачем пил с ним? Вот попадет в милицию.

К л е н о в. Не попадет.

Т а н я. Это еще как сказать. Про Ирину что-то болтал, про какие-то глаза... При чем здесь Ирина?

К л е н о в. Не знаю.

Т а н я. Врешь ведь, знаешь. Был у вас разговор об Ирине? Ну признайся, был?

К л е н о в. Ну был.

Т а н я. Так я и знала. О чем?

К л е н о в. Антон хотел жениться на Ирине.

Т а н я. Что? (Смеется.) Совсем спятил. Жениться на этой проститутке?

К л е н о в. Она не проститутка.

Т а н я. А кто же она, по-твоему? Да знаешь, сколько у нее перебивало? Сотни.

К л е н о в. А что бы ты делала на ее месте?

Т а н я. Не знаю, но жить так, как она... У нее что ни день, то другой.

К л е н о в. Так это потому, что постоянного нет. И ты бы в ее положении вела себя не лучше.

Т а н я. Но только не так.

К л е н о в. А как же?

Т а н я. Да уж не так.

К л е н о в. Все вы умные, когда муж есть.

Т а н я. А ты ее не защищай.

К л е н о в. А я и не защищаю.

Т а н я. Нет, защищаешь!

К л е н о в. Послушай, ты сама начала этот разговор. Сама обозвала Ирину проституткой.

Т а н я. Да, она проститутка! И ты не смеешь говорить, что это не так, потому что ты сам не лучше ее! *(Вдруг плачет.)* Подлец... Ты думаешь, я не знаю, почему ты ее защищаешь? Думаешь, не знаю, что ты сам ходил к этой твари? И после всей ее грязи ты обнимал меня... Негодяй! Негодяй!!

Пауза.

К л е н о в. Значит, ты знала...

Т а н я. Представь себе!

К л е н о в. Почему же молчала до сих пор?

Т а н я. Да потому что я не такая, как ты. Потому что я люблю тебя, Алешку и хочу сохранить семью, хочу покоя в семье... А ты... *(Опять плачет.)*

Пауза.

К л е н о в. Покой в семье... Сбережь семью... Когда-то и я думал, что молчанием можно сберечь семью. Увы. Помнишь, давно, когда мы еще встречались, ты любила повторять, что любовь — это мост, крепкий мост между двумя людьми, по которому они идут навстречу друг другу. Так вот, наш мост давно сгнил, и мы уже не ходим по нему. Мы боимся даже ступить на него, мы обходим его стороной, чтобы не задеть ненароком, потому что он вот-вот развалится на куски.

Т а н я. Чепуха... Это же чепуха!

К л е н о в. Увы. В начале лета ты два дня провела с Лариской на ее даче...

Т а н я *(сразу перестала плакать)*. Ну и что? Я же предупреждала тебя, ты не возражал. И Лариска тебе об этом говорила.

К л е н о в. Да, она говорила. И ты, когда вернулась, дня три с упоением рассказывала, как чудесно вы провели время, как вечером варили гороховый суп, а днем загорали на речке.

Т а н я. Да, мы загорали...

К л е н о в. Может быть. Но где и с кем? У Лариски нет и никогда не было дачи, а те два дня она провела в обществе человека, который мне хорошо знаком. С кем и где ты два дня варила гороховый суп, я не знаю да и не хочу узнавать.

Т а н я *(растерянно)*. Ну ты понимаешь... Ты понимаешь...

К л е н о в. Да, понимаю. Я тогда ничего не сказал тебе, потому что тоже хотел сохранить семью, хотел покоя, хотел сберечь наш мост, чтобы он не развалился окончательно, чтобы он не рассыпался на мелкие кусочки, как вот этот стакан! *(Хватает со стола стакан, бросает на пол.)*

Т а н я. Женья!!

К л е н о в. Как вот эта бутылка! *(Бьет пустой бутылкой об пол и машинально берет со стола портрет сына.)* Как вот этот... *(Рука его вдруг повисает в воздухе. Перед ним улыбающееся лицо сына. Он молча медленно опускает руку, кладет портрет на стол, отходит к окну, закуривает.)*

Т а н я *(опускается на колени, собирает с пола битое стекло)*. Мы с тобой немножко погорячились... Совсем немножко, да?

К л е н о в *(глухо)*. Да.

Т а н я. Мы ведь оба очень любим нашего Алешку, да?

К л е н о в. Да.

Т а н я. А наш мост... Он ведь не развалился окончательно, он по-прежнему крепкий. Он просто немножко дрогнул, а мы испугались. Да?

К л е н о в. Да.

Т а н я. Он просто немножко дрогнул...

Занавес

**Присылайте заявки на «Странник»!
Вы можете получать его начиная с любого номера,
а также выкупить наложенным платежом
предыдущие номера по старой цене.**

Редакция приглашает к сотрудничеству торгующие организации,
альтернативные службы распространения
и частных распространителей. Контактный телефон 582-24-37.

С заявками и вопросами по поводу распространения журнала
просим обращаться по адресу: 121019, Москва, а/я 60.

лее или менее сентиментальные чувства к людям, с которыми ему есть о чем поговорить, на памяти которых были общие радости и общие невзгоды. Часто это вынужденное, предопределенное родство заставляет забыть о каких-то расхождениях, потому что человеку одиноко и с теми, кто старше его, и с теми, кто моложе, они не очень его понимают. А если говорить о каких-то характерных чертах нашего поколения... Его невыгодно отличает совершенная серость и неброскость времени, в которое оно формировалось. По существу, нас не сформировало ни одно из ярких событий советской истории. Того, что так повлияло на воображение старшего поколения (хрущевская оттепель), мы в сознательном возрасте не застали. Август 1968 года, ввод войск в Чехословакию, — это было огромным событием, но я не помню серьезной травмы от всего этого. Мне было шестнадцать лет, я катался на велосипеде, по-моему, это главным образом меня занимало... Так что мы выросли в полной духоте. Это очень хорошо и очень плохо. Хорошо это, может быть, потому, что мы не слишком зависели от моды и молвы. Например, я не помню такого законодателя моды и властителя дум — Вознесенского, не помню, чтобы всерьез увлекался его стихами и находился под их влиянием. А когда я вырос и полюбил, например, гражданскую лирику, то это был Галич, который вообще не имел отношения к оттепельному поколению, я ему во внуки гожусь. Вот что было отличительной чертой, и это хорошо было, по-моему, что мы меньше рассеивались, поневоле были обречены на большую сосредоточенность, на более узкий круг знакомых... Может, и чтение от этого было более целенаправленным, хотя я не считаю себя человеком больших книжных знаний, к сожалению. Еще одна отличительная черта: мало было соблазнов и меньше разочарований. Не было, например, никаких надежд на сотрудничество с советской печатью. Мне было лет двадцать, когда я попробовал носить свои стихи по редакциям — без особых иллюзий, просто чтобы себя не обвинять в гордыне и от близких не услышать попреков в чистоплутьстве. Не слишком разочаровался, когда мне отказали, и потом, до начала перестройки, в редакции не обращался. Когда началась перестройка и было объявлено, что мы-де теперь другие и честные, было бы высокомерием не постараться отнестись к этому простодушно. Я постарался и получил отказ. А потом случайно, без всякой инициативы с моей стороны меня стали печатать и печатают по сей день. Это мне не стоило усилий. Тут дело не в моей особой опрятности; в том круге, к которому я имею честь принадлежать, все вели себя так, это было нормой. Я искренно завидую литераторам, вспоминающим о кумирах своей молодости, с которыми им удалось встретиться и показать свои рассказы или стихи. Это очень богатое переживание, но я и, по-моему, товарищи мои были его лишены.

— Что вы думаете о шестидесятниках? Сейчас они подвергаются нередко жесткой критике со стороны нового поколения...

— Шестидесятники застали какой-то большой праздник, а когда праздник, люди ходят толпами и обнимаются на улицах. Я им не судья. Не уверен, что я сам бы этот праздник не разделял, будь я на десять лет старше. Во многом не уверен: например, в том, что в 1916 году я бы не был эсером. Дай Бог, чтобы хватило самостоятельности оставаться самим собой. Марк Блок сказал, что у каждого поко-

ления свои взаимоотношения с Богом. Какие-то родовые черты есть, видимо, и у нашего поколения. Мы жили как в монастыре и очень дорожим групповой чистотой, да и каждый своей в отдельности. Может быть, проиграв в сосредоточенности, шестидесятники выиграли в простодушии. Кто знает, что более симпатично. Но некоторые вещи обескураживают. Например, Евтушенко печатал в «Огоньке» серию статей о своих взаимоотношениях с культурой. Я весьма не худо к нему отношусь, но все же диковинно читать, как он с очень высокими чинами играл в игрушки, занимался какими-то тяжбами и совершенно искренне верил, что говорит от лица русского народа. Что важно пойти на компромиссы, чтобы о чем-то сказать. Мы никогда не считали, что говорим от имени кого-то кроме нас самих. И совершенно очевидно было, что никакой компромисс себя не оправдывает и что потери в случае компромисса на самом деле больше. Мы в эту сторону просто не смотрели. Существовала черта, за которую нельзя было перейти. Среди нас были более и менее практичные, более и менее сильные, но каких-то вещей не делал никто.

— Вы не боитесь, что со временем это станет предметом восхваления? Дескать, поколение Евтушенко шло на компромиссы, а вот поколение Гандлевского было чистым...

— Я в этом не вижу беды. Повторю, я привязан к своему поколению не потому, что оно лучше других, а потому, что я из него вышел. Какие-то общие правила поведения сближают, дают возможность понимать друг друга без долгих объяснений. При общении же с представителями других поколений многое приходится объяснять... В августе прошлого года мне позвонил молодой приятель: срочно приезжай на Дзержинку, ты такого еще не видел! Валили памятник Дзержинскому, это было в своем роде удивительное и замечательное зрелище. Но мне было не по себе среди двадцатилетних молодых яростных людей, которые прыгали, размахивая знаменами, взмывали на памятник... Я по-стариковски постоял в стороне полчаса и ушел, хотя то, что происходило, когда-то могло лишь присниться нам в желанном фантазмагорическом сне.

— А есть ли у вашего поколения писателей общая эстетическая основа? К кому вы лично себя причисляете — к концептуалистам, модернистам, авангардистам?..

— Я этим никогда не занимался и всегда считал, что мое творчество — это мое частное дело. Задним числом, когда уже нас, писателей этого поколения, набралось много и какую-то общую эстетику можно наблюдать, я стал примеривать, что бы мне годилось. Может быть, это называется постмодернизмом, если я верно понимаю, что стоит за этим словом: некоторая общезстетическая усталость и отсутствие веры в передовой метод, достаточно произвольное заимствование и тасование разных творческих методов.

— Мне кажется, что в творчестве писателей, которых относят к постмодернистам, достаточно силен рациональный момент. Я имею в виду некий принцип, лежащий в основе творчества. Скажем, пародирование. И здесь возможно появление зависимости пародирующего от пародируемого, как растения-паразита от дерева, на котором оно живет. Существует ли у вас теоретический принцип, рациональная установка творчества?

— Во-первых, я не могу согласиться с тем, что пародирующий зависит от пародируемого. На самом деле все упирается в талант. Сервантес, как известно, пародировал рыцарские романы. Где теперь рыцарские романы и кто их читает? Давным-давно все это кануло в прошлое, и никто не понимает, над чем смеялся Сервантес. А книга осталась, книга великая. Если кто-то мастерски сумеет описать и высмеять, например, ЖЭК, его книгу будут читать и через триста лет, хотя все уже забудут, что такое ЖЭК, и аббревиатура эта будет непонятна. Было бы странно, если бы бред советской жизни воспринимался буквально. Мы имели два выхода: либо научиться относиться к нему не буквально, либо впасть в полное отчаяние. И то и другое могло, в зависимости от таланта, породить хорошие произведения. Что касается меня, в ранней молодости я отдал дань отчаянию, потом защитные реакции организма взяли свое. В процессе осмеяния и высмеивания есть риск заразиться карнавальным отношением к идеалам как таковым. Но существуют идеалы, которые нельзя осмеивать. Я бы сказал, что, когда мы их высмеиваем, мы обрекаем себя на очень посредственную участь. Я как раз не сторонник ребячливости в отношении ко всему на свете. В осмеянии заложена безудержность лесного пожара, когда начинает трещать и валиться драгоценный маховый лес...

— У вас есть ощущение предела, дальше которого идти нельзя?

— Да, безусловно.

— Могли бы вы сказать, где этот предел?

— Очень просто: это ценности христианского мира. Я не вижу, что в общеевропейских ценностях христианского мира можно подвергать осмеянию.

— Сейчас, как мне кажется, довольно остро встает проблема человека в разных ее аспектах. По-разному ее у нас трактовали: и «мы плохо живем, зато мы прекрасны духовно», и «человек сам по себе хорош, плохи социальные условия», и так далее. Теперь уже говорят и о том, что человек по природе своей плох. Что вы об этом думаете?

— Никаких мрачных сюрпризов в сегодняшней ситуации для меня нет. А почему мы, собственно, думали, что будет иначе? Чем заслужили то, что будет иначе? Почему можно было семьдесят лет всем сообща катиться по наклонной плоскости и вдруг в несколько лет встать с четверенок на ноги? Это сознание общей большой вины меня постоянно не оставляет. Я прихожу в ярость от всяких бытовых неурядиц. Но когда остываю, начинаю понимать, что яриться нечего. Мы стоим в прачечной, и нам хамят, нас не так, как хотелось бы, обслуживают, и все возмущены, у всех клиентов несчастные лица, и всех жалко. Может быть, эти женщины с тяжелыми сумками персонально не виноваты, но существует родовая вина. Мы нация соблазненных, и за свою соблазненность надо как-то отвечать. А что касается того, что человек сам по себе не очень хорош, то это же общее место. Просто об этом надо все время помнить — и когда ты имеешь дело с людьми, и, в первую очередь, когда ты имеешь дело с самим собой. Надо знать, что спички опасны. Надо знать, что ты не подарок вообще-то. Мне подозрителен, например, смелый человек. Человек не может быть всегда смелым. Значит, этот человек просто не знает, что он трус. А если не знает, тогда у него нет иммунитета. В сложную

минуту он-то и может оказаться трусом. Лучше знать про себя, что ты слаб, труслив, похотлив, жаден. И тогда, может быть, когда понадобится быть смелым, целомудренным и щедрым — это усилием воли получится. Именно потому, что ты знаешь, какая ты дрянь. У меня настороженное отношение к людям без сучка и задоринки, кроме тех случаев, когда мы имеем дело с талантом святости. Я таких талантов не встречал, хотя верю книгам и легендам, что такие люди были.

— Ваше христианское мировоззрение опирается на веру?

— Отвечу, как отвечаю своим детям, когда они меня спрашивают: папа, ты веришь в Бога? Я взял за правило не лукавить, хотя, может быть, в некоторых вопросах и следовало бы употребить «нас возвышающий обман». Я им отвечаю: когда у меня хорошее настроение — я верю в Бога, когда плохое — не верю.

— То есть ваша приверженность христианству умозрительна?

— Да, безусловно. Если бы я смог сказать себе, что я отдаленно похож на христианина — а я себе этого сказать не могу, — мне кажется, что я бы себе на какую-то долю секунды понравился. Опыт настоящих христиан показывает, что они, наоборот, себе не нравятся, но все равно мне кажется, что для них в этом была особая радость и что состояние недовольства собой, наверное, тоже было особым, совсем не таким, какое испытываю, могу испытывать я. Наше поколение больше прошло по пути рассудочного понимания веры, чем по пути собственно веры. Оно поневоле больше было занято рассуждениями о том, что есть кодекс чести, чем жило по этому кодексу, когда честь просто в крови. И так во всем. Может быть, после всех наших разговоров, а особенно после наших размышлений наедине с собой, наши дети будут делать больше произвольных хороших поступков и будут произвольно религиозны. К нам же это все приходило через голову, на всем лежит «остуда ума». Замечательно сформулировал Михаил Айзенберг: у нас нет безусловного этического рефлекса. Это так. К сожалению, нам всегда надо, чтобы было хотя бы десять секунд на обдумывание, что произошло и как ответить. Того безусловного рефлекса, которым было славное поколение Пушкина, нет... Один из побудительных мотивов творчества — это воплощение мечты о себе. Я прекрасно понимаю, что существует разрыв между моим лирическим героем и мною самим, но стихи меня уже обязывают к чему-то. Надеюсь, к тому, чтобы быть лучше. Мне приходится сбивать спесь со своего лирического героя, чтобы он не вешал, когда не имеет на то права. Таким образом, я его делаю похожим на себя, а он делает меня получше. Есть возможность идти по пути наименьшего сопротивления и писать, как живешь, — в плохом смысле слова, вываливать все собственные нечистоты на читателя. Это будет честно. Но есть честность и честность. Двинуть кулаком по витрине и стащить булку — это тоже честно в известном смысле... Я думаю, можно обмануть и окружающих и себя. Нельзя обмануть слово. Спустя пять—семь—десять лет все в слове выплывет наружу. Подвоха поначалу может не заметить ни автор, ни читатель — на общей волне приязни автора к самому себе или читателя к нему. Но рано или поздно мы все равно предстанем беспристрастному читательскому, а то и собственному суду, — если к тому времени будем живы, конечно. Само

избранное нами ремесло исключает возможность длительного обмана.

— Скажите, что в культуре на вас наиболее сильно повлияло и что вас подпитывает сейчас?

— Я уже говорил, что был не в курсе модных

веяний 60-х годов. Первые стихи, которые я по семейным традициям стал читать, были стихи Пушкина. Пожалуй, это и теперь наиболее читаемый мною поэт, периодов охлаждения к нему у меня не было. Из современных поэтов я дорожу тем

кругом, который очерчен сборником «Личное дело №»¹. Мне очень полезно было сойтись с этими людьми, я сошелся с ними достаточно поздно, будучи человеком уже сложившимся. Это было для меня небезболезненно. Отослать себя к какой-то эпохе прошлого, сказать, что люблю дышать воздухом прошлого, я не могу. Важным для меня было творчество Набокова, причём не проза, а стихи его. Они мне так понравились и так совпали с моим тогдашним самочувствием (это было лет десять—двенадцать назад), что я сознательно подражал Набокову (в одном-двух стихотворениях той поры), и если получалось похоже, это меня радовало. Проза Набокова совершенна, в ней нельзя ни прибавить, ни убавить, поэтому у Набокова-прозаика, мне кажется, трудно учиться, можно быть только его эпигоном. А вот стихи его замечательны тем, что оставляют впечатление незавершенности. Дело не в том, что они нехороши, они превосходны! Но впечатление такое, как будто автор не договорил, на многое лишь намекнул, глянул в сторону какого-то прекрасного вида и отвернулся, и очень хочется об этом говорить и писать еще. Это желание было для меня полезным и плодотворным... Набоков в стихах своих настолько беззащитен, что даже Есенин рядом с ним кажется холодным академиком. Кто мог ожидать от мастера чеканной прозы такой трогательной беззащитности! Срывающийся голос, странные рифмы, сбитые размеры... Это делает ему большую честь, говорит о чрезвычайно высоком вкусе: что можно в прозе, то превратилось бы в брюсовщину в стихах. Один голландский исследователь творчества Набокова назвал его очень точно: малый корифей русской поэзии. Я не преувеличиваю его значения, он действительно не ровня большим поэтам. Но именно из-за этого у меня была иллюзия, что ему можно следовать. Странно следовать людям, которые сказали все, что имели сказать, — например, Мандельштаму... Очень трудно отослать себя к какой-то эпохе и школе еще и потому, что мы не получили должного поэтического образования. Мы ничего не знали целиком, дотошно. Мы получили (по-моему, это можно сказать обо всем поколении) самое сумбурное поэтическое воспитание. Я рос в интеллигентной семье, но у нас была странная культурная атмосфера. Знали и любили Пушкина, попутно знали и любили Маяковского, Багрицкого, Уткина. Я знаю прорву стихов Уткина на память. Конечно, я самого невысокого мнения об этих стихах, но мне уже никуда не деться от своих познаний. А стихи больших поэтов, таких, как, например, Пастернак или Мандельштам, я узнал, когда мне было уже за двадцать, когда не было такой живости воображения, чтобы это могло исправить мои вкусы. Боюсь, что такое варварство — общее место. Зато нас понимают соотечественники и мы не одиноки. Можно ущербность своего воспитания обернуть на пользу творчеству. Главное — не жеманиться и не изображать из себя бог весть какой чистоты эстет. Если мы будем знать, каковы мы на самом деле, то с учетом некоторого коэффициента неменяемости и некультурности может получиться колоритно, может выйти эстетический толк.

— А нынешняя литература? Как вы к ней относитесь, каковы, по-вашему, ее перспективы?

¹ «Личное дело №». Литературно-художественный альманах. М. 1991. В числе авторов альманаха М. Айзенберг, С. Гандлевский, Т. Кибиров, В. Коваль, Д. Новиков, Д. Пригов, Л. Рубинштейн.

— Я считаю, что всеми художниками движет недовольство собой и, более того, отвращение к себе. Талантливые люди, для которых это чувство не поза, а насущное ежедневное переживание, люди, знающие, что такое надоедать себе и чувствовать неприязнь к уже накатанной дороге, способны справиться с инерцией собственного творчества и найти выходы из тупиков. По-настоящему талантливым людям присуще раздражение по отношению к уже достигнутому. Что меня пугает как опасная тенденция в нынешнем времени (хотя, думаю, такое было всегда) — это большое количество пишущих людей, свято верящих в прием и убежденных, что некий «правильный» прием может гарантировать творческую удачу. Это, конечно, полное варварство. Здесь можно вспомнить слова Тынянова, которые я люблю приводить. Кто-то при нем сказал, что Мандельштам — мастер, и он ответил: мастер — Кирсанов, а Мандельштам — это борьба с мастерством. Мне интересны и дороги люди, которых сердит собственное мастерство, которые постоянно взламывают собственные представления о себе и своей эстетике. Я с удивлением и радостью прочитал как-то в интервью Фолкнера, что его первый роман, в котором он нашел свою манеру, был роман «Шум и ярость». На мой взгляд, это лучший его роман. Казалось бы, обыкновенная логика должна подсказывать: раз ты сшил штаны и они удались, то последующие сшитые тобой штаны такого же фасона будут все лучше и лучше. Может быть, применительно к штанам так оно и есть, но вот с искусством так не получается. Последующие романы Фолкнера блестящи, но дрожь и восхищение художника перед тем, что у него стало получаться, чувствуется только в «Шуме и ярости». Это наиболее душемутительный его роман... Мне не нравится, когда у нас много пишут о концептуализме, о метаметафоре, об иронической поэзии. Не потому, что мне не нравятся поэты этих направлений: кто-то из них вызывает мое уважение, кто-то просто нравится. Мне не нравится сама методология. Мы живем, к сожалению, в очень наукообразное время, когда критики разучились просто непосредственно любить стихи, любить таланты и ими заниматься. И критики и читатели с особым удовольствием занимаются теперь выкладками своего квадратного ума. Если б я был поэнергичней, поавантюреней, я бы нарочно придумал какое-нибудь заумное художественное направление, и оно, готов спорить, заняло бы всех на долгое время. Разумеется, в нем бы не было ни единой искры Божьей, но это была бы игрушка, которую забавно разбирать. Почему все с такой покорностью бросаются в эту сторону? Это озадачивает и огорчает. Мне вообще кажется, что люди ищут не там (как в анекдоте про пьяного, который искал кошелек не там, где потерял, а под фонарем, потому что там светлее). Это путь наименьшего сопротивления. Метаметафористы сказали то-то и то-то. Они могут сказать про себя все что угодно, важно другое: там есть поэзия или нет? Надо просто отделить людей одаренных от неодаренных и говорить о стихах, а уж в последнюю очередь — о направлениях. Но то, что сейчас в первую очередь говорят о направлениях, о теории, не замечая жизни, тоже ведь свойство времени...

Вел беседу Сергей ШАПОВАЛ.

Вниманию всех, кто интересуется последними достижениями в области физики!

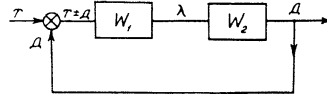
Знаете ли вы,

что современная наука не может объяснить такое привычное явление, как термоэлектричество?
что при изучении еще более привычного плавления она находится в теоретическом тупике?

Достигнув больших успехов в изучении микроструктуры твердого тела, физика использует довольно бедный набор идей в изучении его как целого. Нет системного подхода в описании теплового поведения. Твердое тело рассматривается просто как резервуар для хранения тепловой энергии. Иначе говоря, здесь науке хватает фантазии только на то, чтобы снабдить энергией примитивную электропечь, а не телевизор или вычислительную машину.

Попробуем немного усложнить функциональную схему теплового поведения твердого тела.

ИДЕЯ ОБРАТНОЙ
СВЯЗИ В ФИЗИКЕ

CONCEPT OF FEED
BACK IN PHYSICS

В состоянии теплового равновесия атомы поверхности твердого тела находятся в режиме вынужденных колебаний под действием внешнего теплового излучения. Поверхность имеет температуру T этого излучения и приблизительно дебаевский спектр упругих колебаний. Что происходит внутри тела, мы не знаем, а опыт дает средние по объему, довольно косвенные и неточные данные.

Предположим, что нарушается принцип детального равновесия: поток низкочастотной энергии упругих колебаний, идя с поверхности вглубь, затухает, образуя коротковолновые тепловые фононы. Поток этого тепла идет навстречу к поверхности, уравнивая первый поток и создавая градиент температуры. Следствие: в состоянии теплового равновесия кинетическая температура тела растет с глубиной от наружной T до $T + D_{\max}$ (D — добавочная температура).

Итак:

1. D является функцией T , координат и свойств тела. Температурная кривая выходит на насыщение уже на глубине порядка микрона, определяемой затуханием на частоте $\sim 0,1\omega_D$.

$$2. \quad D_{\max} = \frac{3R \left(\frac{\hbar}{k}\right)^2 v}{K \lambda \Theta^2} \chi T,$$

где R , \hbar , k — постоянные: универсальная, Планка и Больцмана соответственно, v — скорость упругих волн, K — их коэффициент затухания ($\text{сек}^2/\text{см}$), λ — теплопроводность, Θ — температура Дебая, χ — коэффициент $\lesssim 1$. Типичная величина D_{\max} , оцененная по известным экспериментальным данным (диффузное рассеяние рентгеновских лучей, скачок параметров решетки при превращениях и деформации, данные по теплоемкости) равна 5 — 20 градусам, но в особых условиях может достигать сотен градусов.

3. В процессе нагрева и охлаждения работают обратные связи $T \leftrightarrow K \leftrightarrow T$ и $T \leftrightarrow \lambda \leftrightarrow T$. Они могут быть положительными и отрицательными в зависимости от положения рабочей точки на температурной кривой $K(T)$ или $\lambda(T)$ и особенно сильно проявляются на крутых склонах (известный низкотемпературный максимум λ , многочисленные пики внутреннего трения). Создается возможность лавинообразного процесса. Например, увеличение T уменьшает λ на правом склоне максимума, что приводит к увеличению D по формуле. В этом случае при $D \left| \frac{d \ln \lambda}{dT} \right| \gg 1$ теряется устойчивость, и возможны все варианты поведения нелинейной системы с обратной связью, в частности скачки: при неизменной наружной температуре T температура внутри $T+D$ скачком увеличивается, тело «всасывает» тепло и раздувается, растягивая наружный слой. Наблюдаемые при этом резкий пик теплоемкости, скачки параметров решетки и всех температурозависимых свойств будут соотнесены признаками фазового перехода. Представим себе, что это действительно так, и мы убедимся, что иной (старый) подход к таким «фазовым переходам» несколько их не объясняет!

4. С D связана добавочная теплоемкость, зависящая от свойств и размеров тела (она резко падает при измельчении вещества до размеров меньше микрона). По расчетам, кривая ее выходит на насыщение при низких температурах. Сильное уменьшение λ при введении малых количеств примесей объясняет наблюдаемое относительно большое увеличение теплоемкости. Уменьшение λ за счет неоднородностей в районе фазовых переходов также резко увеличивает теплоемкость.

Пример. В точках ферромагнитного и сверхпроводящего фазовых переходов кривая $\lambda(T)$ имеет излом, который повторяется на кривой $D(T) \sim \frac{1}{\lambda}$, но с другим знаком приращения производной. Соответствующий скачок теплоемкости будет складываться или вычитаться из теоретического скачка. Здесь — решение проблемы величины скачка теплоемкости ферромагнитных материалов и «хвоста» правее точки перехода (последнее свойство должно сильнее проявляться в порошках с размером частиц 1 — 10 микрон). Кстати, по длине «хвоста» можно непосредственно оценить D_{\max} .

5. Значит, поверхностный слой тела толщиной порядка микрона имеет температуру ниже внутренней и максимальную деформацию, сложным образом зависящую от температуры (через D). Множество опытов, представленных в мировой научной периодике, подтверждает эту характерную толщину и величину добавочной температуры (поверхностный магнетизм, сегрегация примеси, сверхпроводимость поверхностного слоя в больших полях, расхождение точек СП-перехода в разных методах их определения, растянутость перехода, поведение намагниченности сверхпроводников второго рода, зависимость параметров решетки от размеров кристалла). Диффузия заслуживает отдельного разговора, поэтому отметим только изгибы и изломы (выпуклостью вниз) на зависимостях концентрация-глубина, не объясняемые — ввиду малого перепада концентраций — диффузией по дефектам.

Владимир ЯКОВЛЕВ, кандидат физико-математических наук.

С предложениями о сотрудничестве обращаться по адресу:
160010, г. Вологда, ул. Кубенская, 13-А, кв. 39.

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ

ПЕРЕД САХАРНОЙ. ЛЮБОВЬ СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ОТЕЧЕСТВА

3 января 1913 г.

В-я¹ привезла на Рождество две двойки, по немецкому и арифметике. Ее встретили сухо и почти не разговариваем. Она опешила. Заглядывает в глаза, улыбается виновно и заискивающе, но мы не обращаем внимания. Однако, когда прошли дни, ее впустили в комнату к Шуре², куда собрались две курсистки, она сама (Шура) и все детишки.

Я что-то копался. Когда вошли в кабинет и сказали: «Идите к нам, папочка; как весело». Скучая, что оторвали, — я, однако, вошел.

На полу — «подножках» и табуретках — разместились, кроме трех больших, все маленькие: Таня, Вера, Варя, Вася, Надя³. Все были в ажитации, и когда я тихо сел — почти не заметили.

Играли «в свои мнения». Эти «мнения» составляли определения вещей, имя коих писалось на бумажке.

Меня поразили многие из мнений, и, когда все кончилось, — я захватил бумажки и здесь воспроизвожу их:

Вопрос: — «Что такое цветы?»

— «Цветы одушевляют человека, когда он бывает угнетен чем-нибудь, и освежают его душу» (Вася).

— «Цветы да еще дети одни украшают землю» (Вера).

— «Дыхание красы».

— «Цветок есть последняя отрада человека, посаженный в землю около гробовой доски» (Варя).

— «Цветы — внешняя улыбка природы, их запах — тайное признание ее» (курсистка).

— «Цветы — это песнь природы» (Наташа).

— «Без цветов мир стал бы мертвее самой смерти» (Шура).

(Вторично заданная та же тема, или второе мнение при первом же задании.)

— «Цветы — покорное создание, которых каждый смертный может сорвать и растоптать» (Вася).

— «Цветы — это маленькие и нежные создания Бога, которые остались как печальные воспоминания о Рае» (Вера).

— «Цветы, как люди, горды, нежны».

— «Цветы — в природе — милые, светлые, разноцветные. В своих чашечках они скрывают мечты... своим благоуханием они сдувают муки и тягость. Цветы — в душевной комнате. Скучно, серо... Вьются нежные цветы у пыльного окна. Подходишь. И встают золотые воспоминания о чем-то далеком» (по-видимому, Таня).

Вопрос: — «Что такое ум?»

— «Ум очень трудно определить тому, кто его имеет; для тех же, кто его не имеет, ум — святое счастье и богатство» (курсистка).

— «Вечное "Горе от ума"» (Шура).

— «Ум — это счастье несчастливых» (Наташа).

— «Ум — руль» (Таня).

Вопрос: — «Что есть высший героизм?»

— «Самоотверженно к себе, радостно умереть за ближнего и даже за самого низкого преступника» (Надя или Вася).

— «Героизм есть высшая отвага и стремление к великому делу» (*Варя*).

— «Высший героизм есть самоотречение. Только тот сможет создать великое и прекрасное, только тот может, как герой, отпечатлеть своей рукой на истории и в измученных душах людей, кто скажет: «Я для всех, но не для себя». Это есть истинный герой человечества» (*Вера*).

— «Жажда сгореть в любви» (*Таня*).

— «Высший героизм — стереть свое лицо» (*Шура*).

— «Героизм — ни один раз в жизни не солгать» (*Наташа*).

— «Героизм есть лишь вспышка, но не огонь» (*курсистка*).

— «Истинный героизм заключается в силе любви, заставляющей забыть свое мучительное я» (*вторичное — Тани*).

— «Высший героизм — сказать про себя самое смешное и низкое» (*вторичное — Шуры*).

— «Героизм есть необыкновенная жизнь человека, иногда незаметная, а иногда заметная» (*по-видимому, — по почерку — Вася или Надя*).

— «Как мы можем спрашивать, что такое героизм, когда вся жизнь Христа есть высший подвиг героизма» (*судя по почерку, кажется, Вера*).

Вопрос: — «Что труднее всего на свете?»

— «Всего труднее в жизни полюбить ненавидящего тебя» (*курсистка*).

— «Труднее всего в жизни побороть себя» (*курсистка*).

— «Прожить без любви» (*Наташа*).

— «Забыть себя» (*Шура*).

— «Самое трудное сказать в старости то, что говорил в молодости» (*по-видимому, Вера*).

— «Сохранить юность» (*по-видимому, курсистка*).

— «Верить и прожить честно, без фальшивых прикрас» (*Таня*).

— «Труднее всего в жизни — просто без затей ее прожить» (*по-видимому, курсистка, вторично*).

— «Труднее всего в жизни забыть о себе» (*Шура, вторично*).

— «Самое трудное стать выше своих страданий» (*Вера*).

— «Труднее всего переживать предсмертный час, если был грешен» (*Вася, — sic!*).

— «Труднее всего в жизни переживать муки» (*Вася, вторично*).

— «Труднее всего в жизни пойти выпить молоко и лечь спать» (*Пучок⁴ — Надя*).

Смеялись больше всего последнему. Дивились больше всего Васе. Он был по пояс мне, совсем маленький. Пораженный, я его отвел в сторону (после игры) и спросил: — «Разве ты думал о смертном часе?»

— «Думал».

— «Ну, это мне тяжело умирать, так, а ты?..»

— «Нет, папа. Какие у тебя грехи? Если тебе захочется согрешить, то ты удержишься».

Прыснув со смеху и замирая в страхе, я пошел и рассказал Шуре «своего Ваську».

Но... потеряны листки с «любовью».

— «Что такое любовь?», ответили разное. Но Варя — вся проказа вне этого «наказанного» Рождества, поспешила утешить родителей и успокоить общество:

— «Любовь существует для пользы отечества».

Этому-то больше всего мы смеялись тогда.

Еврей находит «отечество» во всяком месте, в котором живет, и в каждом доме, у которого станвится. Он въязвляется, врастает в землю и в профессию, в партии и в союзы. Но это не фальшь, а настоящее. И везде действует легко (с свободой) и с силою, как родной.

Он в высшей степени *не чужой* везде, со всеми. Общее предположение, что евреи ведь чужие, — верно только в половине. В каком-то одном и таинственном отношении они и есть везде и всем чужие. Но столь же верно и неодолимо то, что они и близки, до «единокровности», со всем.

Отсюда происходят некоторые мелочи, например, знаменитое «жидовское нахальство», которого сами евреи не замечают и даже не понимают, о чем мы говорим. Нас поражает, и мы не выносим, что в России они ведут себя и разглагольствуют, «как мы», а они и чувствуют себя, «как мы», и так говорят и ведут себя.

Отсюда (*отчасти*) побои и — то, что евреи так этого не понимают.

(*в клинике, около мамочки*).

Когда идет добро от священника и когда идет добро от мирского человека и собственные «измерения добра» в одном и другом случае одинаковы, — т. е. равны: доброе слово здесь и там, утешение здесь и там, милостыня здесь и там, — то есть разница какая-то в благоухании. Добро священника благоуханнее добра светского человека.

Отчего это? Явно чувствую. Чувствую не потому, что я «таких убеждений». Не ум чувствует, а нос чувствует.

(*припомнился разговор с одним добрым батей*).

Эх, попы. Поправьтесь! — и спасете Русь.

Мне не нужна «русская женщина» (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива.

Волосы гладенькие, негустые. Пробор посередине, и кожа в проборе белая, благородная.

Вся милостива. Не велика, не мала. Одета скромно, но без постного. В лице улыбка. Руки, ноги не утомляются.

(*иду от Прокудина Горского*).

— Это что часы-то? Остановились?

Большие, с белой доской. С тяжелыми гириями, из которых к одной был прицеплен еще старый замок.

— Это худо. Это к чему-нибудь.

И мамаша задумывалась. Правда, энергией своей она все преодолевала. Но когда они останавливались, это было дурным часом в ее дне.

(*в Ельце*).

Часы ходили еле-еле. Вековые. От покойного Дмитрия Наумыча (мужа, отец «друга»).

За него она вышла замуж, потому что он был тихий и удобный для воспитания брата ее. Ей было 15 лет, брату 4 года. Но она все сообразила и планировала, и не вышла за «бойкого», который был бы «самой люб», а за удобного.

Она была постоянно веселая и любила, чтобы было все чистое, комната и нравы, — и поведение сыновей и дочери.

Умирая, завещала похоронить «вместе с мужем». «Вместе родили детей», «вместе лежать в земле», «вместе идти к Богу».

«Три-три-три
Фру-фру-фру
Иги-иги-иги
Угу-угу-угу».

Это хорошо. После «синтетической философии» в одиннадцати томах Герберта Спенсера это очень хорошо.

(*статья о футуристах Рог-Рогачевского⁵ с примерами из их поэзии*).

А не верят люди в Бога, Судьбу и Руку. Но Он дерет за ухо не только верующих, но и не верующих в Него.

Теперь стою в банке, перевод или что, — смотрю по сторонам: где тут международный плут, с его «печатью на лице», которого бы ловил Шерлок Холмс.

(*начитавшись Шерлок-Холмса*).
(*Перевожу последнюю уплату за монеты Осману Нурри-бею в Константинополь*).

Много можно приобрести богатством, но больше — ласковостью.

(*мудрость евреев*).

Булгаков честен, умен, начитан и рвется к истине.

Теперь — к христианству.

Но он не имеет *беды* в душе, ни *бедствия* в жизни. Он не восклицал никогда — «тону!» — среди ужаса. Он профессор, а не обыватель; ученый, а не человек. А христианство (думается) открывается именно «не мудрым земли» в особых точках и в особые минуты. И, кажется, проникнуть особенно глубоко в *не свои темы* ему не удается⁶.

Как поправить грех грехом — тема революции.

(*на извозчике*).

И поправляющий грех горше поправляемого.

— Отдай пирог! Отдай пирог! Отдай пирог!

Вера лежала животом на полу в Шуриной комнате, 10-ти лет. И повторяла:

— Отдай мне пирог!

Шура выбежала ко мне и, смеясь «до пупика», спрашивала:

— Как я отдам ей пирог?

— Какой «пирог»?...?

— Вчера, вернувшись из гостей, она вынимает из кармана завернутый в платок кусок торта и говорит: «Это, Алюсенька, тебе». Конечно, я съела. Сегодня она на что-то рассердилась, кажется — я сделала ей замечание, и требует, чтобы я ей отдала назад торт. Говорю: «Как же «я отдам», когда я съела?» Она кричит (юридическое чувство): «Все равно — отдай! Мне нет дела, что ты съела».

Шура смеялась (курсистка). Вера плакала.

В гневе с Верой никто не может справиться, хоть ей всего 10 лет. Она всегда безумеет, как безумеет и в увлечениях.

(*на семейной карточке «Опавших листьев» она одной рукой обнимает, другую устала в бок*).

Бредет пьяный поп... Вдовый и живет с кухаркой... А когда рассчитывается с извозчиком — норовит дать екатерининскую «семятку» (2 коп.) вместо пятака.

И тем не менее я отделяюсь от Влад. Набокова,

профессора Кареева и дворянина Петрункевича⁷, и подойду к нему...

Почему же я к нему подойду, отделясь от тех, когда те разумны, а этот даже и в семинарском-то «вервии» лыка не вяжет?

По традиции? Привычке?

Нет, я выбрал.

Я подошел к мудрости и благости. А отошел от глупости и зла.

Почему? Как?

Да около Набокова станет еще Набоков и около Кареева станет еще Кареев...

Как бы они ни множились и как бы цепь их [ни] увеличивалась, она и в середине, и на концах, и в бесконечности не обещает ничего еще, кроме Набокова и Кареева или Тьера и графа Орлова-Чесменского, Захарьина и князя Юсупова; а рядом с попом может стоять сейчас же митрополит Филарет, да и сам Св. Серафим Саровский. Чего, и дальше: «за руку с попом» не погнушает взяться и древний Платон, сказав: «он — *от моей мудрости*».

А я прибавлю: «Нет, отче Платоне, — он превзошел тебя много. Ты — догадывался, а он — знает, и о душе, и о небесах. И о грехе, и о правде.

И что всякая душа человеческая скорбит, и что надо ей исцеление».

Вина евреев против И. Христа была ли феноменальная или ноуменальная? Т.е. только «эта толпа» «не могла понять» и, главное, «теперь» — ну, «при исходе времени»? Или — от корня, издревле, от Моисея и даже Авраама? Было ли больно все от *истока* начиная или только в *устье*? В последнем случае, т.е. если только «нравы» и сейчас — не для чего было отменять обрезания и всего жертвенного культа, и суббот, и храма.

В этом случае была бы у христиан сохранена библейская семья; сохранено бы было живое и животное чувство Библии, а не то, что «иногда читаем». Не было бы ужасного для сердец наших противопоставления Евангелия и Ветхого Завета.

Ничего не понимаю. О, если бы кто-нибудь объяснил.

Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского⁸... Задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси.

«Пришествие Гиксосов». Черт их знает, откуда-то «Гиксосы» взялись: историки не знают откуда. Пришли и разрушили Египетскую цивилизацию, 2000 лет слагавшуюся. Потом через 1¹/₂ века их прогнали. И начала из разорения она восстанавливаться: с трудом, медленно, но восстановилась.

(*придя с Айседоры Дункан домой*).

Как хорошо, что эта Дункан своими бедрами послала все к черту, всех этих Чернышевских и Добролюбовых. Раньше, впрочем, послали их туда же Брюсов и Белый (Андрей Белый).

О, закрой свои бледные ноги⁹.

Это было великолепно. Поползли на четвереньках, а потом вверх ногами. И тщетно вопияли Лесевичи и Михайловские¹⁰:

— Где наш позитивизм?! Где наш позитивизм?!!!

Позитивизм и мог быть разрушен только через «вверх ногами».

На эмалевой стене

Там есть свет чудных латаний¹¹.

Дивно. Сам Бог послал. Ничего другого и не надо было. Только этим «кувырканием» в течение

десяти лет и можно было прогнать «дурной сон литературы».

Вчера разговор на гостях. И выслушал удивительный взрыв отца:

«Моему 13-летнему сыну, который никогда не знал онанизма, в гимназии сказали никогда не дотрагиваться до ..., потому что хотя это наслачительно, но вредно для здоровья. Он дотронулся и сделался онанистом.

10 чиновников в мундире министерства просвещения, из которых каждый был шпион и ябедник, учили его «не послушествовать на друга своего свидетельства ложна». И он стал клеветником и злословцем.

Те же десять чиновников, из которых каждый был предатель и втихомолку занимался социализмом, учили его «быть патриотом». И он возненавидел свое отечество.

Таким образом, когда он «окончательно получит образование» и сделается никуда не годным человеком, — ему выдадут бумажку, по которой он может получить всякое место на государственной службе.

Перед ним будут открыты все двери.

Он войдет в наиболее широкую, выберет девицу с кушем и женится. Теперь он сделается не только «полезным гражданином», но и в высшей степени «приятным членом общества». У него станут занимать деньги. Ему везде станут предлагать «председательство». Он станет заниматься «благотворением». Когда он умрет, поп скажет хорошую речь».

(русская цивилизация).

Я подумал молча про себя.

Нет. Мой Вася жив. С ним никогда этого не будет. Берегись, Вася. Берегись «русской цивилизации».

За попа, даже и выпивающего, я трех кадетов не возьму.

Только злой поп (поп А-бов) невыносим. Он хуже всякого человека. В нем этот яд становится хуже, проклятее, смраднее, стрельчатее яда во всяком другом человеке.

Отчего это? Тоже — тайна. «И взяв кусок с блюда и обмакнув в соль — подал ему». И всякий исповедник Христа, если он зол, — увеличивается в зле на всю величину Христа и становится Иудой.

«Знаешь (и она назвала одного любимого мною умершего писателя), если бы он *теперь* жил, он не показался бы интересным. Он был тогда интересен (в 90-е годы). Люди с каждым годом растут; душа с каждым годом растет, и человек теперь не то, что был 15 лет назад».

(мамочка в постели, 13 января).

Греки — «отец»; и римляне тоже — «отец». Даже сухопарый чиновник — и он «отец». Одна «живодва» — Вечная Мать. Отсюда проистекает их могущество и значительность.

(идя из клиники).

Батя. С Урала, член Государственной Думы. Еду с дочкой на извозчике и говорю:

— Сколько платите за квартиру?

— Сорок.

— Сорок?! Сколько же комнат?

— С прихожей 4.

— Как же Вы помещаетесь? Из кого семья?

В. В. Розанов

— Я. Да брат-студент, технолог. Да сестра замужняя с ребенком. Да папаша с мамашей. И еще брат двух лет.

— Как же Вы спите?

— Я в столовой на кушетке, брату в прихожей на ларе стелют. Сестра с мужем за перегородочкой. Папаша с мамашей за другой перегородочкой.

— Сестриному-то ребенку сколько будет?

— Полтора года.

— А меньшому брату, Вы, кажется, сказали, два?

— Два.

— Это хорошо. Тесно, а тепло. И отец еще молодой?

— 53 года; а когда на именинах были гости, то говорили, что ему едва сорок можно дать. Лицом белый и большого роста. И живот, — хотя не очень большой.

— А мамаша?

— Мамаша совсем молодая. Ей только 42.

— Совсем хорошо! То-то и фамилия у Вас красивая. Нет красивее на Руси, — т.е. не может быть красивее такой фамилии: тут и «мережки», и «золото». Оттого вы старые люди на Руси.

Курсистка улыбнулась. По задумчивому виду я вижу, что ей тоже пора замуж. Уж 19 лет.

Так растет добро на Руси. Или не сказать ли по-церковному: так произрастает и густится пшеница Господня на землях тучных.

Берегите тучность земли. Берегите, берегите. Хольте, вспахивайте, — молитесь дождичка.

Солнышка молитё. И во благовремении полной пригоршней бросайте зерна в землю.

Что истинно интересно:

Своя судьба.

Своя душа.

Свой характер.

Свои тайны («сокровенное души»).

С кем хотел бы быть?

С Богом.

Еще с кем?

С тем, кого истинно любишь. Таковых за всю жизнь один-два.

Что нужно?

?

(в кабинете > уединения > 17 января 1913 г.).

После Гоголя, Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России.

Мог быть только энтузиазм к разрушению России.

— Вот и 1-ое марта, и полупаралич турецкой войны, и «ни одной победы» в Маньчжурии. Вовсе не Алексеев и еще какой-то «гофмейстер» — Абаза — устроили «авантюру на Ялу», а превратили в «авантюру» возможную победу и расширение государства господина «Современника», «Отечественных Записок» и «Русского Богатства». Победа вообще никакая стала невозможна, пока не явился «международный еврей» Азеф¹², который вообще стал всею этой гнилью «торговать», продавая «туда», продавая «сюда» и вообще всякому, кто бы ему дал на винцо и женщин.

Да, если вы станете, захлебываясь в восторге, цитировать на каждом шагу гнусные типы и прибауточки Щедрина и ругать каждого служащего человека на Руси, в родине, да и всей ей предрекать провал и проклятие на каждом месте и в каждом часе, то вас тогда назовут «идеалистом-писателем», который пишет «кровью сердца и соком нервов»... И весь-то мотив этого, что «сопричисляющий вас» с залихватской русской фамилией Рог-Рогачевский пишет в журнале... Кранихфельда и «чей хлеб кушает, того и песенку поет».

— Если ты не изменник Родине, — то какой же после этого ты русский? И если ты не влюблен в Финляндию, в «черту» и Армению, — то какой же ты вообще человек?

Что делать в этом бедламе, как не... скрестив руки смотреть и ждать.

«Ни я, ни вы, ни Новоселов¹³ ц<еркви> не нужны», — написал N. N.

— Это что, дело стоит даже крепче: ей чести не нужно, «правильных документов на торговлю» не нужно.

Лопаты, приставленные к забору, бьют au fond:

— Нам нужны только доходы. Остальное уже обеспечено им.

(получив письмо от <...>л).

Да почему он «скиталец»¹⁴? Везде принят, все кланяются. Религиозно-философские собрания сочли «за честь», когда он одно из них посетил, придя в середине чтений и обратив всех вниманием черною блузою, ремешком и физиономией «под Максима». Почему же он «скиталец», и кто его «изгнал», и откуда он «исключен»? «Качества его

произведений» никому (вероятно) не приходили на ум, пишет ли он стихами или прозой, публицистикой или «так рассказы» — никто не знает, и только всякому известно, что «есть еще другой Максим, который называется Скитальцем» и тоже с ремешком и в блузе. Да это скорее — граф, его сиятельство и уж во всяком случае «превосходительство».

В первый раз проходят какие-то в литературе с фальшивыми физиономиями «под другого», в чужой прическе и совершенно не своим «видом на жительство».

Барин, который называет себя «Ванька с Сенной».

N. N. бы заговорил другим языком, если бы из его дома вывели за ручку Ан. Мих. со словами: «на все четыре стороны, прошельга», а Васюка присудили бы с двухлетнего возраста «здорово живешь» в солдаты без срока. Тогда были бы песни другие, и он не приравнивал бы это к бедной кофточке и грубому слову кухарки, с добавкой, однако, «заочно от меня». То-то «заочно», ну, а что если бы на глазах? — сказал бы он только: «Будьте, Катерина, мягче: мы все христиане».

И Новоселову с его «мамой» тоже всего этого не нужно. Но если бы его «мамашу» стали бить кнутом на конюшне, как в Петербурге *сек с конюхом* (при пособии конюха) *свою жену гвардеец*, — урожденную Варгунину, за которую взял 150 000 приданого, но уже во время ее первой беременности сказал ей, что его, как дворянина, компрометируют поклоны на улице и посещения на дому ее купеческой родни, и чтобы сама она постаралась, чтобы эти родные «не навязывались» и не «ходили к нам», а затем начал — и сечь (на конюшне). Отец, Варгунин, обратился к властям, но, согласно N. N. и Новоселову, получил «кукиш с маслом» в утешение, т.е. «ни развода, ни отдельного паспорта на жительство», ни вообще — «прав у отца на дочь, раз она обвенчана». И только уплатив еще 75 000 «правильноканоническому», повенчанному «мужу», отец вызволил дочку из «благодатного благословения церкви».

Так была подробно, с именами, рассказана в «Гражданине» князя Мещерского эта петербургская история. Я не прочел, к сожалению; но со слов «Гражданина» рассказывала вслух всем гостям эту историю за обедом Анна Ивановна Суворина. Да что: разве не такую точь-в-точь историю рассказывает в «Семейной хронике» С. Т. Аксаков? И у Аксакова все духовенство прочло это; прочло и ничем не отозвалось.

Так вот вы полюбуйтесь сперва, и N. N., и Новоселов, на эту Варгунину, да и Вы, Иван Павлович, да и Цветков с Андреевым¹⁵, да и автор *Круга богослужения* на русском языке (Зайончковский).

А я же до благосклонного ответа скажу:

— Пока вы все мазурики со своими Франциска-ми Ассизскими и прочими чудесами.

Чем «молиться» на секретаря духовной конси-стории (однако же ведь не в ней суть, она «приложится» во временах), — то уж лучше помолиться вотяцкой «Керемети»¹⁶; все-таки живее, да и фольклор по крайней мере.

Это я говорил (писал) Рачинскому и страшусь, что придется говорить N. N.

Вот где возможен поворот к: «вернемся к египет-

ским богам, потому что они кормили нас, и мы не были голодны».

И ведь Израиль в пустыне был бы прав, если бы не прилетели перепелы. Вот и кой-кто и кой-что (лицо и потом возникшие учреждения) пусть «пришлет перепелов» и «источит из камня воду». Если кой-кто и кой-что бессильнее Моисея, — нельзя удивиться и нельзя будет негодовать, если люди вдруг из-за «перепелов» начнут заворачивать к Моисею, да и к египетским богам.

Мерзавцы-канонисты подумали бы, что с коро-вою привычно расстаться не легко, *квартиру* удобную передают не охотно: по какому же праву и по какому скаредному мотиву они вообразили, они наклеветали на людей, они закричали в печати и, ранее Гутенберга, кричали в манускриптах, что мужья-человеки все такие же мерзавцы, как они сами (т.е. как канонисты), и сейчас побросают жен и перейдут к «молоденьким и сладеньким», если Рачинский и Н. Н. вдруг «согласятся на развод». Но они злы, эти мерзавцы, и хочется им засадить «гной в кости» («худая жена — как гной в костях человека», — Соломон в «притчах»). И пользуясь идеализмом, отвлеченностью и мечтательностью Н. Н. и Рачинского, если (канонисты) им все «навевают» о человеческом легкомыслии и недобротели, соображая про себя: «С гноем-то в кости нам человек все заплатит».

Канонист-профессор (был процесс о наследстве — недавно) оставил 100 000 дочерям. Занимал именно по бракоразводным делам «стол» в высоком духовном учреждении. Автор книг и статей в «Христианском чтении» и в «Отдыхе христианина». 100 000 из «профессорского жалованья» не скопишь.

...Скука, холод и гранит.

Что это, стихотворение Пушкина?

— Нет, это каноническое право. «Кормчая», Суворов, Красножен, Сильченков¹⁷, еще кто-то многие. Как говорится где-то в Библии: «Взойди на башню, и посмотри, не идет ли это на помощь осажденным войско?» — Посланный вернулся и сказал: «О нет, — это идет стадо скота и подымает пыль».

Вот идет по тротуару проституточка. Подойду к ней и разделю... последнюю папироску. Она одна мне «своя» в мире: такая же бездомная, тоже без отца, без матери, также никому не нужная, также ей никто не нужен. Дам ей папироску, она закурит, я докурю. Потом пойдем к ней. И будет она мне жена на ночь.

Как и мне на час работы нужен каждый хозяин, и я говорю о всяком через час — «провались».

(за корректурой своей статьи о Страгове: место ее о «меланхолии в Европе»).

Подошла Пучок и молча поцеловала папу в щеку; в рубашонке, сейчас в постель (ночь). Нет, я теперь не такой: мне мама дала другое. — Но ведь не у всех была «наша мама», и другие — именно таковы.

(т.е. «меланхолия в Европе» происходит от КОРНЕВИДНОЙ в Европе бессемейности; оттого, что семья там есть случай и удача).

— Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа!

«Как ты, пачкунья, смеешь это думать?»

— Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.

«И лукавая? и скрытная? обманная?»

— Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа!

«Весь запутанный? Скверный?»

— Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.

(бреду ночью из редакции, 3-й час ночи).

Собственно, есть одна книга, которую человек обязан внимательно прочитать, — это книга его собственной жизни. И собственно, есть одна книга, которая для него по-настоящему поучительна, — это книга его личной жизни.

Она одна ему открыта вполне, и — ему одному. Собственно, это и есть то новое, совершенно новое в мире, ни на что чужое не похожее, что он может прочитать, узнать. Его личная жизнь — единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается для своей жизни, и что его жизнь есть дар Божий земле. Каждого человека Бог дарит земле. В каждом человеке земля — (планета) — получает себе подарок. Но «подарок» этот исполнен внутренними письментами. Вот прочесть-то их и уразуметь и составляет обязанность всякого человека. И если он добр к людям, расположен к ним, если «у корыта (мир) мы все щенята», — то без церемоний и ужимок, без стыда и застенчивости, без кокетничанья скромностью, он должен сказать «пороссятам у корыта»: «Братья мои, вот что написано в этой книге. Вникните все и читайте меня. Может, кому понадобится. Может, иной утешится через меня в себе. И «третий добрый молодец» позабавится, — без зла, а с добрым смехом. Ибо злым смехом ни над каким человеком нельзя смеяться».

Поэтому Уединенное, собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. «Все прочее не существенно», — и все прочее, что он мог написать или сказать, лишь частью верно; «верное» там не в его власти, не в его знаниях.

В белом больничном халате и черных шерстяных перчатках она изящно пила чай с яблочным вареньем.

Едва открыл дверь — вся в радости.

— Что же это ты чай в перчатках?

— Я уже с 12-ти часов одела их. Сама, и — и на больную руку сама.

Я и забыл, что больную всегда мы одевали, — я или Надя (горничная).

Прислуга куда-то разбежалась.

— Можешь надеть на меня платье?

Я в две минуты одел серый английский костюм (сшитый для Наугейма).

— Едем.

— Подожди. Сперва к Варваре Андреевне (близ Клиники). Она меня каждый день проводывала, — и ей мой первый выезд.

Отбыли.

— Теперь едем (кататься)?

— Нет. Еще к Скорбящей (на Шпалерной).

— А кататься? Отдыхать?

— Потом уж и кататься.

(21 января 1913 г.)

¹ Варя (Варвара) — дочь В. В. Розанова.

² Шура (Александра Бутягина) — падчерица В. В. Розанова.

³ Таня, Вера, Варя, Вася, Надя — дети В. В. Розанова.

⁴ Пучок — домашнее прозвище дочери В. В. Розанова Надежды.

⁵ Розанов саркастически искажил фамилию литературного критика В. Львова-Рогачевского. Автор цитируемого звукоподражательного стихотворения — итальянский футурист Альдо Палацески.

⁶ Это высказывание опровергает мемуарное свидетельство о том, что Розанов «очень любил» С. Булгакова (см.: Голлербах Э. В. В. Розанов. П. 1922, стр. 82).

⁷ Набоков В. Д. — профессор уголовного права, один из основателей партии кадетов; Кареев Н. И. — историк, профессор Петербургского университета, либерал; Петрункевич И. И. — один из основателей партии кадетов, редактор газеты «Речь».

⁸ Страхов Н. Н. (1828 — 1896) — философ, публицист, литературный критик; Данилевский Н. Я. (1822 — 1885) — историк, публицист, славянофил, автор книги «Россия и Европа»; Рагинский Г. Я. (1850 — 1939) — литературный деятель, философ, переводчик, автор

статей о В. Соловьеве и Ф. Ницше, редактор собраний их сочинений.

⁹ Однострочное стихотворение В. Брюсова.

¹⁰ Лесевич В. В. — последователь позитивизма, а затем эмпириокритицизма; Михайловский Н. К. (1842 — 1904) — публицист-народник, литературный критик.

¹¹ Неточная цитата из стихотворения В. Брюсова «Тень несозданных созданий...»:

*Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.*

¹² Азеф Е. Ф. (1869 — 1918) — один из лидеров партии социалистов-революционеров, провокатор.

¹³ Новоселов М. А. — религиозный деятель.

¹⁴ Имеется в виду писатель Скиталец (С. Г. Петров), подражатель Горькому.

¹⁵ Цветков П. И., Андреев И. Д. — профессора Московского университета.

¹⁶ Кереметь — женское божество у вотяков-язычников.

¹⁷ Суворов П. С. — профессор церковного права; Красножен М. Е. — юрист, профессор канонического права; Сильченков К. П. — духовный писатель, преподаватель Харьковской семинарии.

О ТРЕТЬЕМ ТОМЕ «ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ» В. В. РОЗАНОВА

В № 2 журнала «Литературная учеба» за 1989 год опубликованы предисловие и третья часть неизданной книги В. В. Розанова «Сахарна», рукопись которой хранится в ЦГАЛИ. По сообщению публикатора (В. Сукача), полный текст рукописи состоит из трех частей: «Перед Сахарной», «В Сахарне», «После Сахарны».

Публикатору, по-видимому, осталось неизвестно, что Розанов предполагал издать эту книгу в 1916 году. В моем распоряжении находятся сверстанные три листа книги (48 страниц): предисловие и неполный текст первой части («Перед Сахарной»)*. Титульный лист в сверстанном экземпляре отсутствует. Первая страница каждого листа снабжена печатью типографии «Товарищество А. С. Суворина "Новое время"», с датой 10 августа 1916 года. На первой странице сверстанного текста рукой Розанова сделана следующая надпись: «Постепенно буду присылать и дальше». Но третий сверстанный лист оказался последним. После революционных событий 1917 года печатание книги прекратилось.

Сверстанные листы были мне подарены в Одессе А. К. Драговым, гражданским мужем Евгении Ивановны Апостолопуло (урожденной Богдан), владелицы поместья Сахарна. Наше знакомство было недолгим: вскоре А. К. Драгов получил разрешение уехать из Одессы в Молдавию, где и умер (кажется, в 1928 году).

Моим интересом к сочинениям Розанова Драгов был чрезвычайно удивлен. Студенческой молодежи 20-х годов имя Розанова было почти неизвестно. По этому поводу Драгов полушутливо-полусокрушенно сказал: «В Одессе мною обнаружен единственный любитель сочинений Василия Васильевича — сторож местного музея древностей».

А. К. Драгов рассказал мне о пребывании Розанова летом 1913 года в Сахарне — на правом берегу Днестра, близ одноименного молдавского села, у станции Рыбница. Это была великолепная усадьба с огромным садом и двухэтажным домом.

Розанов совершил поездку в Сахарну со своей полупарализованной женой. Поэтому на станции его поджидали Драгов и четверо молодых крестьян с носилками, которые, однако, не понадобились: жена Розанова могла передвигаться с его помощью. Сели в экипаж. Приближаясь к усадьбе, проехали мимо сельского свадебного пиришества. Буйное веселье. Музыка. Пляска девушек и парней. Внезапно Розанов обнял жену и сказал: «А ведь и мы когда-то были молодыми...»

Владелица Сахарны предоставила гостям лучшие комнаты. Во время своего пребывания в Сахарне Розанов писал ежедневно.

Известная филантропка Е. И. Апостолопуло умерла 5 ноября 1915 года, на пятьдесят восьмом году

жизни. В некрологе, посвященном ее памяти («Русский библиофил», 1915, № 8), Розанов подробно описал музей народного творчества, находившийся в нижнем этаже усадебного дома: полная обстановка молдавской избы, утварь, ковры, иконы. Е. И. Апостолопуло решила основать в Кишиневе музей русской живописи и народного искусства. Умирая, она завещала продать принадлежащий ей завод и на вырученные деньги (около миллиона рублей) соорудить музей. Проект музейного здания был разработан молодым архитектором А. Е. Щусевым.

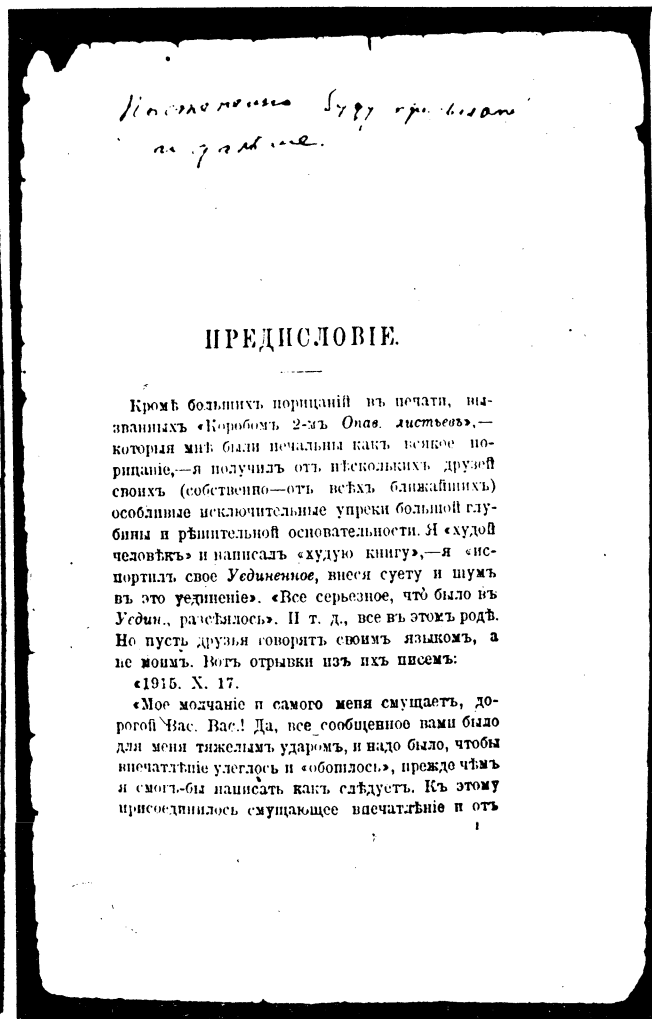
Дружественные отношения с А. К. Драговым Розанов поддерживал и после смерти Е. И. Апостолопуло. У Драгова хранился розановский некролог, изданный отдельно, кажется, в количестве 50 экземпляров. Ни в одном из библиографических указателей произведений Розанова этой брошюры нет.

Розанов высоко ценил «синтетичность» личности Е. И. Апостолопуло, ее умное и деятельное народолюбие, меткость ее наблюдений и афоризмов. По словам Розанова, «она была прелестною литературною «на ходу», в изустном слове». Не подлежит сомнению, что «изустная» литература Е. И. Апостолопуло была родственна фрагментарным записям самого автора «Опавших листьев».

В предисловии к неизданной книге Розанов приводит письмо П. А. Флоренского, где дана наиболее проникновенная характеристика автора «Опавших листьев» как писателя-новатора, создавшего особый жанр художественной прозы, «новый род уединенной литературы».

В жанровом отношении неизданная книга Розанова непосредственно примыкает к «Опавшим листьям». Значительно, что в предисловии к ней Розанов приводит и комментирует критические высказывания о втором томе «Опавших листьев». По сообщению А. К. Драгова, Розанов называл неизданную «Сахарну» третьим коробом «Опавших листьев». Свидетельство А. К. Драгова подтверждается письмом Розанова Мережковскому, посланным незадолго до смерти, в декабре 1918 года: «...Безумное желание кончить «Апокалипсис нашего времени», «Из восточных мотивов» и издать «Опавшие листья»...»** Не случайно, что с обоими томами «Опавших листьев» совпадает и формат сверстанного экземпляра.

Если бы издание третьего короба «Опавших листьев» состоялось, то заглавие «Сахарна» было бы заменено на «В Сахарне». Под таким заглавием книга отмечена в перечне графических работ Д. И. Митрохина в его монографии, написанной поэтом М. Кузминым и искусствоведам В. Воиновым (1922). Д. И. Митрохин мне сообщил, что издательство «Лу-

На левом снимке — обложка короба второго «Опавших листьев» (художник Д. Е. Митрохин, 1915). Справа — первая страница сверстанного текста «В Сахарне» с автографом В. В. Розанова

коморье» поручило ему сделать обложку для третьего короба по просьбе самого В. В. Розанова: художник был автором превосходной обложки короба второго.

В связи с тем, что предисловие к книге, как уже упоминалось, недавно было опубликовано, здесь оно не приводится. Отмечу лишь, что сверстаный текст предисловия содержит поправки и дополнения, отсутствующие в опубликованном рукописном тексте. Над письмом А. Глинки дата отброшена. Вместо нее: «Из другого письма». К высказыванию В. Кожевникова о том, что во втором коробе «Опавших листьев», «коробило... впечатление некоей самопереоценки», Розанов сделал следующее примечание: «Невольные мысли про себя. У кого их не бывает как "мелькания в мозгу"». В текст письма А. Данилевской Розанов самовольно внес существенные изменения. У Данилевской: «... я дочь генерал-лейтенанта, революцию ненавижу и деятелям ее не сочувствую, но к чему же такое усердие? Кроме того, когда Вы пытаетесь защищать Аракчеева (люблю В. Р.) и пинаете ногою трупы революционеров (ненавижу В. Р.), у Вас чувствуется на губах пена». Ср. печатный текст: «...я дочь генерал-лейтенанта, революцию ненавижу и деятелям ее не сочувствую, но к чему же защищать Аракчеева и пинать ногою трупы революционеров, у Вас чувствуется на губах пена». В заключительной части своего письма А. Данилевская, почитательница первого короба, резко критикует короб второй: «Трудно себе представить, что между этими книгами прошло не более

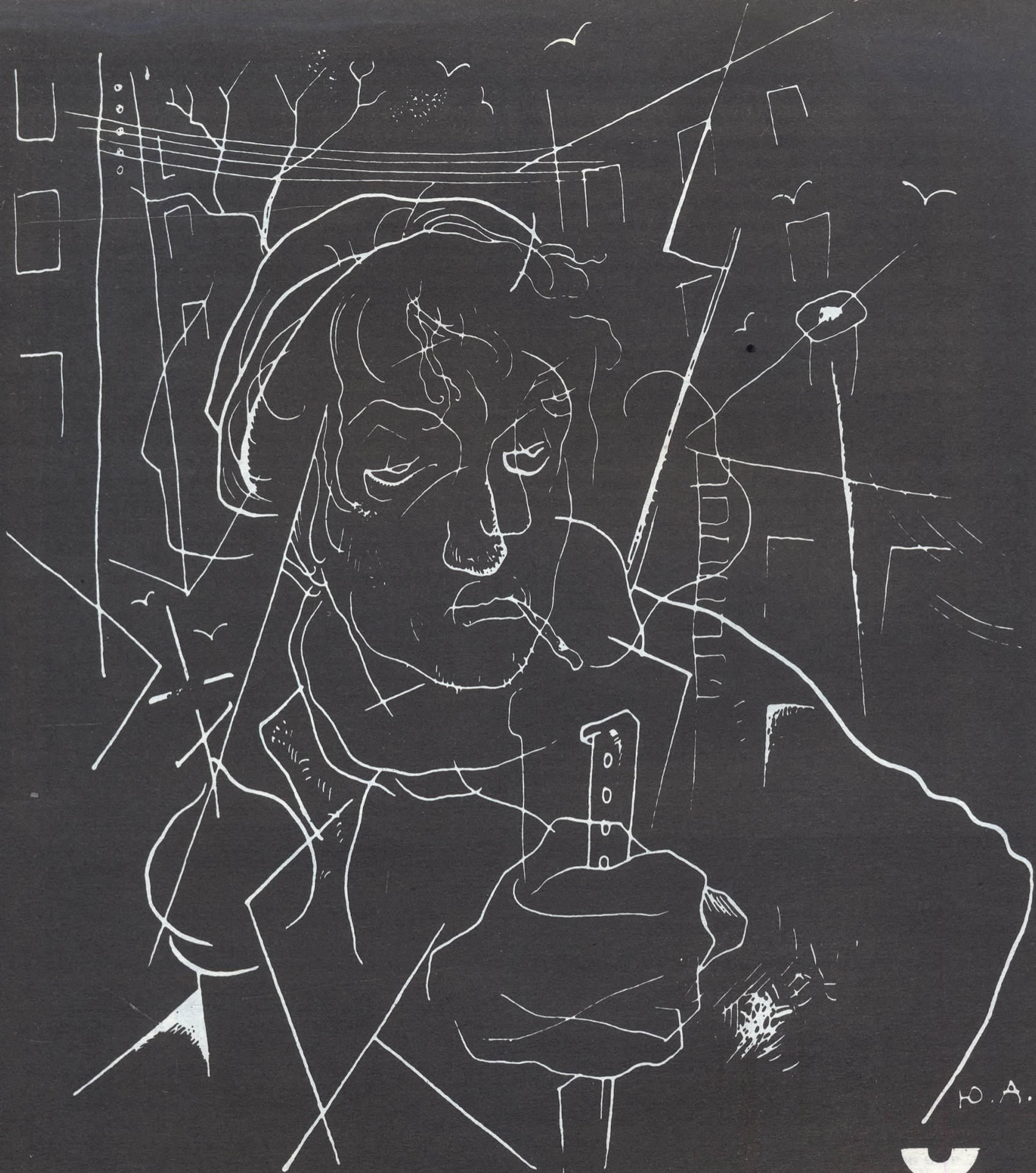
года». К этому месту Розановым сделано следующее примечание: «Никакого года». Последняя поправка внесена Розановым во фразу, предшествующую записке, подписанной инициалом «В»: «И как на песок пустыни капнула росой следующая записка, месяца через 1 1/2 по выходе книги полученная». Слово «книги» в рукописном тексте отсутствует.

Наличие этих поправок дает основание предположить, что и сохранившийся печатный текст первой части третьего короба «Опавших листьев» не оставлен автором в первоначальном виде.

* Сверстанные листы полностью напечатаны мною в журнале «Ricerche slavistiche», vol. XXVII — XXVIII, 1980 — 1982, где вопрос о соотношении печатного и рукописного (позднее опубликованного) текста не рассматривается.

** «Вестник литературы», П., 1919, № 8, стр. 14. Публикация Э. Г. (Э. Голлербаха) «Из предсмертных писем В. В. Розанова». Выпуски 1 и 2 «Апокалипсиса нашего времени» были изданы в Сергиевом Посаде в ноябре 1917 года. Выпуски 3—10 этого микрожурнала вышли там же в 1918 году. Во второй половине 1916 года (одновременно с попыткой издать третий короб «Опавших листьев») Розанов издал в Петрограде два выпуска книги «Из восточных мотивов». Третий выпуск вышел в начале 1917 года. Издание всей книги, которое предполагалось окончить в два года, довести до конца не удалось. Этому своему труду Розанов придавал большое значение, считая, что не только русские, но и западноевропейские читатели будут впервые приближены «к истинному пониманию древнего Египта».

Публикация, примечания и послесловие Николая ХАРДЖИЕВА.

Ю. А.

КРАСНЫЙ ДОМ,

мы безвозвратно попали под влияние этого дома, как муха попадает в клейкую паутину паука и уже не может выбраться...

Вскоре мы ужились и осмотрелись. Против дома были Спасские казармы, и окна наши выходили как раз на их помойные ямы...

Несколько вдали серела Сухарева башня, а вокруг белели палатки и беспрестанно колыхалась черная масса спекулянтов, продававших нагло — ворованные вещи...

Рядом с домом была баня, и вечером подозрительные женщины в коротких юбках стояли очередью и нагло и нетерпеливо, лихорадочно ждали чего-то и не могли дожидаться, — ругались меж собою и голодными, жадными глазами оглядывали проходивших мужчин.

Но страннее и ужаснее всего был сам Красный дом... Мы звали его — «домом под утопающей звездой» или «клеткой идиотов»... С первого мгновения мы возненавидели его всею душой...

В нем было пятьдесят шесть квартир... и в каждой квартире была своя тайна, иногда перепрыгивающая из уст кухарок в чьи-нибудь уши...

Люди, жившие в Красном доме, боялись света, и, как крыты или летучие мыши, вылезали лишь ночью из нор...

А днем двигались как тени или как неживые, заведенные манекены, и я всегда сомневался — существуют ли они вообще...

Преддворие

Ночью из угловой чайной раздавались нечленораздельные пьяные звуки, крики, ругань... там постоянно гостили шайки воров, кокаинисты и спекулянты...

Чуть ли не каждую неделю врывалась милиция, арестовывала и закрывала чайную. Но чайная была как ванька-встанька — и несколько дней спустя снова цвела криками и тайнами, под другим именем...

Подполье

Тотчас же внизу, у парадной, в треугольнике под лестницей, где стояла одна кровать, сундук да стул, жил «страж у порога», пародия на человека, швейцарша Елена — горбатая карлица с огромною безобразной головой, злющая-презлющая... Она тиранизовала весь дом... Каждый день крикливо ругалась с мужем — профессиональным вором, который жил в чайной с проститутками и делал чногода нападения на наши квартиры... Все боялись Елены и плясали под ее дудку.

I Этаж

На первом этаже жила молодая еврейка, слепая Левина, красавица. Вышла замуж за девятнадцатилетнего мальчишку, который женился на ее деньгах... Она была кокетлива, любила наряжаться и была безумно счастлива, не подозревая, что в ее же квартире жила любовница ее мужа... — не знала ничего.

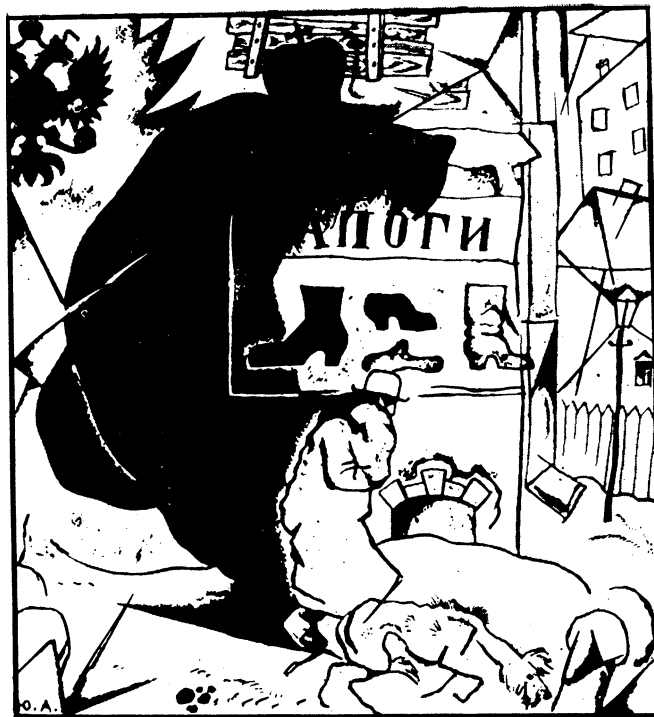
Иногда пробегала тонкими пальчиками по нашим лицам, смотрела красивыми невидящими глазами и, мертво улыбаясь, говорила: «Я знаю всех вас», — и смеялась как колокольчик.

II Этаж

На втором этаже была лечебница кожных болезней, и целый день женщины и мужчины с закутанным лицом, подозрительного вида входили и выходили.

Иногда приходилось мне входить вместе с такими в парадную, и мы оглядывали друг друга с взаимным сочувствием, но никогда не заговаривали, но когда больной останавливался у лечебницы и видел, что я поднимаюсь выше, лицо его вдруг становилось испуганно-чужим, и он тревожно отворачивался...

Иногда вечером вносили на носилках какую-нибудь колышущуюся, закутанную, бесформенную массу, — тогда всюду открывались двери и с каждой площадки выглядывало несколько любопытных лиц. Швейцар шикал на нас, и носилки исчезали в темной пасти двери... и ночь дышала болезненной, тяжелой, жуткой тайною, которая пела о заразных, едких болезнях, о

На стр. 58—59, 62—63 рисунки Юрия Анненкова

безысходном отчаянии и об одинокой, холодной смерти...

3 Грации

Против двери лечебницы на пьедестале стояли гипсовые три грации, запыленные, грязные и исписанные режущими глазами словами. Это снова судьба сыграла пародию и поставила трех граций перед дверью лечебницы для венерических и кожных болезней.

Но кто-то, по-видимому, раз польстился на трех граций, ибо одним утром пьедестал стоял пустой — трех граций не было...

III Этаж

На следующем этаже была вывеска: «Madame Eudoxie de Paris. Salon de confections pour madames».

Madame Eudoxie из Парижа была не чем иным, как вульгарной, слащавой, толстой русской бабой с грубым извозчицким голосом и манерами. Почему-то она считала себя особенно экзотичной и решила для тона быть французенкой...

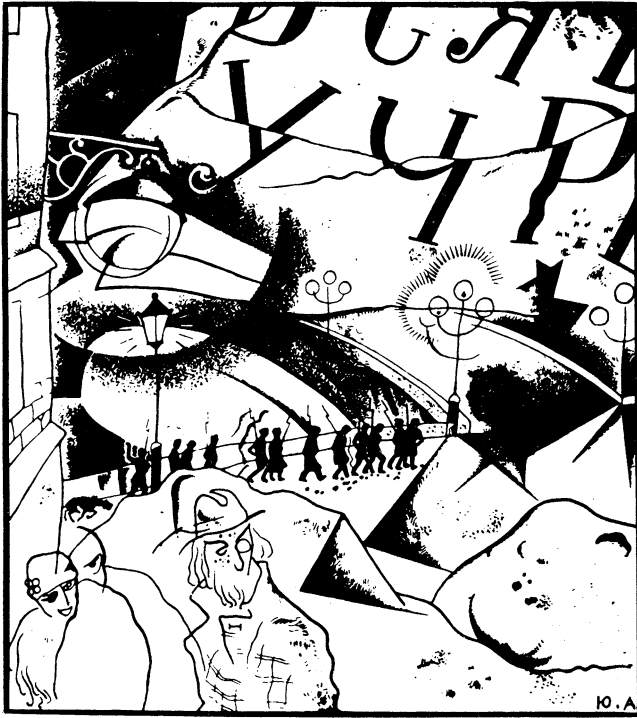
Своего возлюбленного, которого она нашла на Сухаревке, он торговал там пинурками для сапог, она называла Жаном, избегая прозаичного имени Ваньки.

Но иногда в ателье мадам Евдоксии раздавался безбожный шум и переполох, слышалось шлепанье пощечин, истеричные крики, звенела посуда... Девочки выбегали на площадку и кричали: «Слышь! Дунька-то опять взбесилась — с Ванькой дерется, точно белены обожралась, стерва!» И madame Eudoxie вдруг превращалась в Дуньку.

Под конец она сама выбегала на лестницу, красная, и, тяжело дыша, кричала на весь дом: «Ах он негодяй, подлец, бездельник, вздумал тут хозяина играть! Вон, вон из моего дома!»

Напротив Дуньки жила неофициальная гадалка, имевшая два зала, один для мужчин и другой для женщин...

И было очень странно, гадала она, по-видимому, только по ночам, и те, кто приходил, как-то виновато, боязливо кралась, оглядываясь по сторонам, вдоль стены... Гадали целую ночь, так как лишь утром снова выходили и так же виновато кралась вниз и облегченно вздыхали, когда за ними захлопывалась дверь под ворчанье Елены, ждавшей на чай.

Мумии

Этажом выше жили Степановы. Муж с женой и прислуга — старики... Целый день сидели в кухне и дули чай с блюдечка, вприкуску...

Оба восемь лет уже не разговаривали друг с другом, после «случайной» измены мужа... они были точно иностранцами, и служанка Анюта служила им переводчицей. Восемь лет сидели они друг против друга в кухне и пили чай, манерно, как манекены, а когда хотели сказать друг другу что-нибудь, подзывали Анюту и громко говорили ей:

«Анюта, передай Николай Ивановичу, что сестра его только что звонила».

И Анюта тут же передавала ему сказанное... получался, понятно, смешной и ненужный абсурд.

Когда приходили гости, их усаживали в кухне за стол и заставляли пить чай. Его родственники садились к нему и не говорили с ней, а ее родственники не обращали на него никакого внимания...

А беспартийный молча пил чай и не знал, говорить ему или нет, а если говорить, то как говорить?

И вот наконец последняя дверь. Сердце мое беспокойно бьется, дыхание прерывается. На медной дощечке: «Степаниа Ивановна Студенцкая». На звонок: «перевернуть». Я верчу. Дребезжащий звонок... там, внутри, суматоха, суетливые крики, шлепанье туфель... вот — она у двери... истеричный голос: «Кто там?» «Я!» «Кто я?» — злой вопрос. «Я! Володя!» Дверь открывается — бабушка, растрепанная, съехавшая юбка, незастегнутые башмаки, морщинистое лицо...

«Где таскался опять? Все уходят, все убегают, меня одну оставили, — на мне вся работа, надоело, брошу все, не стану ничего делать больше, опротивели вы мне все — неблагоприятные!» — выкрикивает она резким, гортанным голосом.

Я делаю вид, что не слышу, кладу пальто на сундук, заваленный всякою рухлядью, прохожу мимо нее... иду в столовую. Думаю: неблагоприятные? Да за что благодарить, за этот ад, который она ежедневно приготовляет нам? В столовой кавардак, два треснувших окна, заклеенных зеленой бумажной полосой, выходят на помойные ямы Спасских казарм, дальше Сухарева башня... перед окнами два некогда зеленых, теперь же только грязных и потреланных кресла, Павел топает по ним в подбитых гвоздями башмаках... Неубранный книжный

шкап, на нем уродливое, пыльное чучело лисицы. В середине стол, на нем невероятно грязная запятнанная скатерть, кругом стулья с дырявыми сиденьями. У стены буфет, с обеих сторон кровати, одна прикрыта синей шторой, другая за качающейся зеленой поломанной ширмой... выцветшие обои в сальных пятнах и запачканные мухами и клопами...

Обсыревший потолок весь в трещинах...

Дальше красная гостиная времен Николая I, также обветшавшая, треногие поломанные стулья, безрукие фигуры, забросанный бумагами и письмами письменный стол.

Затем узкая бабушкина спальня, заваленная тряпьем и заставленная сундуками.

А там ванная, холодная и грязная.

На другой половине — грязная кухня, холодная плита, сонмище рыжих тараканов и тучная, коптящая керосинка. Сбоку железная кровать, завешанная мокрыми серыми полотенцами...

А там, дальше, комнаты жильцов... Музыкант с женой Анютой и ребенком Валею. А там проститутка Паня, еврейка Эсфира... Все они яркие типы из самых разнообразных слоев общества, — люди самых различных мнений и мировоззрений...

А над всеми ними ужасный дух разрушения, гнили и бабушкиных истеричных выкриков — и наши угрюмые, замкнутые, злые, голодные лица... во всей атмосфере зловещая напряженность...

Рядом с кухней, в маленькой комнатке, выходящей на двор и помойку, живет Анюта с мужем. Он музыкант, играет вечером в синемафотографе, а днем снует по Сухаревке и спекулирует. Это прибыльнее.

Бледная Анюта целый день сидит, облокотившись у окна и, глядя на помойку, мечтает об иностранной любви... Я рассказываю ей о рыцарях, и она говорит: «Ах, я бы хотела, чтоб в меня влюбился какой-нибудь англичанин — Ринальд или Артур, — ведь любовь иностранца, это, должно быть, нечто совсем иное...» Мучила маму давать ей английские уроки... Уроки начинались и кончались с: «I love you...» За это мы получали несколько лепешек. Но иногда приходила сестра Анюты, толстая баба, торговавшая на Сухаревке обувью, воняла потом, кожей и еще чем-то сухаревским — и тогда Анютины иностранные мечты умирали...

Анютин двухлетний сынок — рахитик Валя, с большой головой и глазами как два вопросительных знака (мы почему-то звали его Марсианином), — носился весь день по коридору с огромным куском сыра во рту... Наш голодный Павел иногда охотился за сыром, манил Марсианина в столовую, привязывал за ногу к шаткой ширме и начинал щекотать его. Валька орал, сыр выпадал изо рта и исчезал в Павлином желудке.

Проститутка Паня сняла у нас комнату, была еще очень молода и комична, постоянно смеялась, немного картавила и говорила: «Мой дядюшка, мой дядюшка обо мне заботится, мой дядюшка меня балует, он мне дает столько денег, сколько я хочу...» Впоследствии мы узнали, что был не «дядюшка», а «дядюшки»!

Мы ее приняли, но не знали, как с ней обращаться.

Раз вечером Паня одним глазом заглянула в столовую и увидела, что мы пьем пустой чай... она смущенно постучала и вошла. «Ядвига Максимовна, если не побрезгаетесь, приходите ко мне чай пить — у меня и самовар кипит, и пастила, и халва, и изюм есть... вы небожь образованные, а чай без ничего пьете, разве можно так!»

Мы сперва смутились, замаялись, не знали, что делать, пойти или нет, — а приманка была сильна... Паша покраснела, ждала... Дядя Саша сказал бы «буржуазные предрассудки»... Мы решились и пошли.

Паня сняла, комнатка была светлая, разукрашена сентиментальными карточками и японскими веерами, совсем как у невинной девушки.

Мы не пожалели, что пошли. С тех пор Паша не хотела ни есть, ни пить одна, а всегда приглашала нас...

Она ничуть не стыдилась и не ощущала своей профессии позорной.

Большевичку Эсфиру мы не любили и звали ее

«коммунистической ласточкою». Она была рожденным агитатором и, оципывая в кухне жирного гуся, проповедовала об уравнивании жизненных условий, о братстве, равенстве и свободе, а мы стояли и разгоревшимися глазами следили за жирным гусем... Паню она называла «жертвою общественного темперамента».

В кухне у нас резидировала несчастная, чахоточная теософка — Мария Александровна, спала в кровати под качающимися грязными полотенцами. Утром здоровалась с тараканами и делала ритмическую гимнастику, чтобы согреться... Называла маму — «мой деваханический друг» и мечтала о Германии, как мы о синей комнате.

Прислуга наша Аннушка — или Мартышка, как звали мы ее, — толстенная, старенькая, сентиментальная подагричка, влетает в кухню в растрепанных чувствах, говорит: «Я не могу больше тут оставаться, барыня, ей-Богу, не могу! Жена Адриана приехала и грозитя облить меня серной кислотой, — как увидит! Я ни минуты больше остаться тут не могу...» И расплакалась... Ей уже за сорок, и Адриан, противный грязный дворник, — ее первая любовь...

Ежедневно приходила наша нянюшка и таинственно вытаскивала из разных карманов и дырочек свертки бутербродов и бутылочку молока и говорила: «Ешьте, ребята, ешьте на здоровье, проголодались небось, бедные!» Мы набрасывались на съестное и проглатывали... Дорогая наша нянюшка, она служила теперь у богатых евреев и экономничала где могла, лишь бы только накормить нас — ее питомцев...

А маме все повторяла, покачивая головой: «Ох, барыня, боюсь я, придет он, узнает, ведь он убьет вас, ей-Богу, убьет! Вы ведь знаете, каков он!» Это она боялась насчет развода мамы с «ним», а мама спокойно отвечала: «Ничего, нянюшка, авось Господь поможет!»

И наконец самая ужасная фигура Красного дома — наша бабушка.

Мы ненавидели ее всеми фибрами души... Ненависть наша была на желудочной почве, — она заведовала хозяйственным отделом и все копила, на всем экономила и тиранизировала нас своими настроениями и своим недобольством...

Когда дверь в кухню была открыта, мы видели, как она нетерпеливо стояла перед керосинкой и ежеминутно совала нос в кастрюлю, а то вынимала из супа пальцами еще сырую кость и начинала глотать ее, потом клала обратно в суп... или ела сырую, тухлую конину или гнилую картошку...

Нас тошнило. Или, когда пекла лепешки, вдруг схватывала горячую со сковороды и жадно проглатывала ее, морщась и обжигаясь...

Павел, стоявший где-нибудь в углу, жадный и злой, напряженно наблюдал за нею, как бомба влетал в столовую и кричал: «Я видел, я видел — она сожрала, лепешку сожрала! у-у, ведьма!»

Тогда бабушка оборачивалась, начинала топтать ногами и кричать в истерик: «Проклятые! жить мне не дают, за каждым куском смотрят!» Крик ее был ужасен, даже соседи сбегались... Бежала она за Павлом, хватала его и тащила в темную, вонючую ванную к крысам... Павел извивался, кричал: «Ангел мой, дорогая моя, бабуся моя, я люблю тебя, обожаю тебя, ангел мой драгоценный, золотая моя! не буду больше, никогда не буду, серебряная моя!»

Она ему на минуту верила, отпускала, умиленная... Но только он освобождался от ее когтей, бежал в угол и оттуда кричал озлобленный: «У-у, ведьма проклятая, старуха! ненави-ижу — у-у как ненавижу!»

И трагедия начиналась сначала... Павел был ее злым демоном, а она его. С Верой была та же самая история, они постоянно дрались и царапались, а потом шли и показывали нам свои раны...

А я сидел угрюмый и затаил всю ненависть во мне, целый год не говоря с нею ни слова... Наша ненависть была так сильна, что она нас крепко привязала к бабушке. Это был настоящий гипноз, постоянная, смертельная игра в кошки-мышки... Мы никогда, ни на минуту не выпускали ее из виду, а она нас... Когда

Эсфира вечером уходила, бабушка прокрадывалась к ней в комнату, а мы сквозь ключевое отверстие наблюдали, как она воровала и сжирала ее мармелад и отрезала себе ломти хлеба и затем все бесшумно, быстро прятала с движением маяка... Мы никогда никому об этом не говорили, но ненависть наша росла. Мы так ненавидели ее, что она видимо иссыхала, но и мы сами сохли и сторали от нашей ненависти. Это стало нашим психозом.

Раз в неделю она уходила к Алексею Васильевичу, перед тем наряжалась, красилась и надевала парик. Приходила иногда очень веселой, а иногда очень злой, смотря по тому, как он принимал ее.

В ее отсутствие мы отпирали шкаф тайным ключом, воровали муку и начинали печь лепешки, на воде вместо сала. Раз произошел взрыв, керосинка лопнула, кухня загорелась, мы насилу потушили огонь, в это мгновение слышу — поворачивается ключ в двери... Она! Входит злоющая, — захватывает нас на месте преступления, находит ключ в шкафу, который мы забыли запереть... и устраивает невероятный скандал... С тех пор она перестала вообще выходить из дома, и жизнь стала совсем невыносимой... Вся атмосфера была насыщена ненавистью и бабушкиными ужасными истериками...

Но не одна она была нашим бедствием, кроме нее в квартире были ужасные существа — крысы. Они завелись в нашей квартире с тех пор, как голод стал нашим постоянным гостем... Днем нас мучила бабушка, ночью — крысы... Они были настолько дерзки, что совсем не стеснялись ночью бегать по нашим кроватям, даже пробегали нам по лицу. Раз даже крыса прогрызла мою подушку и целую ночь сидела в ней, а я спал и удивлялся, отчего это моя подушка шуршит и двигается, пока наконец из нее не выскочила крыса... Мама боялась, что они откусят ей нос... В углу под иконою завелась рыжая крыса, садилась на край и умными блестящими глазами смотрела на нас и слушала, а мы переставали разговаривать и прятали лица в подушку... Павел просыпался и начинал гнусить: «Мама, я есть хочу!» Мы шикали: «Шш, шш, рыжая крыса сидит на иконе!» Он сонливыми глазами скептически оглядывал рыжю крысу и продолжал ныть: «Что крыса, крыса, — я небось есть хочу!»

Наконец по рецепту маминой подружки Лоры мы спекли пирожков с мышьяком и подложили крысам. На пирожки ушла наша последняя мука, но мы думали — «нам Бог поможет, авось крысы сдохнут...»

Ночью рыжая крыса пришла, обнюхала пирожок, скептически взглянула на нас и жадно съела его... Мы как загнипнотизированные смотрели на нее и думали: «Теперь конец, больше уж не придет!» Вторую ночь мы спокойно разговаривали и уже больше не боялись крысы, как вдруг шорох — и на краю иконы появилась рыжая крыса и злорадно улыбается нам, смеется нам в лицо... мы разнервничались и всю ночь плакали в отчаянии... Решили еще раз употребить пирожки с мышьяком, но опять без всякого действия, крысы пожирали пирожки и все толстели и становились все наглее. Они терроризировали нас.

Ванна наша была засорена и наполнена грязной, темной водой.

Раз бабушка вылетает как полоумная из спальни и кричит в ужасе: «Там крыса, крыса! Дохлая крыса утопилась в ванне! Я больше не могу спать в спальне! бррр...»

Мы все с ужасом оглядывали утонувшую крысу, но никто не пашел в себе смелости вынуть ее и выкинуть на помойку... Никакие уговоры не помогли... Целая неделя прошла, а крыса все еще лежала в ванне и начала разлагаться и ужасно вонять...

Наконец Павел согласился за вознаграждение, за три лепешки, удалить вонючую крысу. Вооружился длинной кочергой, пошел, выудил крысу и, далеко протягивая руку, нес ее к помойке... за ним шла, отплеываясь и фыркая, бабушка, за ней Вера, затем мама, я, Пяня, Аня, Эсфира, и Марсиянин с куском сыра заключал процессию. Но Павел так и не донес

Владимир Лебедев. Новая аристократия (1918)

крысы до помойки, ему сделалось дурно, и он кинул крысу в окно. Крыса упала на голову случайно проходившей madame Eudoxie, которая чуть не лишилась чувств и устроила нам ужасный скандал, даже грозила судом... Павлу здорово попало, и он со слезами ругался: «Теперь сами можете выуживать ваших крыс!»

В октябре восемнадцатого года основали домовый комитет, так как приближались тяжелые времена...

Выбрали председателем какого-то чиновника-спекуланта, на дворе повесили набат для случаев опасности.

Парадную и ворота начали запирают и заваливать бревнами.

Дом стал республикой.

Раз ночью, часа в два, вдруг гулко забил набат. Мы все в невероятном испуге проснулись, вскочили, напялили шубы на рубашки и, держа салфетный мигающий огарок в руке, трясась, шли по скользкой, вонючей, грязной черной лестнице. Там у помойной ямы стояли уже несколько темных фигур под красным светом мигающих свечей и испуганно перебрисывались обрывка-

ми фраз: «Большевики... наступают... перестрелка... Казанский вокзал... полон солдат... Спасские казармы... сдаются, опасность... запираются... тушить свет... разбой, обыски... ворота... завалить дровами...» Несколько мужчин начинают таскать дрова... я думаю: «Зачем? Ведь захотят прийти — все равно придут!»

Вдруг невероятный гром разрезает ночной воздух... все вздрагивают... «Что это? Снаряд! Близко! Идут! Ради Бога! Господи унаси!» Женщины плачут, кричат... все бегут по квартирам... «Лестницы сторожить!» — кричит кто-то... Мы на нашем подъезде разделяемся на патрули... почти все женщины, — но не беда. Я с мамой, затем Вера с Николай Ивановичем и бабушка с г-жой Степановой сторожили лестницу...

Мы с мамой сидим у забитого досками подъезда... Все темно... Квартиры дышат ужасом... а мы спокойны, свободно дышится...

Ночь вдруг оживает... начинает дышать... Грохочут разорванные бомбы... появляются двуглазые автомобили и бесшумно пролетают мимо... С Казанского вокзала

все время проходят, точно тени, отряды солдат с насаженными штыками. Слышится еще умирающая где-то песня в ночи... «Наста-ал паа-аследний ре-ши-и-тельный бой...» На углу слышатся крики, бьются, знают... Слышим — громят чайную, дверь валится... Мелкою дробью трещит пулемет... Взлетает над Спасскими казармами светящаяся ракета. На мгновение висит в воздухе, потом рассыпается во тьме... На углу идет бой... Иногда отдельные крики, трещит пулемет... звенят разбитые окна... одна шальная пуля пробивает стекло у парадной, жужжит над нами, вбивается в стену...

У ворот стук: «Отвори ворота!» Страж, по-видимому, в испуге удрал... ответа нет... «А ну-ка, братцы, — штыками!» Ломят ворота... Тяжело падают... врываются... В квартирах вдруг ужасный шум... крики... Приоткрывается дверь, — кричит кто-то: «Обыск!»

Мы бежим вверх, как раз стучат прикладом в дверь. Я отпираю. Врывается шесть человек — молодые солдаты. Хватают меня: «Кто тут стрелял?» — «Тут никто не стрелял!» — «В доме стреляли!» — «Врешь!» — «Мы весь дом разнесем, коли у кого оружие найдем. Всех вас выведем и по очереди расстреляем». Меня обыскивают, обыскивают комнаты, под диванами и постелями... Запечатывают форточки, уходят... Вскоре наступает тишина, но дом долго еще дышит ужасом... Восемь дней длится бой. Большевики побеждают... масса жертв...

С тех пор ночи «живут», горят костры, на каждом углу стоят патрули красногвардейцев... звучат выстрелы, крики, пролетают бесшумно двуглазые автомобили... но мы привыкаем...

Жизнь стала еще тяжелей, продукты еще дороже и бабушкины истерики чаще... Но все было бы, может быть, еще с грехом пополам, если не было бы еще третьего больного места, которое как червь точило наши души... И это была боязнь перед неизвестным... Многие военнопленные уже приезжали, и возможно было, что и он скоро приедет... что тогда будет? Отдаст ли он меня маме, обойдется ли все без скандалов и трений... И мы с мамой целые ночи говорили, говорили, как чахоточные, которые, зная о скорой смерти, хотят выжить... На черной лестнице ужасно пиццали голодные кошки, как младенцы... А мы говорили, говорили... Мечтали о том, как будем вдвоем в синей комнате спокойно жить, только вдвоем, вдали от ужасного Красного дома, от всех истерик и психов... «Боже! скорее бы... кончилась бы наконец эта нескончаемая мука!» Но конца не было видно.

Иногда на Чистых прудах я встречал господина с

красным лицом и рыжими усами и испуганно думал: «он». Но он не был «им»...

Бабушкина квартира была раньше квартирой управляющего гостиницей «Москва» и была отделена от нее лишь деревянной панелью... В гостинице «Москва» в последнее время жили исключительно воры, проститутки и спекулянты...

Раз ночью рядом с бабушкой раздались невероятные звуки, хриплые крики, женский плач. Бабушка в испуге вскочила, подозвала нас... Мы прильнули к стене... Слышались отдельные слова, отдельные выкрики: «Стерва... где шаталась? А?» «Я дома была», — пиццала женщина. «Где дома была? — рычал мужчина, по-видимому пьяный. — С кем шаталась, говори!» Она прилепнулась к стене, он стал наступать на нее, тяжело навалился и стал колотить ее... Мы стали стучать... Женщина все тише и тише стонала. «Это еще кто там?! Сволочи, чего хотите, я сам справлюсь», — орал пьяный и продолжал колотить. Тело женщины повалилось, он лежал на ней и колотил...

Мы стояли в ужасе и не могли помочь... Наконец кто-то стал ходить, в дверь начали стучать. В комнате все затихло... Дверь проломали... Мы слышали, как шумно схватили мужчину, связали его... над женщиной кто-то долго стоял, наклонившись.

Наутро из гостиницы «Москва» выносили на носилках завернутую в простыню безжизненную фигуру.

Мне поручено было ежедневно выносить в помойную яму помойное ведро... Помойку из ямы с ноября уже не вывозили, и двор весь был полон вонючей, разлагающейся гряди...

Раз вечером я в кожаной меховой куртке сидел в зеленом кресле и писал мои записки. Бабушка пристала ко мне: «Иди, вынеси ведро!» «Сию минуту!» — продолжал писать. «Ну, ты пойдешь? а то я сама пойду!» А сама не двигается... Так пять минут, наконец я бросаю тетрадь и иду с вонючим ведром вниз по скользкой лестнице. Внизу паталкиваюсь на Адриана. «Это вы?» — спрашивает он меня. «Я», — отвечаю я. «Ради Бога, не ходите пока туда, тут только что шулера в чайной поймали, сейчас расстреливать будут».

Я становлюсь в двери. Ночь черна. Посередине двора огромная черная куча — помойная яма... Слышу топот сапог... Вот выделяются четыре тени... Ставят одну тень к стене: «Стой, ни с места!» Трое отходят: «Молись, а не хошь, как хошь! готов? раз, два, три!» Три выстрела, тень у стены исчезает, слышу падение... Три остальные тени разрывают штыками дыру в помойке и зарывают четвертую тень... Я опорожняю ведро... Наверху все в переполохе, обступают меня: «Что там было, кто там

стрелял?» Я молчу, говорю: «Не знаю, я ничего не видал...» Это мистерия.

Почти ежевечерне мы с мамой, или я один, ходим на лекции или в театр, чтобы хоть на несколько часов не смотреть в глаза разрухе и гнили...

Сидим в Художественном театре на «Синей птице» Метерлинка... Упиваемся вот уже третий раз мистикой сказки. Рядом с нами господин, просто заговаривает, обращает внимание на мой египетский амулет, который я всегда ношу на груди: «Какая дивная вещь, где это вы ее достали?» Мы разговорились. Он адвокат; рассказывает нам свою трагедию.

«У меня тут есть связь с одной артисткой, очень милая дама, вообще мы очень были дружны вот уже шесть лет, но вы посудите... Достала она где-то 2 фунта сахара, 2 фунта, да, 2 фунта сахара, белого сахара... И сказала мне, и я сам у нее в буфете его видел, а я прихожу к ней, и дает она мне пустой чай, пустой чай, а о сахаре ни гу-гу, точно его и не бывало, но я ведь знаю, что сахар у нее есть. Ну подумайте, скажите сами, разве не подло это? разве так поступают с друзьями, разве это любовь? Ну я так и перестал ходить к ней с тех пор».

Мы вполне оправдываем его...

Возвращаемся домой, оба в ночи, счастливые — на минуту. Проходим мимо Сухаревой башни, там солдаты развели огромный костер и сидят вокруг, греются и поют песни... молодые, безусые, со смелыми, отважными лицами... и теперь, вне службы, вне будней, все они добрые и мягкие, ругаются так же, как и днем, но без злых мыслей, иногда в забаву, чтобы вспугнуть буржуев, начинают палить в воздух, но все без зла, как дети... И нам завидно, вот бы тоже так бросить все, все и жить только сегодняшним днем, забыть все, быть ребенком... Снова идем во тьму... На углу нас окликают: «Стой, кто идет?» Мы не отвечаем, мы не знаем, как ответить. «Мы», но ведь «мы» — все, а от имени нашего ему тоже дохода никакого... Начинает палить... Мы прислоняемся к стене и бежим, добегая до парадной и исчезая в пасти Красного дома...

Днем иногда хожу на Сухаревку, там самая разношерстная публика, вдоль тротуара сидят китайцы в синих ватных одеждах, там гадалычики с популками за десять копеек говорят всю правду о прошедшем и будущем... Там баба торгует зеленым и оранжевым квасом и гнилыми яблоками... сбоку сидит нищий с ребенком-поводком и поет народную сибирскую песню... На углу стоит старый генерал, торгует газетой... Я покупаю, даю ему рубль, он радостно благодарит... Я говорю: «Неужели вы можете быть довольны?» Он кивает: «Старое забыто, я рад хоть 10 рублей в день заработать...» И ни злобы, ни ненависти... Тихая детская радость и упование...

Трамвай проезжает, на нем черная бахрама людей... Вдруг останавливается... Люди выскакивают; волочат мальчишку лет девятнадцати — должно быть, карманщик... «В комиссариат, в комиссариат!» — кричат некоторые. «Так тебе и поведем в комиссариат! ишь чего выдумал!» Дамы подбегают, поднимают зонты, начинают колотить карманника по голове, по животу, и минуту видны только поднимающиеся и опускающиеся кулаки... Карманщик падает... его поднимают, несколько раз встряхивают и, если он не движется, несут в комиссариат. На Сухаревке народу тьма... Торгуют всем, что только можно вообразить... Вдруг подымается крик... «Казак, казак оцепляют, спасайся кто может!» Получается давка, все бросают, все бегут, бегут в объятия казаков, стрельба, крик, гул, паника... Сухаревка совершенно пустеет... но не проходит и получаса, как все снова в сборе... снова та же толкотня, ругань и давка...

Проезжает телега. На ней прикрыт рогожкой покойник. В ногах его два мужика, сидят раскачиваясь, играют в дурака, галдят, шулерничают, а рядом бречит пустая бутылка денатурированного спирта... Веселый покойничек!

В Уланском переулке стоит толпа и колыхается... Я подхожу: «Что тут такое?» Кое-кто оборачивается: «Ки-

таец, задуманный, под снегом...» Все это сказано просто и апатично... Из-под снега выглядывает голова и кончики ног китайца, голова синяя, выкатившиеся глаза и высунутый язык, а рядом лежит мокрый, разорванный бумажный веер точно брошенный невпопад.

У Анюты болел Валька, денег нет, она посылает мужа к сестре одолжить рублей двести. Он идет, с трудом выманивает у жадной, скупой свекрови двести рублей и направляется счастливый домой... По дороге в переулке встречает проститутку, она хватает его под руку: «Голубчик, красавчик, есть деньги? Пойдем со мной, пойдем, голубчик, я проголодалась, замерзла, ни копейки в кармане нет, ей-Богу, со вчерашнего дня не жрамши!» Он идет с ней, отдает ей все деньги. Жена ждет, ребенок в жару. Он приходит... «Ну что, достал?» — «Достал». — «Принес? где?» «Анюта, — говорит он, — прости, я отдал их проститутке, она два дня ничего не ела!»

Ребенок в жару, Анюта не может понять, но прощает...

Мой товарищ — Лялин — умирает от чахотки, при нем пять друзей, он говорит: «Вот, друзья мои, деньги мои вы можете пропить, только немножко на похороны оставьте да меня не забывайте!»

Друзья уходят... идут в ночную чайную, пьют денатурированный спирт, пропивают все деньги, и те, что на похороны, делают, кроме того, долги. Пьяны вдрызг, начинают драться. Сгоряча стулом убивают лакея... Приходят красногвардейцы и троих расстреливают. Четвертый убегает... А Лялин умирает только на следуюший день. Так он переживает троих товарищей...

У подружки маминой, Наташи, зоб. Она год тому назад была у гадалки, и та сказала ей, что через год у нее зоба не будет... Наташа служит на почте, имеет две комнатки, живет спокойно и уютно, мы раз в неделю заходим к ней и за самоваром отдыхаем от неврастении Красного дома...

Раз мы приходим к Наташе, отпирает нам ее мать. «Наташа дома?» «Наташа четыре дня тому назад умерла», — спокойно отвечает мать... нас это поражает...

А дома ночью долгие, тревожные разговоры, мечты о синей комнате... и боязнь... авось все уладится, все обойдется!

Раз ночью, в январе... часа в два, мы все еще мечтали... Вдруг проехал одинокий извозчик, остановился у подъезда... что-то екнуло у меня в груди... Хлопнула дверь... раздались медленные, тяжелые шаги...

«Должно быть, к слепой Левиной», — громко говорю я и сам вдруг пугаюсь своего голоса.

Шаги идут дальше... тяжелые...

«В лечебницу, должно быть», — говорит мама, голос дрожит...

«Должно быть, Ванька Уваровский», — шепчу я, а сам не верю и хочу заглушить едкую боль в груди.

Шаги подымаются, за ними волочится что-то тяжелое.

«Должно быть, Степанов возвращается из клуба...»

Шаги прошли мимо Степановых. Мы в невероятном испуге вспрыгиваем... .. «он!!!»

Сердце бьется, точно хочет вырваться. Шаги останавливаются у парадной, кто-то тяжело, громко дышит... Рука ищет звонок... Резкий звонок...

Мама смотрит на меня ужасными глазами: «Как ты бледен».

Я смотрю на нее, она бела как смерть. «Как ты бела», — повторяю я как эхо и не слышу своего голоса.

Мы стоим, оба трясемся, оба боимся идти, боимся, что предчувствие наше оправдается...

«Иди ты», — говорит она.

«Иди ты», — говорю я.

«Нет, ты пойдись...»

«Ты боишься», — говорю я.

Звонок повторяется, резче, громче.

«Я иду», — говорит она.

«Я иду», — говорю я.

Идем оба, отворяем дверь.

Он.
Красное лицо, на рыжих усах иней... тот же.
Чемодан и... мешок...
...Мука!!!...
Мы здороваемся... Павел просыпается и плачет... Из
двери выглядывает голова Пани, удивленная: «Гости —
в такой час?»
Бабушка в рубашке прикачивается, Вера встает...
Сердце гулко-гулко бьется...
Теперь... скоро... развязка.
Мама отдает ему свою постель, идет спать в кухне,
к Марии Александровне... я шепчу: «Помни, что бы то
ни было, я с тобой!»
Ширма качается под кем-то чужим, холодным.
Я притворяюсь спящим...
Первые дни уже с бабушкой скандал. Мария Алек-
сандровна вылетает, она не может вынести его флюидов.
Он говорит: «Забирайте ваши вещи, мы уходим из
этой разбойничьей берлоги, у меня есть квартира, есть
деньги...»
Мама говорит: «Я остаюсь тут — я тебя все писала.
«Я ничего не получал», — лжет он и отворачивается.
Наступает неловкое, напряженное молчание.
Павел лежит на кровати и предает, громко, отчетли-
во говорит: «Александр Сергеевич Челищев!»
«Кто это?» — вспыхивает он.
Мама собирается духом: «Это мой муж! другого я не
имею».
Он быстро выходит в кухню, вынимает белый пла-
ток...
На минуту нам его жалко.
Затем он возвращается, глаза его сделались белыми,
он ни на кого не глядит.
Мама говорит: «Мне надо поговорить с тобою...
Дети...»
Они идут в гостиную, закрывают дверь. Я стою у
окна и молюсь... «Господи, дай Бог, чтобы все было
благополучно! Дай Бог!» Внизу на улице старуха тянет
салазки, спотыкается, скользит... На салазках мертвый
мужчина, ноги волочатся по мостовой, а поперек живота
лежит у него мешок с картошкой...
Из гостиной доносятся мне отдельные слова...
«Дети идут со мной», — говорит он.
«Нет, — старший остается у меня, мы не можем, мы
не можем расстаться!»
«Хорошо, — говорит он, и голос начинает кипеть, —
хорошо, делайте что хотите, я ни копейки не дам. И
муку забираю».
«Мука остается тут! Неужели же ты сможешь унич-
тожить твоего ребенка?!»
Молчание. Вопрос остается открытым.
Он уходит.
Снова та же вольтанка, снова мама в кровати за
зеленой ширмой.
Снова мы мечтаем, и туда и сюда, как быть, что делать,
снова червь — неизвестность — точит нам душу...

А днем голод, холод и бабушкины истерики...
Я чувствую, что больше так жить нельзя, не могу
так дальше, нервозность дошла чуть ли не до истерии...
случится что-нибудь ужасное... я так дальше не выдер-
жу, схожу с ума...

Мы с мамой бродим как тени и изнываем от неизве-
стного...

Ночью мама говорит: «Володинька, друг мой, я не
могу так дальше, — на моей совести останетесь вы, —
вы изголодаетесь, — я хочу из вас людей сделать... ведь
разлуки нет между двумя душами, что любят...»

«Разлуки нет... — механически повторяю я, — раз-
луки нет». А то, что внутри меня, кричит красным
криком: «врешь, есть, есть, есть разлука!»

Но дальше так страдать не могу, не могу медленной
пыткой убивать себя и маму, сил нет больше. Лучше
смерть, чем такая мука неизвестности...

И бросаюсь прямо в пропасть, прямо в мою смерть...
Иду и говорю ему: «Я решил, я еду вместе с вами
в Германию».

И уйду. Возврата нет. «Теперь конец, теперь я убил
себя!» — думаю...

«Теперь разлука, а разлука — смерть!»

А ночью говорю маме: «Я решил, я еду... ведь
разлуки — нет!» — говорю, а голос трясется, и слезы
льются из глаз.

«Разлуки нет», — глухо повторяет мама, и знаю —
не верит...

Оба не верим и стараемся обмануть друг друга и
себя...

«Все равно, — думаю, — смерть одна, тут от голодов-
ки, там от разлуки...»

Иду умирать... а так хочется жить! так хочется
остаться тут, в Москве, среди родных, близких лю-
дей...

Но встает передо мной Красный дом и скалит челю-
сти... Нет! нет! только не в Красном доме!

И так ночь за ночью теперь мы мечтаем, как и когда
снова увидимся, мечтаем о спокойной, ясной жизни
вдвоем... «Тогда — будет — воскресение!» — думаю я...
и еще думаю... «А увидимся ли еще когда-нибудь?» И
нет надежды.

Красный дом не легко выпускает свою жертву...

Ночи долгие, бессонные проходят... близится час
разлуки... а мы мечтаем хотим заглушить режущий
голос, поющий о смерти...

И так хочется жить... ведь так молоды мы...

И вдруг мама скажет: «А помнишь, в Германии было
такое вкусное тягуче-черное желе из яблок — тянет-
ся — Apfelkraut — помнишь? Наверно, можно достать
его. Вот станешь мазать его на хлеб...»

И чудится тягучий Apfelkraut и манит вдаль... и
вдруг во сне — превращается в липкую черную гущу
жизни, из которой нет выхода. А так хочется вынырнуть
из гущи... жить по-детски, бездумно, улыбочато.

И близится Час Разлуки.

СТАНУТ ЛИ

Павел НЕГРЕТОВ

Наш постоянный автор П. И. Негретов прислал свои заметки, когда готовился к печати выпуск «Странника» со статьей Владимира Кантора «Поможет ли нам Запад?». Ничего не зная в ту пору о статье Кантора, Павел Иванович, однако, словно бы продолжает начатый разговор.

МОСКОВИТЫ С НОВА РУССКИМИ?

Анна Николаевна отсидела на Воркуте десять лет как член семьи репрессированного. Освободилась в 1947-м, в 1956-м добилась посмертной реабилитации мужа и через год уехала в Москву, где ей дали однокомнатную квартиру. (До ареста у них было семь комнат.) За конфискованное имущество она получила компенсацию, за десятилетний срок — двухмесячную зарплату. Из прежней жизни А. Н. сохранила в неприкосновенности три вещи: любовь к сыну, который вырос у тетки, неверие в Бога («Религия очень примитивна», — говорила она) и веру в социализм.

— Нет, что ни говорите, — как-то сказала она мне, — а социализм должен быть. Не могу забыть одного случая на «Капитальной». Я переходила лужу по узким доскам и встретилась с заключенным, катэром. Он заметался и в своих худых ботинках стал в воду, чтобы дать дорогу мне, вольной... Зачем, подумала я, эта Земля, зачем где-то там Марс, когда в жизни такая несправедливость?.. Нет, нет, только социализм дает надежду. Мой муж, старый член партии, был научным работником, мы подолгу жили за границей. Конечно, кто там имеет работу, живет лучше нашего, там высокий жизненный уровень. Но безработные! В начале тридцатых годов, еще до Гитлера, мы жили в Берлине. Тогда был кризис, было много безработных. К нам приходил один такой. «Этот костюм, что на мне, — рассказывал он, — это все, что я имею. На мне нет даже белья. Если я лишусь и костюма, я буду конченный человек». А вот у меня теперь работает инженер-химик, молодая женщи-

на. Как специалист она ничто, пустое место. Пусть бы только это, но она еще и склочница, из-за нее в нашем коллективе сложилась невыносимая обстановка. А уволить ее я не могу, она — молодой специалист! И все же я скажу: это хорошо, что у нас даже такого человека нельзя выбросить на улицу...

(А. Н. в то время заведовала всеми химлабораториями комбината Воркутуголь.)

Что же это такое — социализм, вера в который заставляет примириться даже с паразитизмом?

Слово это появилось во Франции полтора столетия тому назад, но понятие о нем намного старше самого слова. Долгое время у нас не поощрялось изучение истории социалистических учений. Классические очерки по истории социализма В. П. Волгина не переиздавались у нас сорок лет — с 1935 по 1975 год. Нам внушали, что утопический социализм ведет свое начало от Томаса Мора и Кампанеллы, хотя сами они считали своим предшественником и учителем Платона. Действительно, древность знала социальную утопию, которая появляется вместе с рационализмом. Последний приходит на смену мифологическому мышлению и знаменует собой успех человеческого ума, но из-

начально страдает порочной методологией, так как игнорирует опыт и все идеи выводит «из головы».

Как только в Европе в Новое время возрождается рационализм, так тотчас же оживает и социальная утопия как мечта о справедливом устройстве общества. Составной ее частью является требование общности имущества, коммунизма, хотя оба этих учения могут развиваться и независимо друг от друга. В то время, когда Маркс и Энгельс писали «Коммунистический манифест», социалисты и коммунисты враждовали друг с другом, потому что социализм считался тогда буржуазным движением, а коммунизм — движением рабочего класса. Маркс примирил и соединил их, назвав социализм первой фазой коммунизма.

Маркс был ученым и революционером, и революционер побеждал в нем ученого. В молодости он стал социалистом и коммунистом и в «Святом семействе» (1844) прямо указал на философские истоки новейшего социализма — французский материализм XVIII века. Таким образом, социализм молодого Маркса был умозрительным, не научным, «домарксовым». Всю дальнейшую жизнь Маркс стремился подвести научный фундамент под ненаучное учение, и его последователи с воодушевлением провозгласили, что утопия наконец превратилась в науку. Люди веры поверили в это, скептики сомневались. Критические замечания одного такого скептика из России — Н. К. Михайловского — заставили Маркса в 1877 году написать в петербургские «Отечественные записки», что ему напрасно приписывают намерение создать всеобщую историко-философскую теорию (такую теорию Маркс пренебрежительно назвал универсальной отмычкой), — он, Маркс, всего лишь показал тот путь, которым в Западной Европе из недр феодализма вышел капиталистический экономический строй. Такая неожиданная скромность не могла быть искренней — ведь теория Маркса открыто претендовала на универсальность. «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории», — сказал Энгельс на похоронах Маркса. Недаром письмо Маркса в «Отечественные записки» так и осталось неотправленным и было опубликовано только после его смерти.

Затруднения с материалистическим объяснением истории испытывал и Энгельс в последние годы жизни. Чтобы как-то с ними справиться, он стал допускать обратное воздействие надстройки на базис и их взаимодействие, что сводило на нет весь открытый Марксом «закон развития человеческой истории».

Последователи Маркса также не успели обосновать его теорию. Каутский вынужден был признать, что материалистическое понимание истории, вместе с которым «стоит и падает марксизм», еще мало разработано. Точно так же и Плеханов признавал, что ученикам Маркса некогда было разработать его теорию, другим были заняты, но, дайте срок, сделают они и это.

В 1917 году в России к власти пришли марксисты. Приведение в порядок теоретических основ учения не было неотложной заботой новой власти, но поскольку марксизм в СССР стал государственной идеологией, а он, как мы уже слышали, «стоял и падал» с материалистическим пониманием исто-

рии, то необходимо было выяснить для начала, какие общественно-экономические формации знает история. Сам Маркс на этот вопрос определенного ответа не дал. В 1859 году он говорил об азиатском способе производства, предшествующем античному и феодальному, но позже этот термин в его произведениях не встречается, хотя Маркс от него и не отказался. Так был такой способ производства или его не было? И если был, то какие характерные признаки отличают его от других формаций? Эти вопросы стали предметом обсуждения для наших ученых на рубеже 20 — 30-х годов. Дискуссия не была завершена, ее прекратили ненаучными, административными мерами, сторонников азиатского способа производства заставили умолкнуть. Вопрос был окончательно решен в 1938 году, когда «Краткий курс» дал команду марксистской науке считать, что истории известны пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая.

Через тридцать лет дискуссия возобновилась, на этот раз ее начали французские африканисты. Они были марксистами и членами французской компартии, но прежде всего они были учеными. Изучение доколониальных обществ Тропической Африки привело их к выводу о невозможности втиснуть эти общества в какую-нибудь из канонизированных формаций. Тогда они вспомнили об азиатском способе производства. Вслед за ними к середине 60-х годов, пользуясь послаблением режима, об азиатском способе производства заговорили и советские ученые. К тому времени историческая наука накопила огромный фактический материал, который явно не укладывался в марксистскую схему «истмата». Более глубоким стало и представление об азиатском способе производства.

В Древней Греции и Риме, а в Новое время и в Западной Европе положение человека в обществе определялось его имущественным положением. На Западе богатство давало власть. На Востоке государство возникает раньше имущественного неравенства и не зависит от него. На Востоке власть давала богатство, последнее само по себе, без власти, было необеспеченным, его могли отнять те, кто обладал властью. Положение человека в обществе на Востоке определялось не богатством, а близостью к власти, той ступенькой, которую он занимал на иерархической лестнице государственной службы. На Востоке государство было верховным собственником всех средств производства (главнейшее из них — земля) и всего имущества своих подданных. Коротко сказать, на Западе существовал примат частной собственности, а на Востоке господствовала государственная собственность.

Все это, в общем, было известно и во времена Маркса. Но в XX веке выяснилось, что «азиатский способ производства» был свойствен не только Азии, Востоку, — он был распространен во всем мире, на всех континентах, в том числе и в Европе (микенская Греция, например). Не надо забывать, что понятие Восток и Запад имеет не географический, а культурно-исторический смысл. Так, современная Япония — это несомненно Запад, а расположенный к западу от нее Китай — Восток.

Восточный путь развития преобладает в истории человечества, он первичен, более «естествен»,

происходит из первобытного состояния. Философы-рационалисты XVIII века, рассуждая о происхождении неравенства между людьми, не знали, что неравенство старше человечества, оно присутствует уже в стаде или стае животных и птиц, где каждая особь знает свое место в иерархическом ряду, знает, кому должна уступать дорогу и кто должен уступать ей. Вожака стада не уступает никому. В первобытной человеческой общине место вожака занимает вождь — вот вам и начало государства.

Западный путь развития вторичен, он более сложен, в нем больше культуры, меньше первозданной природы, он ведет к свободе и демократии, тогда как восточный ведет к восточной деспотии. Оба пути — восточный и западный — сосуществуют в истории, причем западный, как более сложный, менее устойчив, при катастрофах подвержен разрушению и деградации, возврату к восточному типу общества и государства, который, как говорят ученые, обладает способностью к регенерации. Так, античная цивилизация греков и римлян, осознавшая свое превосходство над цивилизацией восточных варваров, кончила тем, что пришла в упадок и полностью ориентализировалась.

Вторая дискуссия об азиатском способе производства застала, по-видимому, наше идеологическое начальство врасплох. Но оно быстро спохватилось и прервало дискуссию, можно сказать, на полуслове. Ясно почему. Социалисты XIX века были убеждены, что средства производства при социализме будут обобществлены, на деле же в реальном социализме они были огосударствлены, и наше общество деградировало к «азиатскому способу производства». Говорить о нем в нашей стране стало все равно что говорить о веревке в доме повешенного¹.

* * *

Мы пережили страшные десятилетия — страшные даже для народа, в прошлом которого были татарское нашествие и крепостное право. Сейчас многие готовы винить в нашем несчастье марксистов. Но возникает вопрос: марксизм — западноевропейский плод, однако злую роль он сыграл не в Западной Европе, а в России, — почему? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть особенности исторического пути России².

Московское государство было беднее, а расходы на оборону у него были выше, чем у его соседей. Чтобы выжить, оно должно было закрепить не только низшие слои своего населения, тяглые, но и высшие, служилые. Так оно стало типичной восточной деспотией, причем худшей среди них, потому что степень эксплуатации населения была больше, чем у других великих восточных деспотий. Такой гнет Москвы не мог не отразиться на характере русского народа.

¹ Не пользуясь марксистским термином «азиатский способ производства», Пигирин Сорокин говорил о нем еще в 1922 году (см. его работу «Современное состояние России». — «Новый мир», 1992, № 4). В наши дни М. Восленский прямо связывает такое явление, как номенклатура, с азиатским способом производства.

² Плеханов еще в 1914 году сделал это в своей «Истории русской общественной мысли», но в государстве, где правили марксисты, самое значительное произведение отца русского марксизма не переиздается с 20-х годов.

Герберштейн, посетивший Москву в начале XVI века, писал: «Неизвестно, или народ <московский> по своей загрубелости требует себе в государи тирана, или от тирании государя самый народ становится таким бесчувственным и жестоким... Этот народ находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе».

Флетчер в конце того же века сумел увидеть первоначальную причину вырождения русского национального характера: «Чрезвычайные притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее... Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания».

Есть у Флетчера места и похуже. Ключевский не решился привести их в своих «Сказаниях иностранцев о Московском государстве» — обидными показались они ему для нашего национального самолюбия. И напрасно, потому что речь в них идет не о русских, а о москвитях. Те же иностранцы при описании русских — новгородцев и псковитян — находят совсем другие слова и краски. Герберштейн, например, восхищался честностью, искренностью и простодушием новгородцев и псковитян и утверждал, что их нравы стали портиться только от «московской заразы», после того как их покорил Москва.

Находясь в замкнутости и изолированности от всего мира, подозрительно относясь к иностранцам и не выпуская за рубеж никого из своих подданных, москвиты надменно смотрели на своих западных соседей и только одних себя считали истинными христианами, а католиков и протестантов осуждали как отступников от первоначальной церкви. Смутное время сбilo с москвитов их варварскую спесь и показало им превосходство «латынов и лютеров». Так возникла мысль о реформе.

Не лучшим образом ее осуществил Петр, который к азиатскому государству пристроил европейский фасад. Европеизация России при нем носила двусмысленный характер: тонкий правящий слой надел немецкое платье и стал получать поверхностное европейское образование, а громадное большинство народа осталось в тисках крепостного права, к тому же усилившегося. Чем дальше, тем большим анахронизмом становилось оно. Возникнув как вынужденная мера бедного государства, не имевшего возможности содержать своих служилых людей на денежном жалованье, крепостное право к середине XIX века держалось исключительно эгоизмом помещичьего сословия и нерешительностью правительства. Наконец в 1861 году крестьянам дали волю, но реформа сохранила много пережитков крепостничества, посеяв тем самым семена не только 1905, но и 1917 года. Столыпинская реформа опоздала на сорок пять лет, и Россия вступила в XX век с полугородским городом и полуазиатской деревней, в которой жило тогда свыше четырех пятых населения страны. Россия нуждалась в реформе, а беспечное правительство как будто этого не замечало. Чем дальше, тем больше власть держалась только на силе, а когда силы не стало, власть 17 октября 1905 года уступила

ла напору снизу, но уступки были сделаны неумело и никого не удовлетворили. Образованное общество возмущалось реакционной политикой правящих сфер, но не видело опасности с другой стороны — со стороны дикого народа, всегда готового броситься на народолюбивую интеллигенцию и растоптать ее. Опыт 1905 года ничему не научил ни правительство, ни общество, одинокий голос вековцев никем не был услышан.

Столыпинская реформа сдвинула русскую деревню с сорокапятилетнего застоя, и время работало на Россию. В ней создавался класс крестьян-собственников, страна прочно становилась на западный путь развития. Между 1905 и 1914 годами чаши весов стояли вровень, вздрагивая и колеблясь во временном равновесии, как выразился В. Г. Короленко. Такое непрочное равновесие могла нарушить ничтожная пылинка. В действительности на весы упала гирия. Мировая война! Она опрокинула обе чаши, и Россия была отброшена в старую Московию, в восточную деспотию, в «азиатский способ производства».

В 1917 году образованные люди оглядывались на Французскую революцию. Петр Струве нашел более точную аналогию — Смуту начала XVII века. Историк античности М. Ростовцеву крушение Российской империи напомнило падение Римской империи³. Действительно, многое в катастрофе, погубившей Россию, напоминает гибель античной цивилизации: и там и здесь великая, утонченная культура сменилась примитивными формами жизни, а общественные отношения приобрели явный восточный характер.

Но есть и существенное различие. Античная цивилизация долго разлагалась изнутри, неуклонно идя к упадку, а Россия находилась на восходящей

линии своего развития. Чаши весов стояли вровень, это верно, но — еще раз повторим — время работало на Россию, она богатела, в ней все более и более набирал вес средний класс крестьян-собственников.

Кто же погубил Россию? Самодержавие, отказавшись в 1880-х годах от реформ, выпестовало 1917 год и, когда он пришел, даже не пыталось ему сопротивляться. Революционная интеллигенция приветствовала падение царской власти, не понимая, что пришла не желанная революция, к которой она сто лет стремилась, а наша родная Смута и на улицы вышел не свободный русский народ, а взбунтовавшиеся рабы-москвиты. При этом все кричали, что русский народ — самый свободный народ в мире! Самое невинное проявление этой свободы было грызть подсолнухи. Улицы Петрограда покрылись шелухой. «Заплевали Россию семечками», — стали говорить с того времени. (Ее и до сих пор заплевывают: зайдите в любой подъезд наших пятиэтажек — и вы увидите, какой народ здесь живет.)

Ни царь, ни кадеты, ни эсеры не справились с новой пугачевщиной. Одно время казалось, что могут справиться с ней генералы. Но когда в 1919-м Деникин шел на Москву, люди, ждавшие его как избавителя, разочарованно говорили: есть Пожарский, но нет Минина.

Четыреста лет Россия считала себя наследницей Византии, но до царьградских святынь не дошла...

Впрочем, дошла — в 1920 году, когда остатки армии Врангеля высадились в Константинополе. Трудно представить себе более злую иронию истории! Потому что не туда надо было России стремиться. Не нужны ей были ни Константинополь, ни Порт-Артур, она нуждалась только в завершении внутренних реформ, в неприкосновенности личности и частной собственности, в подлинной европеизации.

На Западе общественное движение — мирное или не мирное — в конечном итоге привело к тому, что низы поднялись до верхов. Наша Смута началась с разрушения и уничтожения всего того, что хоть немного возвышалось над самым низким и примитивным уровнем. Все затоптать в грязь, принизить до своего уровня — вот смысл так называемой

³ Профессор Петербургского университета М. И. Ростовцев (1870 — 1952) эмигрировал из советской России в 1918 году. На Западе он прославил русскую науку «Социальной и экономической историей Римской империи», изданной в 1926 году на английском языке. Во второе издание (Оксфорд, 1957) были внесены добавления которые были сделаны автором в немецком и итальянском изданиях. (Русского перевода до сих пор нет.) Западная критика указывала, что, излагая свое понимание кризиса Римской империи, Ростовцев находился под впечатлением от русской революции. По существу русский ученый со своими критиками не спорил.

мой русской революции. Пришедший Хам крушил все на своем пути. Армия стала безопасной для неприятеля, но смертельно опасной для своих офицеров. В деревнях мужики громили помещичьи усадьбы и сжигали их библиотеки. В городах разнужданная солдатня грабила «буржуев». Те революционеры, которые во всероссийском погроме не решались идти до конца, были оттеснены. Обуздать и оседлать анархию оказались способными только те, кто ей потворствовал и потакал, не оттанавливаясь ни перед чем в своей жажде власти. Так погибла старая Россия⁴.

Если для старой России пределом мечтаний были Константинополь и проливы, то новая Россия себе в герб поместила весь земной шар. Еще в 1915 году Ленин предсказывал, что после победы социализма «в одной, отдельно взятой» стране победивший пролетариат поведет борьбу против всего остального капиталистического мира, поднимая восстания рабочих, выступая даже с военной силой против отсталых (так!) капиталистических государств. Роль поджигателя мирового пожара взяла на себя Россия. Но чтобы выступить с военной силой против всего мира, надо было иметь большую и хорошо вооруженную армию, а для производства оружия нужна была мощная промышленность. И преемник Ленина в 1931 году ставит вопрос об индустриализации. «Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет, — говорил Сталин. — Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Средства для индустриализации должны были дать колхозники — государственные крепостные — и нищее городское население, сплошь превращенное в поденщиков государства. Это был бег к «азиатскому способу производства», то есть в направлении, прямо противоположном тому, по какому двигались передовые страны Запада. Ясно, что «догнать» их таким путем было невозможно.

Однако милитаризацию всей страны совершить

⁴ В марте 1919 года, незадолго до смерти, В. И. Засулич писала: «России, которую я знала и любила, нет больше на свете. На ее месте стоит отвратительное, громогласно глущее, властвующее меньшинство и под ним громадное, вымирающее от голода, выродившееся, с заткнутым ртом большинство» (Дом Плеханова. Фонд Л. Г. Дейча).

удалось. А благодаря ей и выиграть войну. В сознании народа Сталин стал национальным вождем, спасшим его от жалкой участи унтерменш — остарбайтера. И еще на сорок лет продлилось господство преступной власти, пока не народилось новое поколение, способное задавать вопросы: а какой ценой была добыта победа в войне? и надо ли было развязывать ее вместе с Гитлером в 1939-м?

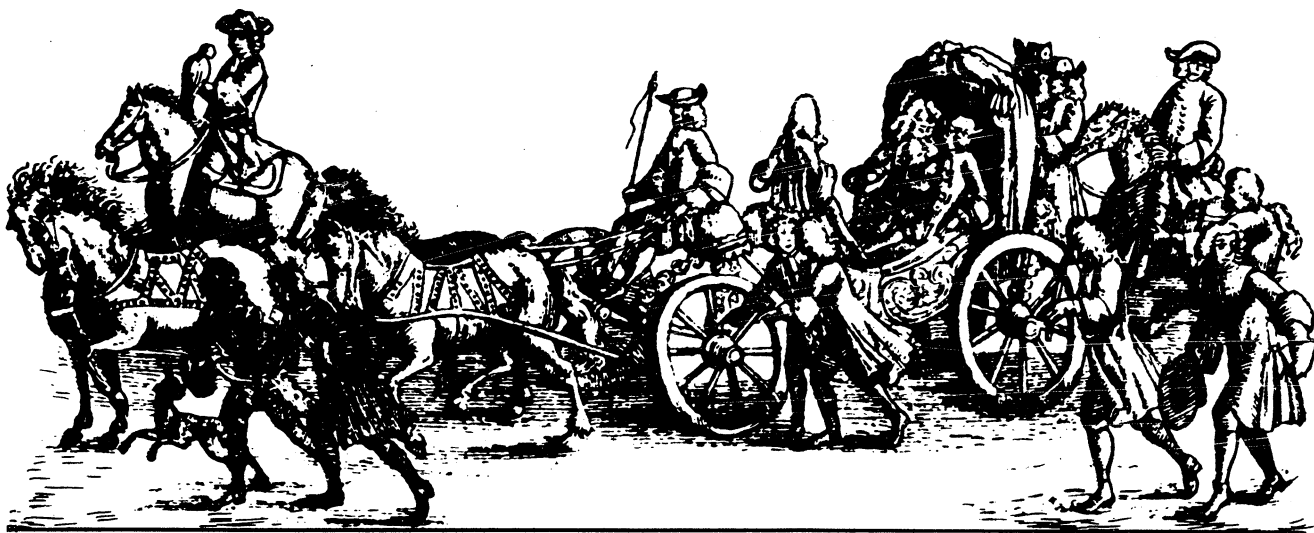
После 1945 года Россия, казалось, была близка к установлению мирового господства. Но она только добилась объединения Запада. Безудержная милитаризация истощила ее. Сателлиты ее покинули. В считанные дни развалилась огромная империя, целостность самой России поставлена под угрозу. Сегодня Россия сидит у разбитого корыта и тяжело думает, как ей выбраться из того котлована, который она рыла в течение семидесяти лет и который едва не стал ее могилой.

* * *

Ущербному сознанию свойственно в тяжкую годину искать виновника своих бед где-то на стороне, вне себя. А мы на ущербе, и так хочется многим найти виновного в коммунистах, в демократах, в евреях — в ком угодно, только не в самих себе. Пока мы не наберемся мужества признать, что мы сами создали у себя такой образ жизни, который вызывает ужас и отвращение у всякого нормального человека, выздоровления нам не видать. И будут бежать от нас все народы, даже близкие нам украинцы и белорусы, потому что никто не хочет иметь дело с такими бестолковыми, спившимися, проворовавшимися, злыми, охамевшими людьми, как мы.

Сто пятьдесят лет тому назад Петр Чаадаев назвал Москву некрополем. Поняв это, Москва стала средоточием умственной жизни страны. В наши дни Александр Солженицын шлет нам послание, как нам обустроить Россию. К его соображениям стоит прислушаться. Это путь к возрождению, к возвращению на ту дорогу, с которой мы сбились в 1917 году. Сами сбились — бесы сидели внутри нас.

1992, март. Воркута.

№ 1198

24 Сентября 1879

11

М. В. Д.
Кологривский
Урядник
Исправникъ

Г. Коллежскому Надвор-
ному и Кологривск.

№ 1198
24 Сентября 1879

№ 1198

Поручаю Вамъ Велико-
родско-прохвостинскому уряднику по
прежней должности при своей афише
съ числомъ разрешенныхъ делъ
дабы вы в Мичуринской пред-
ставили въ Деловъ Коллежска
Виссера и Мичуринскъ Елизавѣ
а равно и въ томъ отъ коллег
наго подлѣ надворъ Коллеж
и Мичуринскаго, кто фактиче-
ски исполнитъ иланую иль афишу
рѣшася

Дело КОЛОГРИВСКОГО ИСПРАВНИКА

М. В. Д.
Кологривский Уездный Исправник
27 Сентября 1879 г.
№ 1353

Г. Полицейскому Надзирателю г. Кологрива

Поручаю Вашему Благородию произвести дознание по прилагаемой при сем афише с чьего разрешения было даваемо Магическое представление в доме господина Ешевского Магиком Ешебрс а равно дознать от сосланного под надзор полиции Марциновского, кто редактировал писанную им афишу и кем она дозволена без разрешения Главного Комитета по делам Печати и самое дознание с афишей представить...¹ для дальнейшего направления.

Уездный Исправник Сведерский.

1 Октября 1879 г.
№ 1419.

Вашему Высокоблагородию имею честь представить настоящее предписание, вместе с объяснениями Г. Марциновского и Ешевского и Афишю.
29 Сентября 1879 года.

Полицейский надзиратель...²

30 августа 1879 года
в 6 часов вечера

В доме Г-на Ешевского, прибывший с Лысой горы
Магик ЕШЕБРС
даст блестящее представление,
могущее удивить мир

Отделение 1-ое

1. Воздушное путешествие
2. Магический ящик
3. Ведьма в стакане
4. Волшебные часы или удивительная пропaja
5. Неожиданное богатство
6. Волшебный кубок

Отделение 2-ое

7. Шафер Сильфиды
8. Сношение с духами
9. Очарованная вода
10. Бутылка провалилась сквозь земли
11. Веер волшебницы

Отделение 3-ье

12. Пляска черта

*Г-ну Полицейскому Надзирателю г. Кологрива
Сергея Васильевича Ешевского*

Объяснение

На предъявленное мне предписание от 27 Сентября сего года за № 1353 имею честь объяснить:

1-ое. Никакого публичного, магического представления магика Ешебрс, в моем доме не давалось, для развлечения моей больной дочери я созвал знакомых ей детей и для забавы, сам — лично показывал фокусы по книге, изданной при педагогическом журнале «Семья и школа»...

2-ое. Для этих детей я загримировался, назвался Ешебрс и чтобы забава, походила на магическое

Подлинник документа хранится в частном архиве. Публикуется впервые. Орфография и пунктуация подлинника по возможности сохранены.

¹ Одно слово неразборчиво.

² Подпись неразборчива.

представление написал три шутовские программы, которые и раздал присутствующим.

3-ье. Из вышесказанного ясно, что никаких афиш в том смысле, в каком понимает закон, то есть объявления о каком-нибудь представлении, которые раздаются каждому бесплатно прибываются к заборам и прч. и все с целью завлечь за деньги или ради другой цели публику не было, и следовательно в цензурный комитет представляемо быть не могло.

4-ое. Один взгляд на предъявляемую мне афишу объясняет ее частное, семейное значение и только праздная сплетня, грязь и интрига могли детскому вечеру в собственном моем доме, придать имя публичного представления и дать повод к сему дознанию.

Сергей Васильевич Ешевский.

*Г. Полицейскому Надзирателю г. Кологрива
Ивана Игнатьевича Марциновского*

Объяснение

На предъявленное мне предписание от 27 Сентября с.г. за № 1353 и приложенном при оном программе объясняю, что программа эта писанная мною, была со слова Г. Ешевского.

Была ли она дозволена Комитетом по делам печати, мне неизвестно. Мне только известно было то, что Г. Ешевский пригласил на вечер к себе детей своих хороших знакомых, и чтобы забавить их, вздумал по программе в своем доме показать им фокусы.

Иван Марциновский.

Председателя Кологривской
Уездной Земской Управы
2 Октября 1879 г.
№ 1502
г. Кологрив

*Его Превосходительству Господину
Костромскому Губернатору*

29-го истекшего Сентября³
Кологривскую Земскую Управу я
Полицейский Надзиратель Шиг
для снятия, по предписанию
правника, с меня допроса
детского вечера, устроенного
моей больной дочери в моем
30 Августа. Находя неуместным
входить здесь в обсуждение сущ
допроса, как вмешательство
мою частную семейную жизнь,
более, что если будет угодно
шему Превосходительству
требовать подлинное мое объ
данное надзирателю, то дело
собою разъяснится; я полагаю
Земская Управа, где я Предс
ствую, не может служить местом
для допроса меня, как частного
человека, так сие не может
заменять канцелярию Полицейского
Надзирателя, и, что этот допрос
компрометирует мое представительство,
которое для меня дорого, и
которое защищать я обязан в виду

³ Правый край листа поврежден, окончания строк прочесть невозможно.

его общественного значения; вследствие чего я и решился утрудить Ваше Превосходительство, просив предложить Г. Исправнику оставить меня в покое, как Председателя Управы, не мешать моим занятиям, которые, смею думать, важнее для общества, чем он полагает.

Председатель Управы Ешевский.

М. В. Д. Костромского Губернатора по канцелярии.
8 Октября 1879 г.
№ 174

Конфиденциально

Г. Кологривскому Уездному Исправнику

Предписываю Вашему Высокоблагородию донести мне, в дополнение к № 1382, где Вы взяли афишу на фокусное представление, данное Ешевским 30 Августа в своем доме для развлечения детей, на каком основании и с какой целью Вы поручили Полицейскому Надзирателю г. Кологрива произвести дознание по этой афише и для чего он обратился к Г. Ешевскому за объяснением по этому предмету не как к частному лицу, а как к Председателю Земской Управы и в помещении Управы.

Подписал: ...тор⁴ Н. Андреевский.

Скрепил: Управляющий канцеляриею Яблоков.
Верно: Управляющий канцеляриею Яблоков.

Конфиденциально
№ 160

Его Превосходительству
Господину Костромскому Губернатору
Кологривского Уездного Исправника
Рапорт

На предписание Вашего Превосходительства, от 8 сего Октября имею честь донести, что во время моего отсутствия 30 Августа было распространено много афиш из дома Г. Ешевского, в которых объявлялись магические представления не Г. Ешевским, а каким-то магом Ешебрсом, что видно и из представленной мною афиши, из них одну мне вручил муж Г. Вознесенской, которая была предметом представления. Усмотрев, что Ешебрс давал представление без разрешения, я поручил Надзирателю произвести дознание, кто такой Ешебрс и по чьему разрешению производил представление и этим дознанием выяснилось, что Ешебрса не было, а под его именем сам Г. Ешевский давал представление с помощью сосланного под надзор Полиции Ксендза Марциновского. Надзиратель получа поручение три раза обращался к Г. Ешевскому в его доме, но ни разу не был принят, а потому он заставши в Земской Управе попросил его в особую комнату где и предъявил ему сие поручение, тогда Г. Ешевский в отдельной же комнате и написал свой отзыв, как лицо частное, что видно из его отзыва, но никак не председатель и подобного рода дела не могут совершенно относиться к Председателю Земской Управы. Получа дознание от Надзирателя просмотря его я увидел, что это представление было даваемо не Ешебрсом, а Г. Ешевским а потому не возбуждая законного преследования, я счел долгом моим конфиденциально донести Ва-

⁴ Слово неразборчиво.

шуму Превосходительству в виду того, что я слышал будто бы послана статья в какие-то газеты для напечатания, хотя это было и в мое отсутствие по возвращении моем я считал долгом довести до Вашего сведения не в видах преследования, а дабы Начальство мое могло знать раньше появления статьи, если она будет напечатана.

Уездный исправник Сведерский.

Министерство внутренних дел.
Костромского Губернатора
по канцелярии
20 Ноября 1879 года
г. Кострома

Господину Московскому Генерал-Губернатору

На предложение от 3 сего за № 2388, имею честь донести му Сиятельству, что Кологрив правник, Сведерский, состоя же должности по Нерехтск обвинялся в лихоимстве во призыва новобранцев в 1876 держался под арестом в тую с устранением на времяности Исправника. Это обсто как нужно думать, и послуживанием к лишению его добронни. Но так как Сведерский Московской Судебной Палаты опто предместник мой вновь его к должности Исправника карьевском уезде, в котором застал его, вступив в в управление Костромского Гу Из этого уезда, вследствие и столкновений Макарьевского Предводителя Дворянства Ваского со Сведерским в Декабре прошлого года перевел последнего на таковую же должность в Кологривский уезд. Во все время управления моего Костромскую губернию, не видя особенно проти вuzаконных деяний со стороны Исправника Сведерского и не получая серьезных и основательных жалоб и сведений о его незаконных действиях, кроме одних слухов о небезупречной, будто бы, службе его до суда, подрывающих его доброе имя и уважение к нему общества, я не считал себя вправе наказывать его увольнением от службы за прошлое, очищенное судом, но тем не менее не имею и уважительных данных и оснований к удержанию его на службе.

Копия
Административный
Журнал присутствия
Костромского губернского правления
23 ноября 1879 года
по 2 столу 1 отделения
№ 1178

Ноябрь 27 дня Кологривскому Исправнику, № 18765. В канцелярию г. Губернатора, № 8767. Г. Костромскому губернскому Воинскому Начальн. № 8768. Кологривскому Полицейскому Управлению, № 8766.

⁵ Правый край листа поврежден.

Слушали:

Доклад: Господин Костромской Губернатор, при предложении от 29-го Октября 1879 года за № 3281 препровождая на распоряжение Губернского Правления, присланное Губернскому Воинскому Начальнику сообщение Кологривского Уездного Исправника, на имя тамошнего Уездного Воинского Начальника, от 5-го Июня сего года за № 757-м, об объявлении будто бы, Костромской губернии на воинском положении и о присылке, по этому случаю, к нему Исправнику каждодневно 3-х нижних чинов местной команды, для обходов г. Кологрива, просит Правление по сделании должного распоряжения, означенное отношение Исправника возвратит Губернскому Воинскому Начальнику. В истребованном по сему предмету объяснении Кологривский Уездный Исправник пишет: что им Кологривскому Уездному Воинскому Начальнику 5 Июня сего года за № 757 было сообщено, что Костромская губерния объявлена на военном положении на следующем основании: в предписании Его Превосходительства Господина Костромского Губернатора, от 29 Мая за № 79 изъяснено, что Господин Московский Генерал-Губернатор, предложением от 24 Мая за № 828 уведомил, что на основании Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 23 день Апреля сего 1879 г., Его Сиятельство изволил найти нужным распространить действие Высочайшего указа, данного Сенату в 5 день Апреля, на Костромскую Губернию, с подчинением ее Московскому Генерал-Губернатору. Затем в указе, данном Правительствующему Сенату в 5 день Апреля, который распространен и на Костромскую губернию, между прочим сказано (пунк. 3), что в подобных местностях подчинить Генерал-Губернаторам все местные Гражданские Управления в том размере, в каком, на основ. 46 ст. положения о полевом Управлении войск, в военное время подчиняются Главнокомандующему армию губернии и области, объявленные на военном положении. В виду вышеизложенного он, Исправник, нашел нужным усилить надзор как по городу так и уезду, но так как в Кологриве всего 5 городских десятских, из коих один постоянно при полицейских каморах, второй для посылки при обходе, Исправнике, и третий при Надзирателе, а всего остается два для надзора по городу и лицами состоящими под надзором полиции, то и уведомлялся Воинский Начальник о подчинении губернии, с просьбой командировать для ночных обходов по 3 человека нижних чинов в усиление десятских при обходе. Из циркулярного предписания Господина Губернатора от 29 Мая 1879 года за № 79 видно, что оным Господин Губернатор давая знать чинам полиции Костромской губернии о подчинении губернии Московскому Генерал-Губернатору, обращал внимание их на узаконенный порядок производства дел о лицах гражданского ведомства, предаваемых военному суду, на основании Высочайших указов 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 года. В именном Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 5 апреля 1879 года, между прочим значится, что все местные гражданские Управления подчиняются Генерал-Губернатору в том же размере, в каком подчиняются Главнокомандующему армию губернии и области, объявленные на военном положении (пунк. 3 указа), но чтобы Костромская губерния объявлялась на военном положении, то подобных распоряжений не было.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ

ЖУРНАЛЬ ПРИСУТСТВИЯ

23 Ноября 1879 года.

№ 1176.

по 2 столу 1 Отделения.

СЛУШАЛИ:

Кого
исполне

Доклад: Господин Костромской Губернатор, при предложении от 29-го Октября 1879 года за № 3281, препровождая на распоряжение Губернского Правления, присланное Губернскому Воинскому Начальнику сообщение Кологривского Уездного Исправника, на имя тамошнего Уездного Воинского Начальника, от 5-го Июня сего года за № 757, об объявлении

Новосиби
27
Кологр
С. Ко
Исправ
№ 876
В. Ко
Уездн
№ 757
С. Ко
Уездн
№ 876
Кологр
Исправ
№ 876

Закон:

760 и 761 ст. т. III уст. о служб. по определ. от Правительства. 233 и 235 ст. т. II ч. I изд. 1876 г.

Приказали:

Из вышеизложенного усматривается, что Кологривский Исправник Сведерский, получивши циркулярное предписание Начальника губернии, от 29 Мая 1879 года за № 79-м, коим давалось знать чинам Полиции, что Господин Московский Генерал-Губернатор нашел нужным распространить действие Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 5 день Апреля сего года, и на Костромскую губернию, объявил веренный ему уезд на военном положении. А так как военное положение, в какой бы то ни было местности империи, может быть объявлено лишь только особым указом Его Императорского Величества, то из сего следует, что Исправник Сведерский превысил свою власть, за каковое превышение власти и следовало бы его, не только уволить от службы без

прошения, но даже и предать суду, но принимая во внимание а) что это превышение власти произошло от крайне неправильного понимания и толкования Сведерским указа данного Правительствующему Сенату в 5-й день Апреля 1879 года (что ясно доказывает его положительную неспособность к занятию столь серьезного поста, как должность Исправника), б) что это превышение власти не имело серьезных последствий и в) его многолетнюю службу, Губернское Правление определяет: Разрешить Кологривскому Исправнику Сведерскому самому подать прошение об отставке, с предупреждением, что если таковое не будет подано с первоотходящею почтою, то он будет уволен без прошения. О чем ему и послать указ, а копию с постановления для сведения передать в канцелярию Начальника губернии. Сообщение Кологривского Уездного Исправника, об объявлении Костромской губернии на военном положении, препроводить к Г. Костромскому Губернскому Воинскому Начальнику, согласно предложению Господина Губернатора за № 3281 дело сие по правлению разрешить и сдать своевременно в архив.

Подлинный подписали: Вице-Губернатор Скалон, Старший Советник Бунашевич, Советник Тилло, скрепили Секретарь Невельский и Делопроизводитель Бельчинский.

Утвержден Г. Губернатором 24 ноября 1879 года.

С подлинным верно: Советник Тилло.

**Административный
Журнал присутствия
Костромского губернского правления
Декабря 7-го 1879 года
по I столу I отделения**

*Когда исполнено: Декабря 11 Кологривского
Полицейского Управления. № 8918.*

Слушали:

Во 1-х прошение Кологривского Уездного Исправника Коллежского Советника Сведерского, об увольнении его, за болезнь, в отставку и об исходатайствовании пенсии и во 2-х словесное предложение Господина Костромского Губернатора — уволить Сведерского в отпуск на 2 месяца до увольнения его в отставку.

Справка:

Указом Губернского Правления от 24 минувшего Ноября за № 8765, разрешено было исправнику Сведерскому подать просьбу об увольнении от службы.

Приказали:

Во исполнение словесного предложения Г. Костромского Губернатора, Кологривского Уездного Исправника Сведерского уволить в 2-х месячный отпуск во все города империи, поручив исполнение должности Исправника Помощнику его Станкевичу, на каковой предмет и выдать Сведерскому паспорт с отсылкою чрез Кологривское Полицейское Управление, которому предписать взыскание с него за употребленную по сему делу простую бумагу гербовых марок на 1 р. 20 к. и погасить их; по миновании же срока отпуска, Сведерского считать уволенным от службы и тогда же сделать распоряжение согласно его прошению об исходатайствовании ему пенсии; об увольнении Г. Сведерского в отпуск, передать сведения в газетный стол для на-

печатания в Губернских Ведомостях, а о поступившем от Сведерского прошении поставить в известность 2-й стол.

Подлинный подписали: Вице-Губернатор Скалон, Старший Советник Бунашевич, Советник Тилло, скрепили Секретарь Невельский и Старший Делопроизводитель Никольский.

Утвержден г. Губернатором 9-го Декабря 1879 года.

С подлинным верно: Советник Тилло.

С подлинным сверял Старший Делопроизводитель...⁶

№ 2910

23 Декабря 1879 года

Его Превосх-ству Н. Е. Андриевскому

Московский Генерал-Губернатор, Генерал-Адъютант Князь Долгоруков, свидетельствуя совершенное свое почтение Его Превосходительству Николаю Ефимовичу, имеет честь препроводить при сем, на усмотрение, письмо жены Кологривского Исправника Любови Сугайно-Сведерской, ходатайствующей об оставлении мужа ее на службе.

21 декабря 1879 года

*Ваше Сиятельство
Владимир Андреевич*

Простите смелости матери убитого семейства поистине верующ⁷ высокую справедливость Вашего Сият Мы до сих пор существовали единс службой моего мужа Кологривского Испр Сведерского, который имел честь служить начальством Вашего Сиятельства в ской полиции при двух обер-полицейм графа Крейца и генерала Арапова. доверием своего начальства он был по назначаем во время проезда Высочайш⁸ к месту их резиденции, заведывал до... и при парках, награ по Вашему представлению Орденом. От усиленных трудов на службе расстроил здоровье и принужден был оставить слу ской полиции по рекомендации покойного Одоевского и генерала Дурново перешел службу Костромскую губернию при натор Дорогобужинов. Здесь в продолжение исполнял службу с той же энергией и вестностью, ежегодно безнедоимочно собирал дарственные подати, за что получил от Мини 200 руб. награждения, при всех ревизиях за дленное делопроизводство получал благодар своего начальства. Впрочем по разным ригам провинциальной жизни за свою прямоту реданность Начальству, злонамеренными ми был привлечен к Суду, но Судебная Палата авдала его совершенно, не найдши факта к винению его во взведенном на него преступлении. теперь же по проискам Председателя Кологрив тва Г-на Ешевского, который не надеясь уже по годной репутации быть снова выбранным Пред дателем, еще прошедшим годом домогался

⁶ Подпись неразборчива.

⁷ Края листа повреждены.

⁸ Два слова неразборчиво.

учить в Кологриве должность Исправника, ему было это место отказано губернатором, как не имеющему никакого чина. Г-н Ешевский возненавидел моего мужа, зорко следящего за правильными действиями земства, чтобы излишними сборами на бесконтрольную поправку дорог не увеличивали бы нищету крестьян 30 Августа во время отсутствия г. Ешевский устроил у себя в доме с представление фокусов, в которых дела вопросы, касающиеся административно и чести одной местной дамы Г-жи Возн причем получал ответы от сидевшего сосланного политического, Ксендза который жил у Ешевского на хлебником другом его дома. О таком происшествии, из ряду обыденных, Сведерский, как Испра нашел нужным конфиденциально сообщскому Губернатору, не желая оставить его обневещении на случай если бы появилась статья в газетах тем более он не имел права не сообщить губернатору, так как стник Ешевского, был политический со Ксендз. После этого сообщения г. Ешевский в Москву и при содействии своих представил какие-то ложные сведения о Св которому без следствия за его 30-летнюю сл

Обращение жены кологривского исправника Л. Сугайно-Сведерской к московскому генерал-губернатору — последний архивный документ в небольшой стопке разной величины листов, скрепленных суровой ниткой и составляющих, как принято говорить, одну единицу хранения. Обрывается занятное повествование в документах, и нам уже никогда не узнать, возымело ли действие письмо Л. Сугайно-Сведерской в защиту своего мужа, вышел ли сухим из воды председатель земской управы С. Ешевский, что стало с ксендзом Марциновским и другими героями этой непридуманной, сама собой сочинившейся более ста лет назад истории в уездном городке глухой-преглухой русской провинции.

Как во всякой порядочной детективной истории, здесь сначала все кажется ясным: кто такой Ешебс, о каком магическом представлении идет речь... Как замечает одно из главных действующих лиц, одного взгляда на афишку достаточно, чтобы во всем разобраться. Неясно все это лишь исправнику Сведерскому, но на то он и исправник, к тому же в деле замешан высланный под надзор полиции Марциновский (об этом и только об этом думалось еще несколько лет назад, на этом мы и сделали бы в ту пору основной акцент комментария). Но чем дальше, тем меньше остается ясного. На сцену выходят костромской губернатор, московский генерал-губернатор, круто меняются обстоятельства, приоткрываются подспудные мотивы, идет перегруппировка сил, и нам остается, опять-таки как читателям детективного романа, только следить: кто кого перехитрит, одолеет, кто кого утопит, а сам выльвет?... История оказывается запутанной и многозначной. У Ешевского, как выясняется, есть возможность защищаться через газеты (или это поднадзорный Марциновский пустил в ход старые столичные связи и растоптал провинциальную чиновную мелкоту? Вполне возможно!). А бдительный и грозный исправник, возбудивший на свою голову это дело, сам

велено подать в отставку. Ваше Сияте в нынешнее тяжелое время для государств устранять без причины преданных сту столу и Отечеству, оставляя отца се без куска хлеба, Вы не позволите, Ваше сделать такой несправедливости и по дан всемогущему праву Вы защитите ного и прикажете расследовать вопиющее дело! Во время нашего вания в Москве, семейство Сведерских валось репутацией достойных людей-труже и Вы можете спросить Марью Николаевну урору, Марью Павловну Щербатову, баронессу Баратынских, Сухотину Марью Михайловну, Никаноровну Долгорукову, у которых я давала детям уроки, всем известны и наши благородные труды для семейства провинции мы по интригам, перенесли стоки удары судьбы и наконец лишают его мужа службы — единственного средства существованию!

Поручая себя и семейство мое Вашему лостивому Покровительству с чувством глубочайшего почтения имею честь быть
*Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Любовь Сугайно-Сведерская.*

нечист на руку и к тому же зачем-то «объявил вверенный ему уезд на военном положении», отчего ему предлагается «с первоотходящею почтою» подать прошение об отставке, причем г-н губернатор делает «словесное предположение», не лучше ли отправить его сначала в отпуск, а затем уже в отставку. И тогда самому исправнику приходится вспоминать старые связи, кои и перечисляет его жена в слезном письме вкупе с заслугами мужа, вопрошая, как можно в нынешнее тяжелое время для государства избавляться от столь преданных слуг: «Вопиющее дело!»

Не правда ли, все это очень сильно что-то напоминает... Что? Да каждый прожитый нами день! Всегдашние безграмотность, корысть, самодурство и лукавство администрации. Всегдашние сплетни, интриги и ненависть.

Течение времени мало что меняет в нашей жизни. Равно не правы и те, кто зовет нас вернуться в наше прекрасное прошлое, и те, кто не жалеет красок, расписывая наше светлое будущее. Наше настоящее копирует наше прошлое, а наше будущее может быть только их продолжением, другому просто неоткуда взяться. Сам по себе этот факт не столь уж мрачен — ведь может человек смириться с тем, что у него именно такой (а не какой-нибудь другой, более привлекательный) нос, такие щеки и такие волосы, перестать их вытягивать, мять, перекрашивать и начать просто жить. Тоньше и одухотвореннее, живее и привлекательнее лицо становится все-таки не от массажа и косметики. Но точно ли мы живем, не сон ли это? Не свидетельствуют ли эти документы о наличии какого-то особого русского времени — не того, через которое, по определению Чаадаева, все проходит и посредством которого все совершается, а другого, в котором не совершается ничего...

Господи! Доколе?

Л. Б.

СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О МАТЕРИ И ДЕТЯХ

«Правда» от 28 июня 1936 года, редакционная статья

Публикуя 26 мая проект закона о запрещении абортов, о помощи роженицам, расширении сети родильных домов, яслей и т.п., советское правительство одновременно приняло решение:

«Ввиду чрезвычайной важности этого вопроса и заинтересованности в нем широких слоев населения,— Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

До утверждения указанного законопроекта в законодательных учреждениях, передать его на широкое обсуждение трудящихся».

Тридцать два дня трудящиеся Советского Союза обсуждали правительственный законопроект. Обсуждали на заводах, в колхозах, в жактах, в учреждениях, в вузовских аудиториях, на собраниях ученых, в семейном кругу. Десятки тысяч индивидуальных писем, содержащих предложения трудящихся, получены также редакциями газет. Свыше девяти тысяч писем получено одной только редакцией «Правды».

Народ не только обсуждал проект закона. Он делал из него немедленные практические выводы. Уже в первые дни обсуждения проекта в газетах стали появляться сообщения о начавшемся во всей стране, по инициативе самих колхозников и колхозниц, строительстве новых родильных домов и яслей. За несколько дней в куйбышевский краевой отдел здравоохранения поступило 300 заявлений с просьбой колхозников дать им указания, как открыть родильные дома. Аналогичные обращения поступили в отделы здравоохранения Апхабада, Омска, Калинин и многих других городов, причем колхозы просили прислать только акушерок и медикаменты, остальное они берутся организовать сами.

Активнее стали бороться со злостными алиментщиками наши судебные организации. Есть факты, что скрывавшиеся долгие годы отцы сами отозвались и начали «добровольно» платить алименты на детей. Наконец, есть многочисленные сообщения из разных концов Советского Союза о том, что резко упало число операций аборта, что сотни женщин, лежавших в больницах в ожидании операции аборта, узнав о законопроекте, отказывались от аборта и уходили из больницы за час до операции.

Советское правительство внимательно прислушива-

лось к откликам и предложениям трудящихся, учитывая все факты, говорившие о настроениях народа, и сегодня мы публикуем закон, одобренный трудящимися и утвержденный правительством.

Сличив публикуемый сегодня закон с проектом, каждый легко обнаружит в нем ряд изменений. Все эти изменения, сами по себе очень правильные и важные, тем более ценны, что они внесены по предложению самих трудящихся. В законе прямо говорится: «Учитывая некоторые замечания, сделанные гражданами при обсуждении проекта, ЦИК и СНК Союза ССР постановляют...»

Вопрос об усилении, скажем, материальной помощи многодетным семьям, вопрос о том, что государство должно начинать оказывать помощь матерям в связи с рождением седьмого ребенка, а не девятого, как говорилось в проекте закона, был поднят в подавляющем большинстве предложений.

В эту статью закона внесено, опять-таки по предложению трудящихся, одно особо важное добавление. В законе говорится, что эта статья распространяется «и на те семьи, у которых к моменту издания закона будет соответствующее количество детей». Иначе говоря, семья, насчитывающая уже сейчас семерых детей, если младшему ребенку, скажем, год или два, получает ежегодно по 2.000 рублей, пока седьмому ребенку не исполнится пять лет.

Для осуществления столь грандиозного мероприятия требуются уже сегодня колоссальные средства, и советское правительство, заботясь о здоровье наших матерей и детей, отпускает эти средства.

Огромных дополнительных расходов потребует также перевод с 1 января 1937 года наших яслей в городах и промышленных местностях на двухсменную работу, «в продолжение 16 часов в сутки, включая выходные дни», но таково было желание народа, и правительство ушло эти предложения.

Медицинская сестра Н. Васина, а вместе с ней десятки и сотни других товарищей внесли предложение о том, что надо разрешить аборт в случае, если родители страдают трудно излечимыми и могущими передаться ребенку болезнями. Это предложение принято правительством и стало государственным законом. Весь мир видит, что в нашей стране действительно проводится

подлинная демократия, что огромной важности законодательный документ, по инициативе товарища Сталина созданный и переданный затем на обсуждение трудящихся, действительно обсуждался всем народом!

Внесены существенные изменения, опять-таки в связи с многочисленными высказываниями трудящихся, в статью законопроекта о присуждении алиментов. На содержание одного ребенка взыскивается не 1/3 зарплат, а 1/4, на содержание двоих — не 50 проц., а 1/3, а на содержание трех и больше детей — 50 проц. вместо 60 проц.

Вся страна и весь мир могли убедиться, наконец, в том, что малейшие попытки со стороны бюрократов свернуть обсуждение, зажать его, «проработать» законопроект, а не серьезно продискутировать его, немедленно встречали самый резкий отпор. Печать разоблачала этих бюрократов, выставляла их на общественный позор.

Закон утвержден правительством. Пункт законопроекта, о котором было больше всего высказываний, — вопрос о запрещении аборт разрешен народом и правительством положительно. Аборты, кроме вызванных медицинскими показаниями и болезненной наследственностью родителей, запрещены в Советском Союзе. Этого требуют прежде всего интересы здоровья наших женщин.

За границей, в капиталистических странах, тоже запрещены аборты и тоже под тем предлогом, что они вредны. Надо, мол, шадить здоровье женщин. Но кому не ясны все лицемерие и вся лживость подобного демагогического заявления со стороны эксплуататоров трудового народа! О какой действительной заботе о здоровье женщин может идти речь в странах, где подавля-

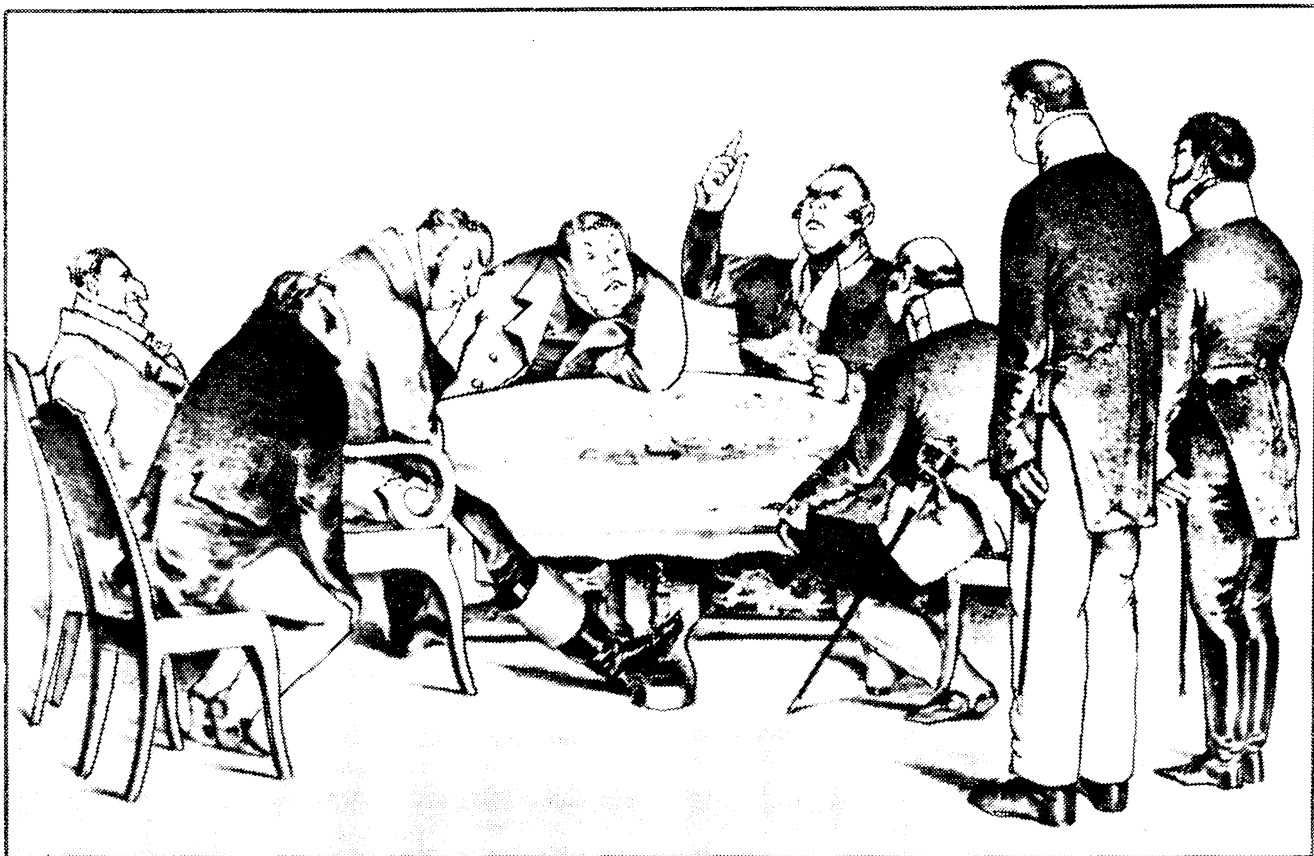
ющее большинство населения недоедает, где миллионы женщин и мужчин не имеют работы, где от голода вымирают миллионы детей! О какой действительной заботе может идти речь, если женщины не имеют там даже права голоса!

В буржуазных странах запрещение аборта — попытка для женщин, наглое издевательство над ними, а не проявление заботы о них.

Наше правительство, наша страна, наш народ, принимая закон о запрещении абортов, заботится только о дальнейшем улучшении жизни наших граждан. Нам нужна здоровая, неискалеченная мать, нам нужны здоровые дети, смена строителей социализма, нам нужна крепкая социалистическая семья! Все те, кто попытается идти против этого справедливого желания страны, кто попытается так или иначе помешать нашей борьбе за здоровую семью, не только ответят, как за нарушение государственного закона, а будут окружены презрением всего общества.

Огромные задачи встают перед всей страной при осуществлении важнейших мероприятий, перечисленных в публикуемом законе. Скольких усилий потребует одно только строительство новых родильных коек и яслей! На это строительство советское государство расходует миллиардные суммы — с каждым годом все большие. Повышаются также требования к предприятиям в городах и к колхозам, которые будут сейчас отвечать за свои детские сады, родильные дома. Колоссально вырастают требования к органам здравоохранения, ибо они в конечном счете отвечают больше всех за здоровье наших матерей и детей. Общими усилиями всех граждан Советского Союза, активным участием и помощью каждого из нас с честью будет осуществлена сталинская забота о матери и детях.

Петр Боклевский. Философия бюрократов

Сергей БЕЛОВ

СОВРЕМЕННОКИ О ДОСТОЕВСКОМ

*Неизданные и неизвестные
воспоминания*

Совсем недавно закончился наконец-то, через двадцать лет после выхода первого тома, выпуск полного академического собрания сочинений Достоевского в тридцати томах. Таким образом, с текстами писателя все вроде бы ясно. Во всяком случае, я в этом замечательном издании нашел всего лишь одну купюру. В 21-м томе (Л., 1980) публикуются [Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872 — 1875 гг.]. На с. 266 приводится следующая запись Достоевского: «Малороссийский и польский характеры: смесь [1 изрб.] с сентиментальностью». Однако это слово легко можно разобрать: «Малороссийский и польский характеры: смесь жестокости с сентиментальностью».

Однако еще достаточно белых пятен с воспоминаниями современников о писателе. В 1964 году, когда мой учитель профессор А. С. Долинин выпускал двухтомник «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», он попросил меня составить библиографический указатель всех печатных мемуаров о писателе. Тогда я нашел 183 источника. За прошедшие 27 лет открыто еще 36 интересных архивных воспоминаний и мемуаров из русской эмигрантской прессы (к сожалению, лишь два из них попали в недавно вышедший двухтомник «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», составленный К. И. Тюнькиным — редактором первого издания).

В последнее время мне удалось найти еще ряд архивных и русских зарубежных печатных мемуарных источников, до сих пор не известных отечественным читателям.

Писательница и переводчица Людмила Яковлевна Круковская (1859 — 1948) в начале 1930-х годов закончила свои воспоминания под названием «У шлагбаума», хранящиеся сейчас в ЦГАЛИ (ф. 255, оп. I, ед.

хр. I). Она пишет, что «яркое воспоминание» сохранилось у нее о литературном вечере в зале Благородного собрания в 1879 году (мемуаристка неточно указывает 1878 год). «На этом вечере выступали все корифеи тогдашней литературы — Щедрин, Тургенев, Достоевский и столь любимый в те времена молодежью Плещеев, — вспоминает Л. Я. Круковская. — Не помню, что читал Тургенев, но молодежь окружила его тесным кольцом и жала ему руки. Это был момент, когда эта молодежь как бы мирилась с великим писателем после временного разлада. Тургенев как-то растерялся и сконфуженно старался пробраться к выходу сквозь опоясавшее его кольцо.

В те годы печатались «Братья Карамазовы», создавшие Достоевскому огромный успех у боготворившей его молодежи. На упомянутом вечере Достоевский читал отрывок из «Братьев Карамазовых»* и читал превосходно, так что вся публика буквально неистовствовала и в овации принимал участие весь зал...»

Успех этого литературного вечера 9 марта 1879 года в пользу Литературного фонда был столь очевиден, что его решили повторить 16 марта. На вечере 16 марта 1879 года слушательницы Высших женских курсов преподнесли Достоевскому огромный букет цветов, к чему весьма ревниво отнесся И. С. Тургенев. Историю одной вражды (порыв к примирению произошел лишь после Пушкинской речи Достоевского) подробно рассказывает дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская (1869 — 1926) в своей книге «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter» (München, 1920). В русском переводе эта книга вышла в сильно сокращенном

* Достоевский читал «Рассказ по секрету». См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 353.

виде под названием «Достоевский в изображении его дочери» (М.: Пг., ГИЗ, 1922). Не попала в это издание и целая глава «Достоевский и Тургенев». Вот отрывки из нее:

«...Отец познакомился с Тургеневым, когда оба были молоды и преисполнены честолюбия, как многие молодые люди, стоящие в начале жизненного пути. Тогда они были еще не известны русской публике; их талант только начинал раскрываться. Они бывали в одних и тех же литературных салонах, прислушивались к одним и тем же критикам, почитали одних и тех же мастеров — любимейших поэтов и романистов. Тургенев очень нравился моему отцу; он восхищался им, как гимназист восхищается товарищем, более красивым и элегантным, чем он, пользующимся большим успехом у женщин и кажущимся ему идеалом мужчины. Но чем ближе Достоевский узнавал Тургенева, тем все более восхищение сменялось антипатией. Позднее он называл Тургенева «фанфароном», выражением, употреблявшимся тогда в России в смысле «поэзер». Это мнение Достоевского разделяли многие его литературные собратья. Спрашивая впоследствии русских писателей старшего поколения об их отношении к Тургеневу, я всегда отмечала определенный, несколько пренебрежительный тон, с которым они говорили о нем, сразу же исчезающий, как только речь заходила о Толстом. Тургенев в какой-то мере заслужил это пренебрежение. Он принадлежал к числу людей, не способных вести себя естественно, всегда стремящихся показать себя такими, какими они в действительности не являются <...>».

Мания величия Тургенева, очень распространенная между прочим в России, не помешала отцу оставаться с ним в дружеских отношениях. Снобизм — ужасная болезнь и причиняет большой вред, чем грипп. Если бы мы захотели оградить себя от всех известных нам снобов, нам пришлось бы стать отшельниками. Достоевский, очевидно, простил бы снобизм Тургенева, как прощают слабости тем, кого любят; однако незадолго до ареста и смертного приговора отец порвал с Тургеневым и перестал бывать в литературных салонах <...>».

Судя по лиричным письмам к брату Михаилу и по необычно почтительным письмам к отцу, в семье моего деда преобладал стиль Шиллера; русская грубость поразила Достоевского, когда он впервые столкнулся с ней в Инженерном замке, и, возможно, она была основной причиной его презрения к школьным товарищам. Она повергла его в еще большее изумление, когда он встретился с ней в тогдашних литературных салонах. Пока он не был знаменитым, он не страдал от нее. Он молчал и наблюдал общество: Григорович, с которым он вместе проживал, был воспитан на французский манер и всегда вежлив. Барон Врангель, с которым отец жил в Сибири, воспитывался в немецком духе, иначе говоря в традициях Шиллера, которым он остался верен до конца своих дней. Но когда неожиданный успех первого романа Достоевского возбудил зависть молодых писателей, они стали мстить ему клеветой и заносчивостью. Как бы ни хотел мой отец защитить себя, он не смог бы грубить им. Он был нервным и легко возбудимым <...>».

Особенно любил приводить его в ярость Тургенев <...> Напрасно защищал моего отца Белинский, бывший мягким человеком, напрасно упрекал он его соперника и пытался вразумить их, — Тургенев находил особое удовольствие в том, чтобы мучить своего нервного и чувствительного собрата. В один из вечеров в салоне Панаева Тургенев рассказал моему отцу, что только что познакомился с тщеславным провинциалом, считающим себя гением, и при этом дал карикатурный

портрет Достоевского. Все с удовольствием слушали его; по-видимому, начинался один из тех петушинных боев, которые пользовались тогда таким успехом. Тургеневу поаплодировали и с любовью ожидали, как ответит Достоевский. Отец не был петухом, он был джентльменом с чувством чести, более развитым, чем у грубиянов, окружавших его. Он был сыт по горло их дерзостью; почувствовав себя оскорбленным вновь и так грубо, он побледнел, встал и покинул салон, ни с кем не простившись <...>».

Молодых писателей очень удивил этот поступок. Моего отца искали, приглашали, писали ему — напрасно! Достоевский отказался посещать литературные салоны. Молодые писатели чувствовали себя очень беспокойно. Их литературная карьера только начиналась, и у них еще не было положения. Достоевский же тогда был любимцем публики, и его молодые товарищи боялись, что она заступится за него и обвинит их в ревности и злости. Они прибегали к клевете, излюбленному средству русских, или, лучше сказать, любого общества, находящегося еще в младенческой стадии развития. Они повсюду кричали о том, что Достоевский считает себя выше других, что он тщеславен, эгоистичен, у него плохой характер. Отец не мешал им говорить, что они хотели. Общественное мнение было безразлично ему, и на протяжении всей своей жизни он не снисходил до опровержения клеветы. Отказавшись от советов Белинского и литературных бесед с другими писателями, которые были бы ему столь необходимы, он сказал себе, что честь и достоинство — лучшие спутники человека и могут заменить ему всех остальных друзей. К сожалению, молодому человеку очень трудно быть отшельником; молодой ум нуждается для своего развития в обмене мыслями. Отказавшись от посещения литературных салонов, он искал общения с другими интеллигентами и имел несчастье попасть в кружок Петрашевского <...>».

Непримиримость отца произвела большое впечатление на русских писателей. Они поняли, что чувство чести у него было более развито, чем у его современников, и что, следовательно, с ним нельзя было разговаривать так бесцеремонно, как привыкли это делать писатели того времени. Когда он вернулся из Сибири, его новые друзья, сотрудники журнала «Время», относились к нему с почтением. Отец, не имевший более заветного желания, чем жить в дружбе со своими товарищами, но никогда не принесший бы честь в жертву дружбе, стал их истинным другом и остался им верен до самой смерти. Тургенев последовал примеру остальных писателей и был вежлив, даже любезен с моим отцом. Особенно любезен Тургенев был в то время, когда братья Достоевские издавали свой журнал. В одно из своих пребываний в Петербурге он оказал большую услугу редакции «Времени». Тургенев хорошо разбирался в денежных делах, водил дружбу с богатыми издателями и заставлял их платить ему высокие гонорары, тогда как Достоевский вынужден был вымалывать у своих издателей аванс и всю жизнь довольствоваться тем, что они ему давали...»

О маленькой Любе Достоевской упоминает в своих мемуарах «Мои воспоминания о Достоевских» видная общественная деятельница Мария Николаевна Стоюнина (1846, Каменец-Подольск, — 1940, Чехословакия), жена крупного педагога В. Я. Стоюнина, гимназическая подруга А. Г. Достоевской. Эти воспоминания, записанные славистом Р. В. Плетневым в результате бесед в Праге в 1931 — 1932 годах с М. Н. Стоюниной, были опубликованы в нью-йоркской газете «Новое русское слово» 1 мая 1955 года. Они существенно дополняют уже известные нам мемуары

М. Н. Стоюниной, опубликованные в 1924 году во втором сборнике «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы», тем более если учесть, что те были опубликованы без ее ведома, записаны с чужих слов, в них допускались ошибки и искажения.

«О Достоевском я помню немного, больше могу рассказать о жене его Анне Григорьевне, моей любимой подруге, — вспоминает М. Н. Стоюнина. — Слышала, конечно, с детства его имя, но ни с чем особенным, ярким оно тогда у меня еще не связывалось. Первое, что прочла еще девочкой, подростком, были «Записки из Мертвого дома», и осталось у меня впечатление очень сильное. Ну, да нам тогда много читать не давали, так что не было и доступно. Помню, после прочла, еще до знакомства с Достоевским, «Униженные и оскорбленные», и осталось сильное, уж вот самое сильное тогда впечатление от них.

Я рано, через шесть месяцев после окончания гимназии, вышла замуж (1865 г.) за Владимира Яковлевича Стоюнина, но не прерывала своей дружбы с Анной Григорьевной, мы с ней у него и учились. Вот зимой (1866 г.) как-то приходит она и говорит, что работает у своего любимого писателя — у Ф. М. Достоевского как стенографистка и переписчица. Сперва это она ничего мне особенного о нем не рассказывала (когда писался роман «Игрок»), ну, а после, к концу, уже начались ее рассказы о нем. Анна Григорьевна стала рассказывать и о новом романе, о главном его герое, т.е. о типе Раскольникове, и о его значении: то, что говорил ей Достоевский. Так что тут уже я о нем многое узнала. На свадьбе у Достоевских я, однако, за нездоровьем не смогла быть, а был мой муж и мать.

Вот как-то все ушли из дому, и муж ушел, и осталась в квартире я одна. Вдруг звонок, горничная входит и говорит: «Достоевский!» Вошел он в гостиную, у нас тогда хорошенькая на Шпалерной квартира была, такой маленький, невзрачный, серый, но интересный. Одет просто. Очень мы тут как-то хорошо поговорили, весело и просто, но об чем, не помню; немного он посидел и уехал. Очень он хорошо тогда отнесся ко мне, я это после от Анны Григорьевны слышала. Следующие наши встречи случились вскоре за тем, когда мы с мужем и я одна бывали у Достоевских. Не помню точно, где они тогда, еще до отъезда за границу, жили, не то в Кузнечном, не то в Колокольном переулке. О той квартире лишь помню, что бедная у них была обстановка. Только уже после переезда на другую квартиру, после заграницы, помню ясно: маленькая, маленькая гостиная, без занавесок или гардин, с красной мебелью, как плюшем обитой, триповая мебель, как тогда говорили. На столе большая фарфоровая лампа с Мейсенского завода, из Дрездена они привезли, пепельница такая же, ну и еще мелочи. Кабинет налево тоже простой, без гардин; спальня тоже самая простая. Столовая — крохотная, даже и не комната, а просто площадка после трех-четырех ступенек. Там у них был стол полускладной, с обломанными «крыльями», три-четыре стула. В маленькой кухнежке жила прислуга. Да Анна Григорьевна это все равно было, — есть ли, нет ли обстановки и какая она. Раз только Достоевский мне пожаловался: «Вот, когда холостой-то был, все у меня было, и большой диван-тахта и занавески... Вот, Ане это все равно, ей ничего не составляет, есть ли это, или нет!.. Да и денег теперь нет». А он (Достоевский т.е.) все это любил и ценил. Но они в общем жили душа в душу, обожание даже у них какое-то взаимное было. Тридцать пять лет жизни своей после смерти мужа она все посвятила его памяти, пропаганде его идей и распространению его славы, с

письмами Достоевского она не расставалась ни днем, ни ночью и всюду их с собой возила.

Раз, помню, заработал Достоевский 350 или 500 рублей, побежал тотчас в гостиный двор, купил у Морозова браслет золотой и подарил Анне Григорьевне. Она мне подробно рассказывала о том, как ей удалось-таки избавиться от этого подарка. — «Подумай, — говорит, — у детей обуви, башмаков нет, одежды нет, а он браслеты вздумал дарить!» — Он спит в кабинете, она, т.е. Анна Григорьевна, в спальне. Улеглись они спать, а она мучится, что будет делать с браслетом и что деньги-то нужны на другое. Наконец, не выдерживает моя Анна Григорьевна, идет в кабинет к мужу: «Знаешь, я не могу, отдадим его в магазин, ну на что он мне?» Он: «Я мечтал: заработаю там немного и куплю; мне такое счастье, что заработал и могу жене купить!» Он в отчаянии. Она уходит: «Ну, хорошо, хорошо!» Опять не может лежать спокойно, соскакивает с постели и летит к мужу: «Нет, нельзя, надо отдать, Федя, детям нужнее, да и зачем он мне?» Соглашается тут он. Проходит минута-другая. Слышит Анна Григорьевна вздохи, охи, ворочается муж с боку на бок. Вдруг срывается с дивана и в спальню: «Нет, Аня, я умоляю, пусть останется он у тебя!» Уходит. Но опять драма — она мучится: «Федя, ведь триста, подумай, триста пятьдесят рублей!» И так у них «нежная драма» всю ночь. После, наутро, все-таки она побежала к Морозову и вернула браслет. Так здесь ее мучение взяло верх и Достоевский уступил. Но все же раз и ему удалось победить.

Надо сказать, что самой Анне Григорьевне ничего не нужно было. И вот приезжает Федор Михайлович раз из заграничной поездки и привозит подарки, а ей привозит вдруг, совершенно неожиданно, рубашки. Анна Григорьевна мне их показала, да и говорит: — «Нет, ты посмотри, посмотри, что он мне привез: ведь шелковые!..» Она, может быть, готова была хоть дерюгу носить, что угодно, а это дюжина или полдюжины рубашек и все шелковые: голубые, розовые, белые. Часто Достоевский и тратился вот на такие глупости. Ну, а тут-то, когда купил рубашки, вернуть их было нельзя. Так и остались они у Анны Григорьевны. О ней я еще после скажу, а теперь вот о «драмах» и вечных у них трагедиях в жизни хочу рассказать.

Достоевский сам всегда и везде страдал душевно за всех мучимых, за всех людей, но особенно его терзали страдания детей. Раз он, помню, прочел в газете, как женщина своего ребенка утопила нарочно в помойке. Так Достоевский после ночь или две не спал и все терзался, думая о ребенке и о ней. Он никак не мог выносить страданий детей. И как человек-то оттого он и производил, может быть, сильное впечатление, что был он человек любящий и страдающий, умеющий страдать. Никто это так хорошо не понял, как Булгаков [в книге «Венец терновый. Памяти Достоевского»].

Все Достоевский трагически переживал и воспринимал драматически — и серьезное и пустяковое. Была я как-то у них в гостинной. Анна Григорьевна на кухню пошла, а я говорила о чем-то и заспорила с Федором Михайловичем. Стали мы спорить, и он тут такой крик поднял, что Анна Григорьевна прибежала в испуге: «Господи, говорит, я думала, что, право, он тебя побьет!» Тоже пришла я раз к Достоевским, встречает меня Федор Михайлович и говорит: «Ах, если бы вы знали, если бы вы знали, какая у нас трагедия была! Любочка зашибла руку, сломала, ужас!» Ну, я говорю, а теперь как она? «Ну, теперь все прошло, вылечили. А мы было думали...» Так у вас, значит, теперь, говорю, из трагедии комедия стала. Только я это сказала, а он и обиделся. — «Нет!» — говорит, и замолчал.

Вообще, у него все почти всегда драмой или трагедией становилось. Бывало, соберет его, перед уходом куда, Анна Григорьевна, хлопочет это возле него, все ему подаст, наконец он уйдет. Вдруг сильный звонок (драматический). Открываем: — «Анна Григорьевна! Платок, носовой платок забыла дать!» Все трагедия, все трагедия из всего у них. Ну, она мечется, пока все опять ему не сделает. Она за ним как нянюшка, как самая заботливая мать ходила. Ну, и правда, было у них взаимное обожание, как я и сказала. Она была полной его противоположностью: веселая такая, чуть, бывало, на улицу выйдет — уж целый короб новостей и ворох смеху принесет. Хохотушка она долго была.

* * *

В конце 1870-х годов, кажется, в 1879 г. явилась у меня идея открыть свою женскую гимназию. Решилась я на это, видя полную недостаточность и неудовлетворенность женского тогдашнего образования. А все мы жаждали труда и просвещения. Чуть открылись в то время при Мариинской гимназии «Естественно-Исторические курсы», уж мы — я и Анна Григорьевна на них стали ходить, а она так и записалась. Я-то их не окончила. Она все тогда смеялась: «Вот как умру, говорит, так за мною-то все, все дипломы мои и понесут». Она там еще несколько курсов разных кончила, да вот и на стенографические курсы к Ольхину записалась. Все это и для самообразования, и чтобы самостоятельность приобрести, и независимее быть.

Я хотя, помню, как сказала уже, тех Естественно-Исторических курсов не кончила за недосугом, но тоже занималась самообразованием. Чувствовала я недостаток, пустоту нашего тогдашнего женского образования, никаких горизонтов оно не открывало, общих сведений давало маловато, а сил брало много. Вот я и задумалась, как образование сделать иным, поставить его иначе. Женщина ведь очень, очень много значит в каждой семье, а знаний и дела у нее нет. Мужья пьют, в карты играют, нет и у них часто настоящих интересов, но хоть что-то есть, а у женщины ничего. А от нее многое и тут зависит — особенно в провинции — она взгляды и мужчин перевернет, облагородит, детей воспитает, будучи образованной, так что другими людьми будут. Да что тут, миссия женщины — большая миссия!

Я обдумала все это и говорю мужу моему о своем желании открыть гимназию. А он и говорит: «Да, только не сейчас, а пусть год пройдет, и ты, все обстоятельства взвесив, и поступишь». Я на это ему ответила: «Да не через год, а два года-то пусть пройдут; я хочу заняться пока самообразованием».

Вот с этой своей идеей приехала я к Достоевским, — ее тогда дома не оказалось. Я рассказала все Ф. М. Достоевскому. Он сразу воодушевился и воспламенился: «Знаете ли, это идея! Идея! Ох, это большая идея!» Я объяснила Федору Михайловичу, что хочу-то открыть гимназию только через два года, а пока сама подучусь. Он сказал на это: «Да, да! Ездите всюду, спрашивайте, учитесь, смотрите школы, всматривайтесь в преподавание». Очень это, видно, все ему понравилось и заняло его мысль. Он посоветовал мне тут же составить себе план и вопросы записать.

В то время были в Петербурге две частных женских гимназии, одна — княгини (А. А.) Оболенской, а другая г-жи Спешневой. Я к обеим и поехала. Но Спешнева такая была гордячка, что меня-то и не приняла. Но, правда, ее школа скоро совсем прогорела и закрылась. А кн. Оболенская меня прямо с распростертыми объятиями приняла. Уж много лет спустя после смерти

Достоевского, когда в 1906 г. праздновалось 25-летие моей гимназии, была на акте Анна Григорьевна. Тогда же было упомянуто в речи, что и сам Достоевский отнесся с таким искренним сочувствием к идее гимназии. Помню еще, как это тогда приятно было Анне Григорьевне.

С самим Достоевским не знаю уж о чем еще приходилось говорить. Раз вот, помню, как-то после их приезда из-за границы (т.е. после июля 1871 г.), рассказывали он и Анна Григорьевна о смерти своей дочери, трехмесячной Сони. Потеряли они там своего ребенка, плачут, убиваются. Оба они тогда страшно убивались. Вдруг, слышат, стук одних соседей, потом стук других соседей. Это им-то стучат: дескать, не беспокойте нас своим плачем! Оба они, помню, и Анна Григорьевна и Достоевский, говорили про западных людей, про их бессердечное отношение к людскому горю.

* * *

Яркие воспоминания остались еще у меня о трех публичных чтениях Федора Михайловича. Надо сказать, читал он, удивительно. Никто так, как он, не читал! Незабвенное осталось впечатление! Вот до сих пор скажу, что одно из самых ярких впечатлений в жизни 85-летнего человека — чтение «Пророка» в Дворянском Собрании, или, как его там называли, Благородное Собрание. Это было на пушкинских торжествах, когда и атмосфера особенная была: пробуждение русской самосознательности. Сперва, кажется, Тургенев читал стихотворение «Последняя туча рассеянной бури...». Читает и забывает. И вся зала ему подсказывает, словно семья людей. Тут все ему дружно кричат: и муж мой, поклонник Пушкина и учитель русского языка, подсказывает, и все вот уж и громко кричат. Но вот выходит Достоевский. Маленький человечек, худенький, серенький, светлые волосы, цвет лица и всего — серый. Ну, какая же фигура для «Пророка». И вот выросал и выросал! Читал он, и все слушали, затаив дыхание. Тихо начал, просто, и кончил — как пророк. У него и голос гремел и он все выросал. Пророк...

Тоже вот, помню, как-то другой раз читал он сцену из «Братьев Карамазовых»: Катерина Ивановна и Дмитрий с ней. Это когда подходит он после к стеклу и блем о стекло эдак, чтобы охладиться. Это тоже так было прочитано! Незабвенно и это. Прочел так, как никто на свете! И вышла тогда сцена поразительно. Поэт настоящий!

Хорошо я помню, когда свою речь читал. Мы тогда с Владимиром (ом) Яковлевичем специально из Петербурга на торжество (в Москву) приехали. Время это, — незабвенное время! Атмосфера пробуждения русскости, все словно тогда сознали свою русскость, все торжественное такое было. Помню, тогда (в день открытия памятника) были мы с мужем на площади. Места там устроили как-то вроде амфитеатра — трибуны. Мы с Владимиром Яковлевичем, страстным пушкинистом, сидели на местах, сколоченных из досок, довольно высоко, как раз против церкви Страстного монастыря. Все ждали, когда откроется после обедни главный вход, а памятник в это время был закутан в холст и обвит веревками. Начала стекаться публика, подходят различные делегации, подходят к памятнику писатели и кладут венки, идут гимназии, проходит гимназия Фишер — несут знамя. Ай, думаю, зачем не моя это, зачем не моя гимназия! Моей-то еще не было, только уж после открылась. Но вот распахиваются врата церкви, идет крестный ход, несколько оркестров вдруг начинают играть «Коль славен наш Господь в Сионе»... И тут, кажется мне, запела вся публика, все

поют и веревки с памятника как бы сами падают, разворачиваются полотна и открывается статуя. Что-то тут было незабвенное, казалось, что словно на небо подымаешься. Может быть и оттого, что места наши так уж устроены были, но все, все присутствующие чувствовали, что это все первые проблески русского самосознания. Чудно хорошо тогда было.

Вот и главная-то речь Федора Михайловича еще больше всех возбудила. Громадная зала вся полна («все писатели» тоже там). Выходит Достоевский, начинает свою речь (это после и в газетах было), начинает тихо. Зал шумел, и вдруг прислушался: Достоевский с эстрады протянул руку, и стихло. И он начал без всяких прелюдий и обращений: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое...» (Первые слова Д. произнес глухо, а последние каким-то громким шепотом, как-то таинственно, вся зала сразу почувствовала какой-то трепет и насторожилась.) Русский человек — всечеловек. Так об этом главное и говорил, о всечеловечности. Затем он говорил о том, что такое представляет собою русский человек, в частности, русский юноша. О чем говорят эти желторотые, когда соберутся вместе. О счастье людей, всех людей, родины. Нет, этого мало, им давай счастье всего, всего человечества, это всечеловек, он всех хочет очастливить.

Тогда очень, очень много нападков на молодежь всюду было, а Достоевский-то в речи словно защищает молодежь. Один студент, помню, падает в обморок. Все потрясены. Кончил он драматически, трагически кончил: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Когда потом эту же речь читал (по «Дневнику писателя») профессор Орест (Федорович) Миллер, то я не могла слушать его и ушла: противно и неприятно стало. А когда читал сам Достоевский, то другое, совсем другое слышалось. Как кончил Достоевский так трагически-то, гробовая тишина сначала, а потом овации. Подходят, бегут к нему, целуют его все, и Тургенев к нему идет и все, все потрясены так, до глубины души.

После, как зала немного очистилась, дамы уехали, а Достоевского просили остаться. После эдак часу привезли громадный венок и его увенчали.— Это был не просто Пушкинский праздник и речи, а празднование русского духовного возрождения.

Вскоре потом Достоевский умер. Перед смертью, Анна Григорьевна рассказывала, он все о семье и ее будущем беспокоился: — «Умру я, чем же ты жить будешь, чем жить. Но помни, говорит, Аня, не обращайся в «Литературный Фонд», тебе откажут еще, не обращай!» Просил тоже, уже умирая, чтоб и если трудно будет, чтоб Любочке, дочери их, кильки и шпроты всегда давали, чтоб непременно, непременно у ней были. «Неужели я умру, и у нее не будет!» Они ведь все время нищенски почти жили — все долг выплачивали, только к концу жизни Достоевского выбились. Тогда, помню, в конце 1870-х годов, Анна Григорьевна с радостью сообщила мне, что уже долг заплатили и 1.000 рублей осталось. Они за нее после дом в Старой Руссе купили.

Но после смерти Достоевского они бедности не увидели. Сперва государь определил пенсию Анне Григорьевне с детьми, кажется 2.000 в год, а после главное — издание сочинений Достоевского раскупилось. Очень, помню, тогда радовалась Анна Григорьевна, что их с Достоевским любимейший (он его так любил!) государь так им помог и пенсион назначил.

Потом, когда был убит император, и Вл. Соловьев, говоря о необходимости помиловать, не казнить убийцу, чтоб выйти из малого «кровавого круга», пока не образовался «большой кровавый круг», сказал эти слова, то Анна Григорьевна страшно вознегодовала. Помню, она подбежала тоже к кафедре и кричала, требуя казни. На мои слова к ней, что ведь Владимира Соловьева наверное бы одобрил Достоевский, что ведь он его так любил и изобразил в лице Алеши, Анна Григорьевна с раздражением воскликнула: «И не так уж любил, и не в лице Алеши, а вот уж скорее в лице Ивана он изображен!» Но эти слова, повторяю, сказала она в волнении раздражения.

Помню ясно я тоже известие о смерти Достоевского. Приехала я, как сейчас вот помню, на панихиду. В гостиную у них, смотрю, сидит с моей Анной Григорьевной на диване какой-то свинообразный человек — это был князь Мещерский, издатель «Гражданина». Еще кто-то со мной вошел. Гроб с телом стоял в кабинете. Вошла туда с нами графиня Софья Андреевна Толстая и положила на руки Достоевского и на грудь ландыши и иные потом цветы. Клади цветы и другие.

В день похорон весь Кузнецкий переулочек полон народом; студенты держат цепь, а народ все идет, все идет. Большие были похороны и Некрасова (тоже помню), но куда, совсем не такие, как Достоевского...»

Внук М. Н. Стоюниной Б. Н. Лосский (сын философа Н. О. Лосского) в седьмом номере исторического альманаха «Минувшее», вышедшем в Париже в 1989 году, публикует «Воспоминания» самой М. Н. Стоюниной, где есть и страницы, относящиеся к Достоевскому: «...В то же время я начала (по совету Ф. М. Достоевского) посещать некоторые школы с хорошей репутацией и познакомилась с гимназией княгини Александры Алексеевны Оболенской, причем сама начальница отлично отнеслась ко мне и оставила на всю жизнь чудное впечатление. Со своими друзьями Достоевскими я раньше всех поехала поделиться своими планами. Анна Григорьевна Достоевская была моей подругой и одноклассницей в гимназии и осталась моим другом до самой ее смерти. Когда я была у них со своей новостью, Анны Григорьевны не было дома, а Федор Михайлович, очень хорошо ко мне относившийся, принял горячее участие в моих планах и стал давать мне советы, как лучше употребить те два года, которые мне оставались до открытия гимназии в 1881 году <...>

Весною 1880 года мы с Владимиром Яковлевичем [Стоюниным], проездом через Москву в деревню к друзьям Людоговским в Можайский уезд, остановились на несколько дней в Москве, чтобы присутствовать при открытии памятника Пушкину, и эти несколько дней оставили в нас неизгладимое впечатление на всю жизнь. По просьбе дочери Федора Измайловича Родичева, Александры Федоровны, нашей бывшей ученицы, я описала эти впечатления в письме к ней в Лозанну 18-го февраля 1931 года. Начну с конца, писала я ей, с речи Достоевского о Пушкине. Это было то время, когда на нашу молодежь сыпались нападки со всех сторон, и русское общество горько это переживало, а мы с Владимиром Яковлевичем, как близко стоявшие к ней, может быть, сильнее чувствовали обиду за нее. И вдруг раздалось вещее слово Федора Михайловича Достоевского, перевернувшее всю душу. Без всяких прелюдий и обращений Достоевский начал свою речь со слов: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь; прибавлю от себя: и пророческое». Первые слова Достоевский произнес глухо, а последние каким-то громким шепотом, как-то таинственно. Вся зала сразу почувствовала какой-то трепет и насто-

рожилась... Затем он говорил о том, что такое представляет собою русский человек, в частности русский юноша. О чем говорят эти желторотые, когда соединятся вместе? О счастье русских людей, родины? Нет, этого им мало, давай счастье всего человечества; это всечеловек, он хочет всех осчастливить...

Можешь себе представить, что все в это время чувствовали, слушая страстную, вдохновенную речь Достоевского. Все были напряжены до последней степени. Наконец, Достоевский смолк, и вся зала несколько минут оставалась в каком-то оцепенении; потом вдруг все находившиеся на эстраде бросились обнимать и целовать Достоевского и первым был Тургенев. Поднялся страшный шум, взрыв аплодисментов, с каким-то студентом сделался обморок, вся публика была в сильном возбуждении. После этого никто не решился выступить и заседание прекратилось. Часть дам бросилась покупать венки и вернулась довольно долго спустя, но зала и коридор еще не опустели*. Очень интересен был еще вечер накануне этого знаменитого выступления Достоевского. Читались стихи Пушкина и отрывки его сочинений, между прочим, жена Муромцева прочла письма Татьяны в театральной обстановке. Потом вышел на эстраду Тургенев и начал «Последняя туча рассеянной бури...», и начал хорошо, и вдруг забыл. Тогда вся зала подсказала ему продолжение. Наконец, вышел Достоевский, маленький, тщедушный, какой-то серенький, платье на нем тоже висит, — и начинает декламировать «Пророк» Пушкина. Начало ничего хорошего не предвещало, но чем дальше, тем лучше, под конец было впечатление, что это сам пророк вещал...»

Чтение Достоевского всегда производило особое впечатление на слушателей. «В зимний семестр 80-го года мы и слушали Достоевского, — вспоминает студент Вл. А. Шнейдер в заметке «Несколько памятных слов о Достоевском» (ЦГАЛИ, ф. 909, оп. I, ед. хр. 3). — Он читал «Мальчика у Христа на елке».

В его надтреснутом голосе звучали скорбные ноты и сразу переносили к тем моментам, что он пережил на каторге — в них слышался автор «Мертвого дома» — то же самое и в выражении его лица.

Много позже младший сын поэта Ап<оллона> Н<иколаевича> Майкова, Аполлон Аполлонович, передавал нам, что А<поллон> Н<иколаевич> советовался с Федором Михайловичем (с которым, как известно, Майков очень дружил) относительно чтения для юношества — что давать читать сыновьям: «Давайте Вальтера Скотта, Илиаду, Дон-Кихота — рыцарство и героика — вот на чем надо воспитывать молодежь».

Конечно, самое большое впечатление на современников произвели участие Достоевского в торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в июне 1880 года и его гениальная Пушкинская речь. Вот что вспоминает писатель Николай Андреевич Шамин (1862 — 1933) (мемуары хранятся в ЦГАЛИ, ф. 1331, оп. I, ед. хр. I):

«Ф. М. Достоевского я имел возможность видеть в июне 1880 года на торжестве открытия памятника Пушкина на Страстной площади. Достоевский был окружен многочисленной толпой учащейся молодежи.

Наружность его запечатлелась в моей памяти: среднего роста, коренастый, несколько сутуловатый, с отпечатком на желтом лице — человека, измученного тяжелой неволей. Он был с открытой головой

* Должно быть, этот венок и показывали супруги Достоевские бабушке, которая навестила их сразу после пушкинских торжеств. Показывая его, они не преминули добавить, что он превосходил размером венок, доставшийся Тургеневу.

(без шляпы). На голове и бороде — русые с лысиной волосы с едва заметной проседью.

Он держал под руку 85-летнего старика, бывшего слугу семьи Пушкиных.

Как рассказывают — Достоевский спросил старца, находит ли он сходство изображенного на памятнике Пушкина с живым Пушкиным.

Тот отвечал: «похож, очень похож, только Александр Сергеевич был много ростом пониже».

В дни торжеств Достоевский чувствовал себя довольно бодро — даже произнес замечательную по своему содержанию речь о Пушкине.

Тогда казалось — ничто не предвещало его близкой кончины. Но это совершилось — через 1/2 года Достоевского не стало.

По моей инициативе в 1906 году по случаю 25-летия со дня кончины Достоевского — была поставлена мемориальная доска на доме б. Мариинской больницы, где он родился и провел детские годы.

В 1915 году — по моей же инициативе было присвоено двум городским училищам имя Ф. М. Достоевского».

Неоднократно выходявшие у нас мемуары Александры Павловны Боткиной «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» мы можем теперь дополнить воспоминаниями «В доме Третьякова» (Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1954) другой дочери основателя картинной галереи Веры Павловны Зилоти: «... Незабываемым грустным впечатлением нашей юности было начало 1881 года, года утрат, которые переживали наши родители, и мы с ними. Скончались, один за другим, Федор Михайлович Достоевский, Модест Петрович Мусоргский и Николай Григорьевич Рубинштейн.

Родители наши читали и перечитывали Достоевского почти круглый год, особенно летом, в свободное время. Читали, и каждый врозь, и часто вместе <...> Мамочка и мы обе с Сашей читали иногда вслух, по очереди, и так прочли многое из Достоевского, кроме «Братьев Карамазовых». Мамочка взяла с меня слово, что я не буду читать этой книги раньше 25 лет, что я исполнила и не жалею.

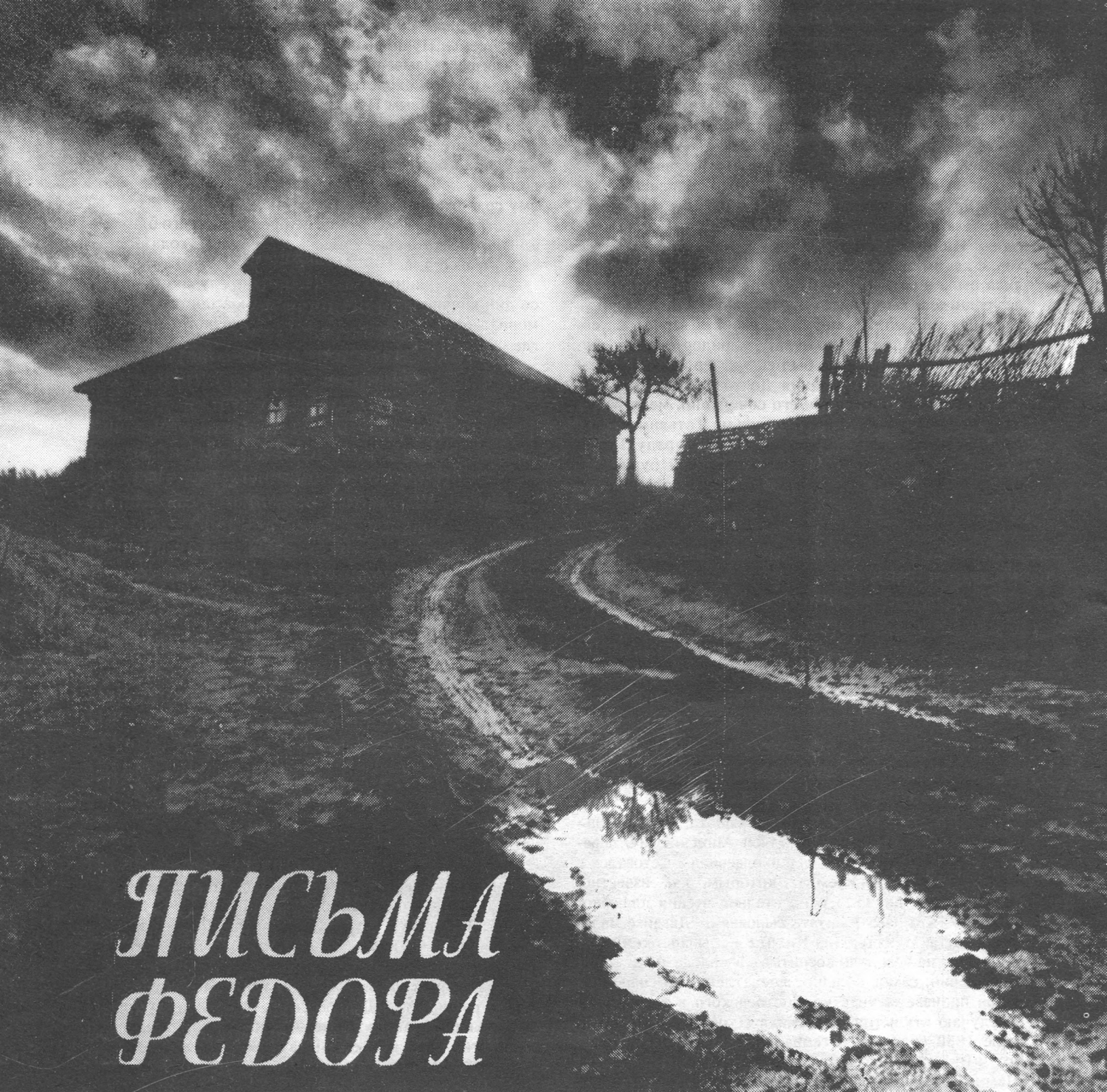
В начале 80-х годов в Москве во время открытия памятника Пушкину был съезд всех наших знаменитых писателей. Родители бывали на всех торжествах, и мы с нетерпением ждали их рассказов.

Было незабвенное дневное публичное заседание в зале Дворянского собрания, где говорили речи Достоевский, Тургенев и другие. После речи Достоевского о Татьяне Лариной как идеальном типе русской девушки и женщины, равный которому можно найти лишь в Лизе в «Дворянском гнезде» — Тургенев, после долголетней размолвки с Достоевским, бросился тут же на эстраде в объятия последнего. Так произошло примирение этих двух великих писателей. В зале была нескончаемая овация им обоим. Большинство публики плакало.

В той же зале собрания был и банкет. Мамочка сидела за столом рядом с Тургеневым, который ее очень любил. Познакомились и с Достоевским. Он долго с нею беседовал и написал ей замечательное, трогательное, восторженное письмо, которое она нам прочла, и которое хранила.

Насколько хорошо знал отец Достоевского, — я не знаю. Он не любил говорить ни с кем кроме мамочки, которую боготворил, ни о чем ему особенно дорогим.

Мы знали с детства, как оба родителя поклонялись Достоевскому, как глубоко ценили и любили его философию. Помню, каким потрясенным и разбитым отец приехал домой из Петербурга, после похорон Федора Михайловича...»

ПИСЬМА ФЕДОРА

Эти письма, попавшие к нам случайно, написаны в конце зимы — весной 1992 года в далекой полузаброшенной деревне в окрестностях Кинешмы. Ум и наблюдательность автора, экономно-энергичный стиль изложения, общая парадоксальность настолько поразили наше воображение, что мы упростили получателя писем дать согласие на их публикацию. Об авторе, к сожалению, не удалось узнать ничего, кроме имени и нескольких самых общих сведений: что по профессии он математик, что добровольно оставил работу в научном учреждении и среди зимы поселился с дочерью-подростком в старой деревенской избе, доставшейся ему по наследству от давно умерших родственников. Зачем? И что будет дальше? На эти вопросы мы сами очень хотели бы получить ответы, но додумывать и предсказывать — в наше время занятие пустое.

письма из России

1

Здравствуйтесь, дорогие!

Получил письмо от папы. Дошло удивительно быстро: датировано 12-м, В-ский штемпель 13-го, а получил в субботу 15-го. Почтальонка на остановке в Журихине окликнула Аню и спросила: как зовут твоего отца? — после чего вручила письмо. Мое письмо к вамшло 9 дней, возможно, оттого, что я опустил у антипинского магазина.

Перед отъездом сюда я купил валенки в Иванове, в комиссионном магазине, но новые, за 200 р. И после первой же сушки на печке они сели так, что стали годиться только Ане. Очевидно, было допущено грубое нарушение технологического процесса, хотя валенки заводского производства. Я думаю, были плохие стиралки.

Ходили в журихинскую баню; очень хорошая, удобства, как в городе, но чистая, нет скверного запаха, как во всех ивановских банях. Почему-то необыкновенно мягкая вода. Такая бывала в с-ской бане только на короткий период веснами.

Река в огороде ведет себя странно. Когда мороз усиливается, покрывается крепким льдом. Когда мороз слабеет, лед истончается и открывается вода. Я объясняю это быстрым течением.

Грызуны дня через три после приезда две ночи тревожили, грызли пол в разных местах. Я сразу вставал и бил колом по этому месту. С тех пор уже много дней они никак себя не проявляют.

В этом году много снега, беспокоюсь за крышу. А если сбрасывать, тоже можно ее потревожить.

До свидания.
16.2.92.

Фёдор.

2

Здравствуйтесь, дорогие!

Деньги получил своевременно. С ними вышло так: Ане в школе сказали, что пришли деньги. Говорит, вся школа об этом узнала. На следующий день я пошел за ними в Журихину. На почте сказали, что деньги уже получены. Я посмотрел расписку в получении — почерк незнакомый. Подумал, что выйдет как с деньгами тети Нюры. Но оказалось, что почтальонка оставила деньги незнакомой старушке в Антипине, та перехватила Аню у своего дома и отдала ей.

Кроме нас в деревне живут Грачевы и Тамара Творогова. Изредка приезжает Николай Солозобов с семьей. Поэт и Слава пока не появляются.

На лобановской территории все достроили, в заводском корпусе живут приезжие работники подсобного хозяйства, и квартиры там, по словам Ани, даже с ваннами. Яшины из Оботурова живут в щитовом доме, облицованном кирпичом. Щитовых домов в Антипине строят много.

Судя по следам на снегу, грызуны очень мобильны и постоянно мигрируют от дома к дому. Но если им не давать пищи, они надолго не задержатся. Борются с ними кроме ежей помогает сова. Два вечера она прилетала около одиннадцати часов и кричала на березе. Аня первый раз услышала — прибежала испуганная со двора, думала, что это кричит привидение.

Вчера ей передали в автобусе сразу два письма для меня.

До свидания.
13.3.92.

Фёдор.

3

Здравствуйтесь, дорогие!

От вас пока ничего не было. Здесь половодье уже пошло на убыль. Река очень широкая и как будто стала

ближе к окнам. Непривычно наблюдать из окна большую бурлящую реку. Ключ затопило, и за питьевой водой приходится ходить в Антипино на колодец за магазином.

Затеяли какую-то стройку рядом с ягодинским мостом, вбили много высоких бетонных свай. Около нашего дома несколько дней крутились мужики с теодолитом и рейкой. Я уже забеспокоился, но потом решил, что съемку положено проводить в широкой полосе от моста.

Сделал скворечник и установил на высоком песте у бани. Скворцы живут.

Хотя, за исключением отдельных проталин, весь огород покрыт снегом, верба уже расцвела. Накануне вербного воскресенья дойти до овинной ямы не составит никакого труда.

Я думаю, папе имеет смысл пожить здесь в мае, когда нет мух, цветет черемуха, поют соловьи.

До свидания.

3.4.92.

Фёдор.

4

Приветствую!

Письмо от 19 марта получил 4 апреля. Вероятно, это связано с тем, что в марте несколько дней мы отсутствовали в каникулы. До этого, 16 марта, получил трудовую книжку в институте и выходное пособие (двухмесячный оклад). Галя получает 3000, так что кое-как сводим концы с концами.

Рассказов о Шерлоке Холмсе у нас есть полный сборник. Здесь мы устроились вполне комфортно, весь хлам вынесли в баню, вымыли пол, стены, потолок.

Повторение передачи о митинге на Манежной площади я видел. Читаю только «Советскую Россию» и «День», так что сам понимаю, какое настроение. Вспоминаю слова из песни «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк»: «...От ярости я задыхаюсь».

В нашей деревне нашествие галок, ищут место для гнезда. Целая куча сидела на трубе и нырля туда, но потом сообразила, что этот мужик каждый день топит печку, дьявол. Две галки долго сидели на скворечнике, хотя он занят скворцами и отверстие не позволяет. На наших березах есть дупла в виде застарелых свилеватых расщеплений. В одном они поселились, а в другое не могли протиснуться. Живут низко над землей и недовольны, когда я хожу мимо. Грачи все поселились в Антипине.

С коммунистическим приветом.

5.4.92.

Фёдор.

5

Здравствуйтесь, дорогие!

Письма от папы получил 7-го. Несколько дней назад послал вам два письма, одно вдогонку другому, поскольку между ними получил письмо от Володи.

Очень странно, что у Кати такие взгляды. Я думал, что уж сейчас-то они могут быть только у врагов русского народа и тех, кого они подкупили.

Писал вам, что половодье пошло на убыль, но тут началась дождливая погода, и вода достигла самой высокой отметки. Еще немного, и вышла бы туда, где наш костер. Когда я черпаю воду, боюсь утонуть: поскользнешься по травянистому склону — и уже никто не спасет, такой бурный поток. Шум воды слышно в горнице, и оттуда поздно вечером открывается красивый вид: в общежитии напротив горят все окна и отражаются в воде.

В стволе березы живут три семьи галок. Как животные тоже мучаются с жильем! Они не оставляют попыток проникнуть в скворечник и по утрам иногда кричат в трубе.

Ежи проснулись 5-го апреля. Обнаружили себя на дворе. Они же, по-видимому, издают по ночам под печкой звуки, как будто жуют, дышат или трутся обо что-то. С крысами спутать нельзя, хотя я сначала вставал и отпугивал их, пока не убедился, что это какие-то совершенно безвредные существа.

Хлеб здесь почему-то дешевле, чем в городе, буханка черного стоит 3 рубля. Но продавщица дает его неохотно из-за того, что я у них не работаю. В зависимости от настроения одну, две или три буханки (я стараюсь взять сразу дня на три, чтобы не беспокоиться об этом каждый день). А еще в середине января буханка стоила 1.68 и можно было брать сколько угодно.

Если даже бензин на летнюю поездку в деревню обойдется тысячи в полторы, все равно ее отменять нельзя.

До свидания.
9.4.92.

Фёдор.

6

Х. В.¹

Здравствуйте, дорогие!

Вчера получил письмо от папы. На этот раз принесла Тамара Творогова. А почтальонка почему-то боится к нам заходить.

И у реки, и у овиной ямы рядом растут верба и ива. У реки верба цветет обильно и пышно, а у овиной ямы барашков на ней мало и они мелкие. Зато веточки у нее ровные и гладкие, в отличие от огородной.

Ходил на могилу бабушки и на кладбище. Возникла мысль, что мы, как первобытные мужики, все красим лист железа на памятнике, вместо того чтобы заменить его чем-нибудь более современным. Несколько лет назад я видел в продаже гофрированные листы кровельного алюминия. Для кровли они дороговаты, а для памятника было бы вечное покрытие, не требующее окраски. Его не украдут, если испещрить гвоздями, как пленные немцы мост в Кинешме (Вадим говорил, что даже печку нельзя было топить обломками). Здесь лежит рулончик латунного листа. Еще бы два таких рулона, и можно покрыть памятник. Тогда бы я перед каждой Пасхой чистящим средством удалял зеленый налет, и памятник сиял бы.

Обрезать рябину на могилах тети Оли и тети Нюры, о чем был разговор прошлым летом, я не решился, так как боюсь, что они засохнут, все-таки это не тополя...

Поэт и Слава так и не появились. Дяди Вани дом брошен на произвол судьбы. Сквозь пролом туда забираются дети. Ане рассказывали, что там полы выломаны и валяется много писем и книг. Одна девчонка говорила, что видела книгу с надписью «Ивану Федоровичу»...

У Ани с математикой дела обстоят неважно. Остается надеяться, что она устроится в жизни, как Миرون (а я, как Николай Сергеевич К., хорошо учился в школе).

Галки, несмотря ни на что, все-таки устроили в трубе гнездо, и теперь у меня половина дыма идет в избу. Разорить гнездо я не решаюсь, хотя птенцы все равно не выведутся. На время топки они вылетают из трубы. Когда вылезут, дым начинает идти получше, но все равно плохо. Опасаюсь, что будут вредить огороду. Прямо из трубы они, как домашние птицы, летят к блюду (прошлогодней большой консервной банке из-под селедки), где я оставляю остатки еды. Один раз галка даже подбиралась меня клевать.

¹ Очевидно, эти буквы в начале письма означают «Христос воскрес!» — традиционное поздравление с Пасхой. (Прим. редактора.)

Сегодня на нашу березу прилетал дятел-желна. Оказывается, он выглядит, как большой пестрый дятел, разве что размером поменьше и красное пятно на голове не заметно. А обычный дятел как-то долбил у самой земли поваленный куст черемухи рядом с баней. Когда меня увидел, надолго замер, так что я не дождался, когда он оживет.

Давно не читал «Правду», говорят, она все-таки трусливая по сравнению с «Советской Россией». В «Дне» писали, что она улыбается властям отрубленной головой.

Здесь лежат пачки двух номеров прошлогодней «Сельской жизни» и одного номера «Комсомольской правды». Все забывал у вас спросить, откуда столько экземпляров этих газет.

Насчет хлеба летом не беспокойтесь. Если он будет в городе, то и здесь добудем.

До свидания.
22.4.92.

Фёдор.

7

Здравствуйте, дорогие!

Большую поздравительную открытку от папы и письмо от Володи получил своевременно.

Надеюсь, у папы температура прошла. Сам я 3 мая после чая с земляничным листом (оказывается, это тоже потогонное средство, как и малина) побыл две минуты в сенях на ледяном сквозняке и до сих пор чувствую себя простуженным.

7 и 9 мая над деревней пролетали большие стаи журавлей (сразу в несколько углов) в направлении строго с юга на север.

Копая огород. Земля нашлагована камнями. Это сильно замедляет и затрудняет работу. Сначала я складывал их в ведро и сыпал у бани, потом стал бросать в реку, но сыплются веточки черемухи, сбитые камнями. Кот, привезенный из Иванова, любит лежать над водой на нависающем стволе черемухи. В середине огорода вывернул из земли несколько валунов, некоторые с плоскими гранями, специально подобранные (поэт просил их у меня, я не отдал). Очевидно, в этом месте было строение, позднее сгоревшее (на довольно большой площади из земли выкапываются угли и оплавленные осколки стекла).

30-го приходили тетки и обмеряли землю. Ругались, что я не подал заявление на огород. Я через несколько дней отнес заявление в сельсовет. Не понравилось, что там сказали, будто бы размер налога пока не известен. Я своими глазами читал в газете о принятом этой весной Верховным Советом законе, по которому горожанам в сельской местности надо платить за огородный участок по рублю с сотки (в городе и пригородной зоне намного больше). Надо понимать так, что теперь местные власти плюют на законы и могут содрать сколько угодно.

В огороде выкапывается много корневищ лопуха. Я попробовал, оказывается, на вкус оно не хуже редиски. Надо будет приготовить салат. У растения, из которого летом вырастут дудки, тоже большое, сочное, вкусное корневище, но я опасаюсь, что это *Cicuta virosa* (вех ядовитый). А может, и нет, дудок разных много, тогда обидно, что пропадает ценный продукт.

История с галками закончилась драматически. Однажды я положил в печку чуть больше дров, и гнездо загорелось. Галчиха сидела на трубе и от горя развала

клюв, а другая галка думала, что она просит есть, и совала ей в клюв червяков.

На этом прощаюсь. Будьте здоровы.
16.5.92.

Фёдор.

8

Здравствуйтесь, дорогие!

Предыдущее мое письмо, написанное 16 мая, если вы его получили, задержалось из-за Аниных странностей. Она не опустила его вовремя, но не призналась в этом, а стала хитрить.

Огород все еще копаю. С 25 мая установилась теплая погода. Сейчас самый разгар цветения черемухи. Воздух ароматный. Никогда не слышал такого разнообразия птичьих голосов.

В черемухах живет много птиц, по окраске и строению напоминающих воробьев, но в несколько раз крупнее, и они не чирикают, а стрекочут. Одно из гнезд

над водой — на уровне берега, легко доступно и людям, и животным. Видимо, оттого, что такие бестолковые, эти птицы очень злые. Постоянно гоняются за воронами. Когда я рядом с гнездом копал грядку, птица несколько раз набирала в гнезде в клюв помету и с разлета с силой обдавала меня им. Три раза капли ударялись о траву у самых моих ног, а в четвертый все-таки попали на одежду. Не знаю, что за птица. Грудка в крапинках. Из не очень благородных. В литературных произведениях о ней должны бы отзываться пренебрежительно. Но я не припоминаю.

В мае вдоль реки ходило много рыбаков, сейчас вроде перестали, а может, просто обходят огород. Поэт ставил в реке какую-то сетку. Насчет добычи сомнительно. Я вообще к рыбакам отношусь с предубеждением. Сейчас уже не та эпоха.

До свидания.
27.5.92.

Фёдор.

«ПРОШУ РАССЧИТАТЬСЯ ЖУРНАЛОМ!»

Господа!

Прочел в номере 1(3) за 1992 год подборку писем-откликов по поводу «Странника». Конечно, прочел не только это, и потому-то решил написать пару строк...

Работайте! Думаю, денег не хватает сейчас и вам. Я заплатил за последний номер «за все про все» 30 рублей. Заплатил бы и 40. Слово важнее! Тот, кто этого не понимает — не ваш, и нечего жалеть. Главное, чтобы вы остались собой — серьезным изданием, не гнались за тиражом.

И еще. Не напечатать ли вам произведения Баркова — ведь не многие приобрели сборник.

С уважением
Олег Кубрак.
г. Сумы.

Уважаемая редакция!

Прошу выслать мне ваш журнал начиная с № 4. По объявлению в нем видно, что вы не коммерческое издание...

Поведение Полторанина меня не удивляет — новые власти почти все баре, кто больше, кто меньше.

Построение журнала, выбор материалов и их уровень настолько высок, что не знаю, можно ли сделать лучше. Было бы хорошо, если бы вы нашли возможность печатать известные репродукции высокого качества. Желаю успеха (кстати, Вышинский за месяц до смерти сказал, что главное — успех). И любопытно было бы знать себестоимость журнала.

П. Е. Ирич.
г. Санкт-Петербург.

Уважаемые друзья!

Я ваш постоянный подписчик с самого первого номера. Все ваши условия мной выполнены. Журнал очень нравится. Поэтому повышете цены на журнал меня не оторвет от его чтения. Жду ваших следующих номеров.

С уважением
П. А. Попов.
г. Новоочеркасск.

Уважаемая редакция!

Большое спасибо вам за сюрприз: сегодня почтальон принес мне журнал. Я уже давно потеряла было надежду.

От журнала на будущее не отказываюсь. Буду получать наложенным платежом, если вы будете посылать. Тем более что у нас все русские газеты и журналы закрылись. Будет как луч света в этом «царстве».

Еще раз большое, большое спасибо.
Ф. М. Галимова.
г. Ташкент.

Благодарим наших читателей за дружескую поддержку. Без вашего внимания к «Страннику», без постоянного ощущения, что наша работа кому-то нравится и приносит пользу, журнал уже давно прекратил бы свое существование.

Мы стараемся быть журналом «тихой» русской интеллигенции, трибуной тех достойных представителей народа, чьи одинокие самобытные голоса, не подыгрывающие толпе и не служащие корыстным интересам политиков, всегда звучат на житейских торгах слишком слабо, заглушаясь здравницами или бранью. Однако к ним стоит прислушаться. Нам кажется, что читатели «Странника» если еще и не увидели, то, по меньшей мере, угадали это наше стремление и поддерживают именно его. Вся мыслящая и чувствующая Россия сейчас в поисках нравственного пристанища, в поисках культуры. У «Странника» в этом поиске надежные ориентиры.

Но пока можно говорить лишь о моральном успехе журнала. Для сведения: себестоимость предыдущего номера «Странника» равнялась 46 рублям, а подписчикам он рассылался (не считая стоимости пересылки) по 20 рублей. Издатель не возвращает себе и половины того, что тратит. Пока издание существует лишь благодаря помощи совместного предприятия «Нептун Пасифик», руководители которого унаследовали благородные традиции старых русских предпринимателей, бескорыстно поддерживавших культуру.

Нам неловко тратить не заработанные нами деньги, да и не может это длиться долго. Спасать «Странник» могут только его читатели. Приобретайте журнал сами, рассказывайте о нем своим друзьям и знакомым — ведь о «Страннике» знают очень мало!

Мы будем рады сотрудничать на коммерческой основе с организациями и частными лицами, которые могут доставлять журнал из Москвы в другие города и продавать его там.

Для тех, кто желает и имеет возможность помочь нам материально, сообщаем наши данные: ТОО «Странник», расчетный счет 467282 в Русском национальном банке, корр. счет 161667 в РКЦ ГУ Центробанка РСФСР по г. Москве, МФО 201791. На издание журнала «Странник».

РЕДАКЦИЯ.

Главному редактору журнала «Странник»
С нетерпением ждал Ваш журнал и в своих ожиданиях не обманулся. Прекрасное издание по содержанию и по форме.

Огромное спасибо творческому коллективу редакции. Естественно, остаюсь верным подписчиком журнала.

С уважением
В. Ильинский.
г. Бийск Алтайского края.

Уважаемые издатели!

С большим сожалением вынужден отказаться в связи с увеличением стоимости журнала и услуг по пересылке от дальнейшему получению вашего журнала. Получаемая мною пенсия не позволяет нам приобретать ваш журнал по таким ценам.

С уважением
Н. Г. Корякин.
пос. Октябрьский Иркутской области.

Уважаемая редакция!

Несмотря на доверительную беседу и душещипательные признания главного редактора, я все же вынужден отказаться от подписки, которая не дешевет даже от обаяния г-на Яковлева. Если у вас есть долг, то прошу рассчитаться (ибо я не помню хорошенко). Лучше журналом.

А. Труфанов.
г. Казань.

Дорогие друзья!

Журнал «Странник» — лучшее издание (в мире культивируемых сейчас изданий Насилия, Крови и Безнравственности)!

Погасить огонек «Странника», значит погасить и такую призрачную надежду, которая, тем не менее, все еще теплится в настоящих сердцах и душах. Будьте мужественны и, как обычно, благородны! Ведь эти понятия, как и великодушие, сейчас просто исчезли.

Счастлив сообщить, дорогие друзья, что я, естественно, продолжаю и поддерживаю подписку, чего бы она ни стоила. Более того — прошу вас сообщить, каким образом и в какой форме можно оказать «Страннику» поддержку.

С глубочайшим уважением —
Пронченко Владислав Васильевич.
г. Калуга.

ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ О КОТЕ, ЧУРЛЕ, ПРАЗДНИКАХ И ГРУСТНЫХ МЫСЛЯХ

Людмила БУСУЕК

КОТ И ЧУРЛЯ

Нам негде было жить, и мы временно поселились в этом доме с согласия его хозяев, уехавших на зиму в город.

Кончался октябрь, вот-вот должны были начаться холодные и темные дни. С деревьев облетели почти все листья, а те, что еще оставались, казались неживыми, будто привязанными к ветке провололочкой. На клумбе у дома загостились цветы — не осенние, георгины или астры, а веселые и нежные анютины глазки. Каждый теплый солнечный день уходящей осени воспринимался нами как подарок.

Зимовать с нами остался кот, которого мы стали звать просто Кот. Да еще шенок, его принес нам перед отъездом кто-то из соседей. Шенка мы назвали Чурлей. И могли бы теперь считаться хозяевами Кота и Чурли, поскольку говорили на человеческом языке и получали зарплату. Но главным в доме все-таки был Кот, проживший здесь уже немало лет, а шенок Чурля собирался подрасти и сторожить дом и тогда, когда мы покинем его. Так что мы стали просто жить в доме вчетвером — Кот, Чурля, ты и я.

Из всех нас, пожалуй, самый важный вид у Кота. Он гордится своей шкуркой по праву, хотя поначалу может показаться: шкурка как шкурка. Серая, с черной полоской по хребту, с аккуратным беленьким носиком, беленькой шейкой и такими же кончиками лапок. Небрежно, как поступают только с по-настоящему драгоценными шкурками, Кот бросает себя то на спинку кресла у окна, то на коврик под умывальником, то на стопку бумаг на письменном столе. Он лежит то свернувшись, то вытянувшись, то зацепив коготком занавеску — словно повесил лапку на гвоздь. Кот никогда не устает находиться в состоянии покоя.

А Чурля, напротив, порывист. Он очень любопытен и старается добраться носом до глубин земли. Он сторожит наш дом и, как всякий сторож, труслив. Завидев за калиткой прохожего, Чурля опрометью бросается в дом и прячется под стол. А когда прохожий удаляется, вылезает и лает велед очень выразительно. Маленький кругленький

tête-à-tête

Чурля с тугим животиком и короткой белой шерсткой. Он и на ножках-то еще стоит нетвердо...

КОЛОДЕЦ

— Это ты пошел за водой на колодец и оставил дверь открытой?

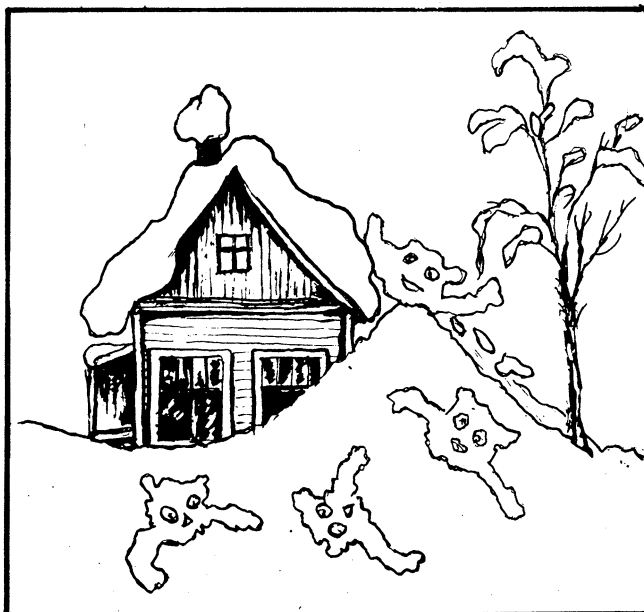
Добрый и неутомимый колодец — во дворе у летней кухни — качает для нас воду. Гулкость и глубина этого необычного колодца скрыты от нашего глаза, а главная его деталь — механическая рука — приводится в движение электричеством. Нажмешь на черную кнопку — рука начинает качаться и вода течь, нажмешь на красную — рука замирает.

Это смешит птиц. Однажды, когда ты нанес в дом воды, выключил колодец и мы сели ужинать, со двора донесся скрип — точь-в-точь скрип колодца. Что такое? Мы выбежали посмотреть. Оказалось, птица-насмешница изобрела такую дразнилку. И колодец — с замершей уже рукой, насупленный — беспомощно молчал, не умея ничего на это ответить без нашей помощи.

ДРУГИЕ ЖИТЕЛИ

Кроме нас четверых в доме еще живут звучалки, грюкалки и шумовья. Шумовья толстенные и неповоротливые, поэтому обнаружить их местопребывание совсем нетрудно, хотя увидеть, к сожалению, нельзя. То они сорвутся с грохотом с крыши, промелькнув в окне белой пылью, а когда подойдешь — чувствуешь: лежат, зарывшись в сугроб, не смея убежать. То услышишь их над головой, станешь на стул, постучишь в потолок — а они, расшались, сразу остановиться не могут, еще какое-то время носятся из одного конца чердака в другой. А то в темном уголке комнаты зашумят; топнешь на них ногой, они на минутку притихнут, выглянут с любопытством наружу — и еще пошумят...

Грюкалок мы слышим, когда поднимается ве-

тер. Тогда с разных сторон двора раздастся громыханье, грюканье, и чем сильнее ветер, тем эти звуки отчетливее. И скоро уже никого не слышно, все попрятались, одних только грюкалок и слышно.

Однажды я, к своему изумлению, услышала грюкалок совсем рядом, под окном, когда никакого ветра не было. Выглянула в окно и увидела Чурлю. Подняв морду, он увлеченно нес в зубах пустую консервную банку. Положил ее на верхнюю ступеньку и — покотил лапой вниз. И так много раз вверх-вниз, вверх-вниз, даже запыхался Чурля. А из банки доносится восторженное грюканье. Очень любят грюкалки всякое движение, оттого и ветру всегда радуются. И только звучалок мне ни разу не удалось обнаружить. Зазвучит где-то недалеко во дворе, выбежишь из дому, прислушаешься, а звучалок уже и след простыл.

ВОЯКА

Продремав осень в кресле, с наступлением зимы Кот начал исчезать из дома. Он необычайно оживился, теперь это не тот Кот, которого теплым со сна приходилось на руках выносить во двор и уговаривать погулять, потому что нельзя же все только спать и спать — это, в конце концов, вредит здоровью котов.

Теперь он каждое утро, довольно резво при своей толщине, сбегает вниз по ступенькам и исчезает в дыре забора. Дома появляется только к вечеру, а иногда — и такое случается все чаще — на другой или на третий день. Потеряв в сражении часть уха, припадая на лапку и бессильно волоча за собой хвост. Забирается в кресло, зализывает раны, отсыпается и — ест, ест, ест...

И вот наконец снова нетерпеливо скачет вниз по ступенькам. И снова исчезает за забором. А когда возвращается — у него уже пол-уха недостает.

ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ

Владимир Львович — племянник. Слишком долго объяснять, чей он племянник и почему звонит в такой поздний час, в половине второго ночи. Поэтому скажу только: Владимир Львович — племянник.

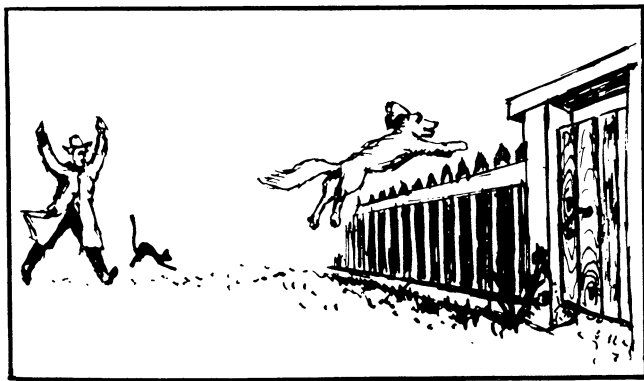
В половине второго ночи, как вы догадываетесь, в доме все спали. Первым проснулся и подошел к телефону Чурля.

— Я вас не разбудил? — вежливо начал Владимир Львович, племянник своего дяди.

(Как раз накануне, посоветовавшись, мы решили больше не вступать в разговор с чужим племянником Владимиром Львовичем, поскольку он не умеет держаться вежливо до самого конца.)

— Перезвоните, пожалуйста, — говорю я. — Вы попали не к нам, а на соседнюю дачу, там уже все спят. — И кладу трубку.

А Чурля стоят рядом и очень сильно переживает всем телом. Говорить по телефону он пока еще не умеет.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

У Чурли уже густая и длинная белая шерсть, которая волнится на хребте. У него лукавая узкая мордочка с рыжими мягкими ушками, несколько больших рыжих пятен на спине и такой пушистый хвост, что перепрыгнуть через забор, перелезть через канаву или кувыркнуться в воздухе его обладателю ничего не стоит. Одно только удовольствие.

Чурля подвижен и жизнерадостен. Он гоняется по двору за птицами, приглашает с собой поиграть и детей, и взрослых, и разной величины и возраста собак. Даже самые злобные и неповоротливые псы не могут устоять перед Чурлиным добродушием. А что за очаровательное выражение на его морде, когда в конце прогулки он с разлету лапами и лбом распахивает калитку и влетает во двор!

В моей памяти застряли две строчки старого поэта, которые часто приходят на ум, когда я вижу, как резвится Чурля. Как будто и к нему это обращено:

*Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь...*

Радость жизни, которой так полон Чурля, кажется хрупкой, очень хрупкой. Хотя я и не знаю, какие несчастья притаились на его собачьем жизненном пути, какие ждут его разочарования.

ВЕСНА

Однажды выходишь из дома и понимаешь, что зима уже ушла. Хотя и снег лежит кое-где грязный и рыхлый, и тепла настоящего нет, но что-то такое ощущается в сыром и ветреном нетерпеливом воздухе, что исчезают последние сомнения: весна наступила!

И так далеко начало зимы — первый снег, сияющий и пушистый, предновогодние хлопоты и праздник Нового года, ранние синие сумерки и мельканье снежинок в свете фонарей. — что всего этого уже и не жалко.

И вот мы с Чурлей наперегонки бежим в дальний конец двора — к березе. Нет ли у нее для нас березового сока?

КОТ-РАБОТНИК

Утром мы обнаружили вскопанные грядки.

— Ты не знаешь, кто вскопал грядки? — спрашивали мы друг друга.

И вдруг увидели Кота: как он спит, вытянув лапы, вздрагивая во сне от усталости. «Мр-р», — отозвался он на наш взгляд, не открывая глаз.

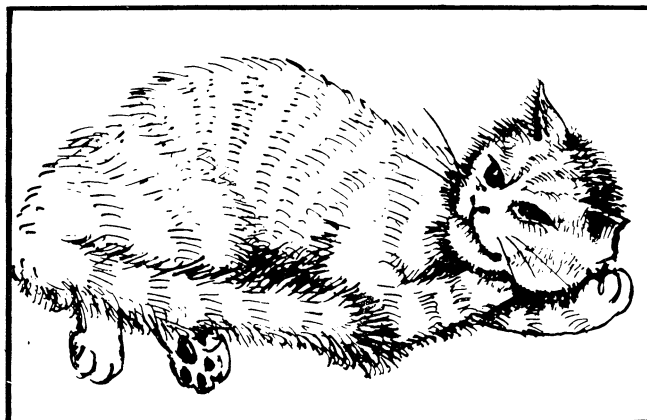
Так вот кто вскопал грядки!

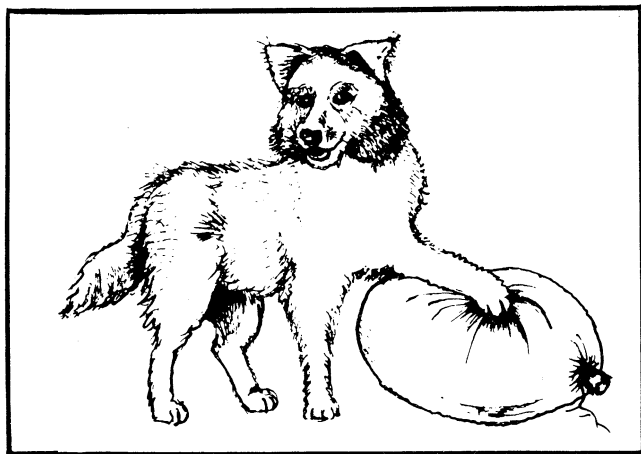
Ну конечно, он все-таки хозяин этого дома, вот и пришлось взяться за лопату, хоть она ему и не по росту. Вскопал как сумел: комья крупные, дорожку землей забросал. И лопату до сарая не донес, к дереву прислонил.

Явился утром в дом и, как обычно, настойчиво потребовал еды. Дали ему супу — он только понюхал и обиженно фыркнул, а хлеба съел один кусочек. Нет, не этого он ждал на завтрак, после того как всю ночь грядки копал.

Теперь спит. Устал. Ну пусть спит. А грязный-то какой! Даже брюшко не вымыл, только ухо потер лапой. На это немного времени ушло, ухо у него отгрызено наполовину.

Да, грязный Кот, и бока раздуты. Некрасивый. Зато живой!

ТАИНСТВЕННЫЙ ШАР

На Первомай соседские дети надули розовый шар и бросили его Чурле. То, что стремительно приближалось к шенку, было не безобидным мячиком, с которым он любил поиграть, не шмелем, от которого по крайней мере известно, чего можно дожидаться, а невиданным существом с тонкой розовой кожицей. Присев на траву рядом с Чурлей, существо подпрыгнуло и стало угрожающе покачиваться, не издав при этом ни звука. Чурля зарычал и отскочил. Развеселившись, дети снова и снова бросали шар. Чурля отскакивал и лаял. А когда шар опускался на траву, Чурля замирал и, тихонько поскуливая, начинал вертеться на одном месте. Наконец, осмелев, приблизился и стукнул по шару лапой. «Уф-ф-ф», — произнес шар и лопнул.

В недоумении стоит Чурля перед обрывком красной тряпочки. Куда делся таинственный враг?

ПРАЗДНИК

Вчера с утра наш дом готовился к празднику. Из холодильника были извлечены курица, ветчина, рыба, большой кувшин с молоком. Все это грудой лежало на столе. Кот охрип от крика. Наконец ему стало кое-что доставаться — сначала совсем маленькими, а потом все большими порциями. Кот без усталости бегал то на веранду, где время от времени наполнялась едой его мисочка, то обратно на кухню, мысленно намечая себе все новые и новые кусочки. Поздно вечером, медленно сжевав предпоследнюю куриную косточку и даже не тронув последнюю, он, отяжелевший, странно мякнув, растворился в темноте.

Сегодня Кот все еще не появлялся. Верно, от обильной еды шкурка его лопнула в нескольких местах и он, где-нибудь спрятавшись, ее зашивает.

ГОСТИ

Но тут надо не забыть рассказать, как я обычно принимаю гостей.

В назначенный час приходит гость. Открываю дверь и не верю своим глазам — гость! Лицо у меня камнеет. Я веду гостя в кладовку, но по дороге

вспоминаю, что ему туда не надо, и мы поворачиваем назад.

Я приглашаю гостя присесть, гостеприимно поводя вокруг себя руками. Видя, что гость продолжает стоять, приношу стул.

Меня всегда смущает обилие сложных предметов, которые необходимо запомнить и в определенной последовательности принести гостю. Особенно трудно бывает вспомнить вовремя о вилке. Чаще всего я вспоминаю о ней в прихожей, когда гость, попрощавшись, наклоняется над своей обувью. Тогда я прошу меня подождать, бегом приношу вилку и протягиваю ее гостю уже за дверью.

В такие дни я радуюсь, что все прошло благополучно, и, усталая, но довольная собой, сразу же засыпаю. Но иногда я вспоминаю про вилку только после ухода гостя. Долго в волнении хожу я с вилкой по комнате и убеждаю себя, что необходимо сейчас же позвонить и предложить вилку по телефону. Наконец, как следует поразмыслив, решаю не торопиться и сделать это завтра...

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

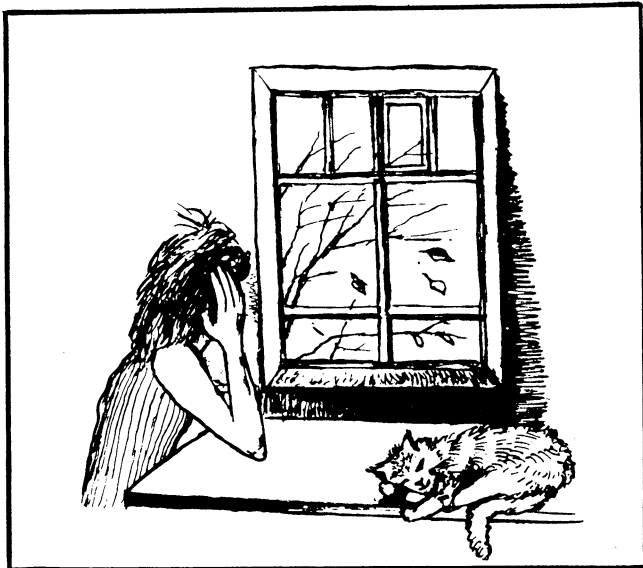
Мне скучно. Всяких дел у меня немало, но желания что-нибудь сделать нет никакого. В таком настроении приниматься за работу не имеет смысла.

Нарядные гости уехали. Может, это они привезли скуку? Вот и Чурля лежит, вытянувшись, а увидев меня, не вскакивает, как обычно, не бросается навстречу, схватив в зубы одну из расклеванных по двору игрушек, а остается лежать, глядя вопросительно и помахивая хвостом. И он опустошен прошедшим днем. Когда взрослые и дети нарядны и чинны, Чурля чувствует себя обманутым.

На свете нет ничего скучнее праздников, правда, Чурля? погоди, не вскакивай. Давай я тихонько поглажу тебя, а ты лежи. Ведь и на твою морду радость приходит изнутри.

ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ

Солнце спряталось, и гремит гром. Погода к воскресенью может испортиться. Сначала пойдет

дождь, потом наступит похолодание. Потом мы не достанем билетов на поезд и не поедем на море. Пропадут и путевки и отпуск. Потом меня уволят с работы. Потом мне сделают операцию, другую, третью... Потом я умру.

Нет, не бывает в жизни такой цельности и стройности. Прежде чем испортится погода, мы купим себе конфет «Мишка косолапый» и будем пировать. Потом окажется, что это хорошо, что мы не поехали на море, потому что надо было остаться в городе для некоего важного дела. Только через несколько лет обнаружится, что дело не удалось, но к тому времени мы уже забудем, что не поехали на море. И меня не уволят с работы, а незаметно обидят, так что я уйду сама. И операцию мне делать не станут, потому что поздно, а пропишут полный покой. И я умру, но сначала успею съесть еще несколько конфет «Мишка косолапый».

ЦВЕТОК? ОБЛАКО? БАБОЧКА?

Идешь по улице и видишь на калитке табличку: «Осторожно, во дворе злая собака». И настолько к этим табличкам за жизнь привыкаешь, что, если неожиданно попросят высказаться о собаке, отвечаешь без запинки: «Собака злая».

А Чурля никакая не собака. Нет у него ни одного из собачьих достоинств. Вместо злобы, надежно ограждающей собачьих хозяев от покушений на них, у Чурли дружелюбие и доверие ко всем. Завидев прохожего, Чурля бросается к нему со всех ног, обнюхивает его и приветственно машет хвостом. И его никто не боится, все только любят Чурлиной красотой и спрашивают, какой он породы. А Чурля никакой не породы, ведь он не собака. Он то и дело забывает о своей хозяйке и бежит за новым знакомым, с любопытством заглядывая ему в лицо. Он любит убежать из дому и бродить по поселку,

пренебрегая своей прямой собачьей обязанностью — сторожить дом. Видно, такое достоинство, как верность, у него тоже отсутствует.

Если Чурля не собака, тогда он, может быть, цветок? Белый цветок у дороги, который радует всех и никому не принадлежит. Или, может быть, он облако? Или белая бабочка? Как легко и без усилия пролетает он над лужей, пользуясь своим пушистым хвостом вместо крыльев!

Мы с Чурлей — без поводка, которого он терпеть не может, — выходим из калитки и направляемся в ближний лес. Чурля бежит немного поодаль, оказываясь то впереди, то сзади меня. Как любая собака, он нюхает землю, но нюхает совсем не как собака, идущая по следу, а так, словно знакомится с братьями своими меньшими и размышляет о них...

ВОТ И ВСЕ

Чурля умер. Это случилось летом. Его похоронили во дворе под березой. Нас не было рядом с Чурлей в его последние минуты — наверно, поэтому я все никак не могу заставить себя поверить в его смерть. А может быть, то, что Чурли нет больше с нами, еще не означает, что его вообще нет? Может быть, жизнь — это больше, чем мы думаем о ней? Больше, чем физическое присутствие, хотя физическое присутствие тоже жизнь. Но ведь в памяти — в нашей памяти — продолжается жизнь тех, кого мы не в силах забыть. И память, наверно, не последнее прибежище жизни.

Тоскуя о Чурле, я смутно чувствую, что он умереть не мог. Его только нет здесь, рядом с нами. А Кот — вот он, спит на своем месте. Немножко как будто постарел — или, может быть, так только кажется? Зато у него отросло и выровнялось ухо. Полностью, даже зазубринки не осталось.

Вот и все о Коте и Чурле.

Редакция принимает к рассмотрению художественную прозу объемом до 4 авт. л., статьи и публикации до 2 авт. л.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция лишь сообщает автору о своем решении.

В связи с удорожанием почтовых расходов убедительно просим вас каждый раз вкладывать в вашу отправку (письмо, бандероль с рукописью) чистый конверт с маркой — это послужит гарантией своевременного ответа.

...Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри вас.

П. Я. ЧААДАЕВ.

В номере:

Почему русские устали!

Дом, которого ещё нет

Амур глазами декабриста

Брошенное поколение

**Василий Розанов о евреях,
патриотах и попах**

Дело кологривского исправника

Письма из провинции

